

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

ПИСЬМА

И. И. СОЛМЕРТИНСКОМУ

Издательство «Композитор • Санкт-Петербург»

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ

*ПИСЬМА
И. И. СОЛЕРТИНСКОМУ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОМПОЗИТОР • САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»

2006

ББК 85.313(2)
Ш79

Публикация и подготовка иллюстраций
Д. И. Соллертинского

Предисловие *Л. Г. Ковнацкой*

Подготовка текста *Д. И. Соллертинского,*
Л. В. Михеевой,
Г. В. Копытовой и О. Л. Данскер

Комментарии и именной указатель *О. Л. Данскер,*
Л. Г. Ковнацкой, Г. В. Копытовой, Н. В. Ливишиц,
Л. В. Михеевой и Л. О. Адэр

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии
и книгоиздания России»)

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати
и взаимодействию со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Ирины Антоновны Шостакович

В издании использован ряд фотографий
из архива *Д. И. Соллертинского*

© Д. Д. Шостакович, наследники, 2006

© Л. Г. Ковнацкая, предисловие, 2006

ISBN 978-5-7379-0304-6

© Издательство «Композитор • Санкт-Петербург», 2006

Предисловие

Среди собраний писем Шостаковича эта коллекция уникальна. Она предстает такой по определению, а priori,— как письма Шостаковича к Соллертинскому, дружба с которым, столь высоко значимая для обоих, давно стала фактом культуры XX века и известна всему просвещенному миру.

Они встретились в консерватории в 1921 году, 14-летний начинающий композитор и 18-летний студент-филолог, и старший произвел на младшего неизгладимое впечатление. «...Я поскорее стушевался,— вспоминал Шостакович,— так как чувствовал, что мне очень трудно будет вести знакомство со столь необыкновенным человеком»¹. Прошло шесть лет — сближение состоялось (Шостакович датирует его 1927 годом)².

Гений Шостаковича к тому времени возвестил о себе громогласно и вознес молодого музыканта на вершину мировой славы. Его дипломная работа, Первая симфония, с огромным успехом была исполнена в Ленинграде и вызвала горячую заинтересованность крупнейших дирижеров Европы и США; 19-летний автор мгновенно занял центральное место на композиторской сцене страны; критика и публика пристально следили за каждым его творческим шагом.

---

¹ Шостакович Д. [Воспоминания о И. И. Соллертинском] // Памяти И. И. Соллертинского: Воспоминания, материалы, исследования / Сост. и коммент. Л. Михеевой. 2-е изд., доп. Л., 1978. С. 102.

² См.: Шостакович Д. [Воспоминания о И. И. Соллертинском.] С. 103; см. также комментарии Л. Михеевой в сборнике «Памяти Соллертинского», с. 261.

Соллертинский к 1927 году успел стать сенсацией ленинградского гуманитарного мира и мира искусств. Приехав в 1906 году с семьей в Петербург, он закончил там гимназию, затем с 1919-го служил в Витебском статистическом бюро и в подотделе искусств комитета по народному образованию³. В 1921 году он снова в Петрограде: поступает в университет, на романо-германскую секцию факультета общественных наук (заканчивает в 1924-м); одновременно учится на Высших курсах искусствознания при Государственном (Зубовском) институте истории искусств, который заканчивает в 1923 году; в 1925-м становится аспирантом университета, а в 1926-м — аспирантом театроведческого разряда того же Зубовского института. Заведующий разрядом, крупнейший театровед А. А. Гвоздев характеризует его как «лучшего и наиболее выдающегося по своим способностям молодого научного работника»⁴.

Он рано начал преподавать — и в Витебске и в Петрограде (Ленинграде) одновременно с учебой: в средней школе, которая была знаменитым Тенишевским училищем, в Хореографическом училище, в Театральном институте, в Институте живых восточных языков (индийскую литературу и театр)⁵, на Высших курсах искусствознания (Зубовский институт). «Эпитеты — талантливейший, многогранный, высококультурный — не звучат преувеличением в приложении к Соллертинскому. Действительно, он владеет даром блестящего литературного изложения, прекрасно осведомлен в материале любой эпохи, является одновременно специалистом и по музыке, и по театру, и по литературе, умеет убедительно и находчиво связать, казалось бы, разнородные явления, найти их общие корни», — пишет заведующий сектором музыки института П. В. Грачев⁶.

---

³ Здесь и ниже сведения об образовании и службе Соллертинского почерпнуты из автобиографии и личного листа по учету кадров, хранящихся в архиве РИИИ и фрагментарно опубликованных в сборнике «Памяти И. И. Соллертинского» (статья Л. Михеевой «Краткая биография И. И. Соллертинского», с. 248–250) и в воспоминаниях М. С. Друскина (*Друскин М. Друг // Друскин М. Исследования. Воспоминания*. Л., 1977. С. 229–230). Документы Соллертинского хранятся также в ЦГАЛИ СПб (ф. 259, оп. 2, д. 664).

⁴ Характеристика от 17 марта 1926 г. (архив РИИИ).

⁵ Личный лист по учету кадров (ЦГАЛИ СПб, ф. 259, оп. 2, д. 664, л. 13).

⁶ Характеристика от 20 января 1935 года (архив РИИИ).

Соллертинский был весьма популярным лектором-гидом и переводчиком. Его заметки и рецензии уже появились в периодике, и он стремительно обрел авторитет как критик. В 1927 году начал консультировать филармонию. Отличался эйдетической памятью, фантастической работоспособностью и, как следствие, знанием удивительного для молодого человека числа иностранных языков (сам он в Curriculum vitae перечисляет 21 язык, не считая диалектов⁷). И это — лишь старт культурно-просветительской экспансии в ленинградский театральный и музыкальный мир, который уже с конца 20-х годов был без него немыслим!

Всю свою широкую образованность и многостороннюю активность он подчинял, в конечном счете, музыке. По окончании университета 22-летний Соллертинский записал в дневнике: «Музыка — вот тот идеальный язык, которому принадлежит всякая частица моего этоса. Бетховенские симфонии, си-минорная симфония Шуберта — вот тот алфавит, знаки которого обладают исключительной силой для передачи всего меня»⁸. Переживание искусства звуков отзывалось в нем редкостной чувствительностью и делало ироничного, колкого и насмешливого человека «скрыто сентиментальным»⁹. Он, будущий (с 1939 года) профессор консерватории без специального образования, преодолевал свой дилетантизм внедрением в саму музыку и классическую мысль о ней и вскоре стал экспертом в этой сфере. И несомненно, жизнь, немыслимая вне музыки, служение ей — вот то, что явилось неперенным, словно вынесенным за скобки условием близости Соллертинского и Шостаковича.

В минувшую студенческую пору, в бурном общении с соучениками, с ленинградскими и московскими друзьями, Шостакович

---

⁷ «Владею языками: французским, английским, немецким, итальянским, испанским, португальским, латинским, древнегреческим, новогреческим, датским, каталонским, сардинским, провансальским, готским, древнесеверными (исландским), санскритом, бенгальским, арабским. Знаю голландский, румынский, древнеперсидский и ряд современных южно-американских диалектов: мексиканский, бразильский, чилийский» (ЦГАЛИ СПб, ф. 259, оп. 2, д. 664, л. 14 продолж.).

⁸ Цит. по: *Друскин М.* Друг. С. 230.

⁹ Там же. С. 230–231.

искал дружбу, жаждал ее. Феномен дружбы занимает в его письмах этих лет много места. Юноша пытается сформулировать представления о ней, ее принципы и условия и однажды находит детски наивную, но универсальную формулу: «Те люди, которых я люблю, это главным образом те, которые любят меня, так же, как и я их, и так же хорошо ко мне относятся, как и я к ним»¹⁰. Он подставляет на вакантное место своего Друга то или иное имя — и, неудовлетворенный, вынужден отклонять кандидатуру (чаще прочих в критических пассажах его писем фигурирует Михаил Квадри, лидер московской студенческой группы¹¹).

Среди множества ровесников он обрел людей духовно близких. Из них в первой половине 20-х годов лидирует Валериан Богданов-Березовский, но эта взаимная восторженно-пылкая привязанность оказывается недолгой¹². На передний план выдвигаются новые лица: Лёля — Л. О. Арнштам, Лёва — Л. Н. Оборин, Роня — В. Я. Шебалин становятся пожизненными преданными друзьями Шостаковича, добрые и прочные отношения с которыми отражены не только в воспоминаниях, но также в письмах и иных, творческих документах. В начале 30-х в этот тесный круг входит ученик Соллертинского И. Д. Гликман¹³.

С юных лет Шостакович инстинктивно искал и иной, зрелой мужской дружбы старшего. Такой, какая была остро необходима ему в семье среди женщин (отец его умер в 1922 году), позволила бы одновременно ощутить себя взрослым и почувствовать покровительство. На какое-то время другом-покровителем Дмитрия становится Б. Л. Яворский — письма к нему в высшей степени красноречивы, они показывают очень высокий градус

---

¹⁰ Письмо к Б. Л. Яворскому от 22 ноября 1925 года // Дмитрий Шостакович в письмах и документах / Ред.-сост. И. А. Бобыкина; Науч. ред. Л. В. Есипова, М. П. Рахманова. М., 2000. С. 21–22. (В дальнейшем — Письма и документы.)

¹¹ См.: *Шебалин В. Я.* Литературное наследие. М., 1975. С. 20; см. также письмо Д. Д. Шостаковича к Б. Л. Яворскому от 7 июня 1925 г. (Письма и документы, с. 45) и письмо 3 в настоящем издании.

¹² См.: *Ковнацкая Л.* Шостакович и Богданов-Березовский (20-е годы) // Шостакович: между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб., 2000.

¹³ См.: Письма к другу: Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману / Сост. и коммент. И. Д. Гликмана. М.; СПб., 1993.

искренности и доверия. Выразительно признание, относящееся к 1925 году: «Слово „друг“ я распространяю только на двух людей. На Вас и на Валерьяна Михайловича»¹⁴.

Время принесло травмирующие разочарования и болезненные потери. И все же Шостаковичу было даровано познать дружбу истинную, притом истинную в его собственных идеальных представлениях. Явился Друг — человек, которому он безмерно доверял, которым безгранично восхищался, чья духовная жизнь была столь же интенсивной, как и его внутренняя жизнь, чьим мнением он дорожил более всех иных, чья поддержка была ему насущно необходима. Таков был Соллертинский, и отныне меркой отношений с ним Шостакович мог мерить отношения со всеми друзьями. Однако Соллертинскому в его кругу было отведено место особое.

Это был человек и близкий по возрасту, и старший — не только и не столько годами (тут разница была мала и со временем нивелировалась), сколько по развитию, кругозору, жизненному опыту. Человек, возможно, более твердого характера, более сильный и уверенный в себе. Общение с такой личностью было для молодого музыканта необходимо как воздух, оказывало на него мощное стимулирующее воздействие — интеллектуальное и творческое, способствовало взрослению и духовному росту. В одном из писем Д. Д. говорит об абсолютной незаменимости в его жизни Соллертинского, и это не пафосное преувеличение.

Они начали с обращения «на Вы» и тут же перешли «на ты», сохранив, однако, принятую в среде интеллигентов церемонную манеру величать друзей по имени-отчеству. Их отношения стремительно углублялись и расширялись, охватив все без исключения стороны жизни. Читатель этой книги даже в отсутствие писем Соллертинского к Шостаковичу — к несчастью, не сохранившихся — без труда получит представление о характере общения корреспондентов.

Прежде всего, Шостакович испытывает потребность постоянно держать Соллертинского в курсе своего творчества: откуда получено предложение и что в нем интересного; когда начата

---

¹⁴ Письмо от 22 ноября 1925 года // Письма и документы. С. 45. Валерьян (Валериан) Михайлович — Богданов-Березовский.

новая вещь, как продвигается, когда закончена; каковы условия и, следовательно, темп работы. Рассказывает о репетициях, исполнениях, обсуждениях, иногда дает самооценку. Д. Д. не скрытничает, он пишет другу хоть и лаконично, но разнообразно и с интересными деталями.

Здесь отсутствие ответных писем — наиболее ощутимая потеря. Было бы важно понять, как реагировал на подобные сообщения пристрастный ко всему связанному с Шостаковичем и его произведениями Соллертинский, был ли критичен, какие находил слова и выражения, служившие поддержкой и стимулом. Его опубликованные рецензии и хранящиеся в архивах протоколы выступлений на художественных советах отчасти восстанавливают диалог. Но все же утрачено главное и самое откровенное — импульсивно высказанное по поводу волнующих и таинственных моментов работы композитора. Ведь обсуждая свои сочинения, Шостакович чувствовал себя надежно защищенным благодаря верности Соллертинского дружескому кодексу. Как свидетельствует М. С. Друскин, «Иван Иванович придерживался иерархии в дружбе: не критиковал высшего по рангу в присутствии низшего»¹⁵. Тем более осторожным в этом плане он был в публичных выступлениях.

Поддержки Соллертинского искали многие. Его нелицеприятного мнения, высказанного в убийственно-ироничной реплике, ждали и боялись едва ли не все. Именно это свойство друга побуждало Шостаковича быть беспощадно критичным по отношению к самому себе — не вынужденно, под давлением официальной критики, а как на духу. Соллертинский олицетворял для него Высший Суд. Вот одно из свидетельств тому (в письме 98): «Я думаю, что тебе ясно, что „Светлый ручей“ это моя позорная неудача. И что я отношусь к этому с самого начала именно так. Мне хочется только, чтобы ты поверил в это мое отношение и поверив, понял, и поняв простил. То что я мог делать во время „Болта“ нельзя делать сейчас. И я отлично это понимаю и ругаю себя нещадно. Очень был бы я счастлив, если бы ты немедленно мне ответил на это письмо и успокоил бы мою мятущуюся душу. Только обойдись без нотаций. Это мне будет неприят-

---

¹⁵ Друскин М. Друг. С. 226–227.

но. Хотя я думаю, что ты, давно зная меня, понимаешь мое отношение к упомянутому выше *opus*’у».

Письма говорят о неутолимой жажде общения с Соллертинским. Разлученный с другом, Д. Д. тоскует по разговору с ним. Чуть задержится почта, и душу Шостаковича охватывает лавинообразное беспокойство. Читатель обратит внимание, сколь богат оттенками призыв «пиши»: от шутливого напоминания («прошу тебя: повесели меня своими письмами», письмо 132) и настоятельной просьбы («пиши хоть два слова», письмо 149) — до заклинания и отчаянной мольбы («...я твердо рассчитываю, что ты не оставишь меня в минуту жизни чрезвычайно трудную для меня, ибо единственный человек, дружбой которого я дорожу как зеницей ока, это ты. Итак напиши мне ради бога», письмо 98).

Соллертинский хотел знать о друге всё и ожидал предельной искренности и интимной откровенности, с которой сам говорил о себе среди своих¹⁶. Шостаковича, вне сомнения, радовала возможность делиться с другом всем на свете, без ложного стыда. Нет решительно ничего, что он не поведал бы Соллертинскому. Не этим ли объясняется в письмах легкость переходов, а точнее сказать, отсутствие переходов от дел творческих или общественных к самым интимным? Читатель, не будь ханжой! То были разговоры, рассказы, прекомичная болтовня, веселые сплетни, вполне естественные для двадцатилетних мужчин, озабоченных победами на любовном фронте, живых и мальчишески озорных, юношески впечатлительных и хулигански дерзких. Больше того, любому, кто знает музыку Шостаковича 20–30-х годов — с ее задиристой эксцентричностью, гротесковой интонационной пластикой, гармоническими эскападами, фактурно-тембровым динамизмом и всепокоряющей энергией ритма, — показалось бы странным и даже подозрительным, если ничего «этого» не было бы в его письмах.

Не исключено, что друзья уговорились не подчищать лексику посланий в оглядке на цензуру, — возможно, им даже нравилось «дразнить гусей», и уж совсем они не думали о читателе будущего. Некоторая осторожность проскальзывает лишь с момента, когда у корреспонденции появляется потенциальный второй читатель,

---

¹⁶ См.: Друксин М. Друг. С. 225.

а вернее, читательница — жена Шостаковича Нина Васильевна («напиши мне, только учти, что письмо будет, возможно, читаться не только мной и потому не злоупотребляй»), письмо 66).

У Д. Д. был острый глаз, и он любил пустить острое словцо. Будучи по натуре реактивным, подчас нервно взвинченным и подверженным приступам дурного настроения, он в молодые годы под влиянием момента наделял убийственными характеристиками коллег и приятелей, добрые отношения с которыми между тем не нарушались. «Болтал, не задумываясь», — напишет позднее Шостакович о «Диалогах» Стравинского и прибавит: «Подобные происшествия бывали не только со Стравинским»¹⁷. Наверняка он вспомнит тогда и о своей «школе злословия» — манере, которую изжил в себе в зрелые годы, когда взвешенность и сдержанность стали свойственны его суждениям о людях, включая даже тех, кто причинил ему много неприятностей и боли.

Шостакович был чуток к литературной стороне общения — в юные годы он восхищался умением Богданова-Березовского писать рассказы и стихи. До какой же степени должна была его покорять вдохновенная литературность безгранично эрудированного друга! Вместе с тем самому ему была присуща характерная манера письма, стилизующая прозу Зощенко¹⁸, Аверченко, Хармса¹⁹, Гоголя, Чехова²⁰. Он уснащал свои письма парафразами навязших в зубах формулировок, на которых были воспитаны многие поколения советских людей. Таково, например, «срывание всех и всяческих одежд с лиц дамского пола» (письмо 126) взамен «срывания всех и всяческих масок» (у Ленина в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции»).

---

¹⁷ Письма к другу. С. 279.

¹⁸ См.: *Савенко С.* Слово Шостаковича // Д. Д. Шостакович: К 90-летию со дня рождения / Сост. Л. Ковнацкая. СПб., 1996.

¹⁹ См.: *Левая Т.* Хармс и Шостакович: несостоявшееся сотрудничество // Хармсиздат представляет: Сб. материалов / Сост. В. Н. Сажин. СПб., 1995; *Акопян Л. О.* Контрапункт «сюжетов» в опере Шостаковича «Нос» // *Акопян Л. О.* Анализ глубинной структуры музыкального текста. М., 1995.

²⁰ См.: *Бартлет Р.* Шостакович и Чехов // Д. Д. Шостакович: К 90-летию со дня рождения.

Наверняка не без влияния блистательной словесности Соллертинского, его стиля общения — ироничного, остроумного, насыщенного «чужими словами» (М. Бахтин) и каламбурами, — Шостакович культивировал в себе склонность к смысловой игре и словесной импровизации. В его письмах рассыпано великое множество скрытых цитат, он виртуозно контаминирует фразы и реплики из разных литературных произведений. Они хорошо «слышны», подчас то или иное выражение может легко ассоциироваться с речью персонажа или стилем писателя, однако атрибутировать его, «наткнуть на него палец» (П. Вяземский) не всегда удается.

Порождением той же игровой стихии выглядят постоянные характеристики, присвоенные некоторым знакомым и нередко сопровождающие их имена: «рвач Мейерхольд», «мещанин Гаук», «дружина Липатов». Непосвященным остается лишь догадываться о происхождении и условном смысле таких ярлыков, как и о том, почему именно эти персонажи переписки их удостоились.

В эпистолярной манере Шостаковича легко обнаружить гротесковую портретность, он любил писать письма-новеллы, жанровые сценки, скетчи, легко превращал случай из жизни или содержание произведения в анекдот. Читатель обратит внимание на курьезный пересказ либретто балета «У новой машины» — он же «Болт» (письмо 18): «Содержание очень актуальное. Была машина, потом испортилась (проблема изнашиваемости матерьяла). Потом ее починили (проблема амортизации), а заодно и новую купили. Потом все танцуют у новой машины. Апофеоз. Все это занимает 3 акта».

Эпистолярная игра порой набирала энергию, становилась без-удержно азартной и увлекала автора настолько, что резонно возникает сомнение: да так ли в действительности это было? Может, рассказчику трудно остановиться и он все больше нагнетает гротесковое, дабы позабавить друга и заслужить его высокое одобрение?

Искусство амбивалентной смысловой игры, столь известное по симфониям Шостаковича, проявляло себя и в игре словесной. Так, в письме от 17 ноября 1935 года после подробного отчета о трудных перипетиях балета «Светлый ручей» Д. Д. возвещает

о завершении грустной части письма, вторая часть которого такова: «Сегодня я имел огромное счастье посетить заключительное заседание съезда стахановцев. Видел в президиуме товарища Сталина, т. т. Молотова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Калинина, Коссиора, Микояна, Постышева, Чубаря, Андреева и Жданова. Слушал выступления товарищей Сталина, Ворошилова и Шверника. Речью Ворошилова я был пленен, но после прослушания Сталина я совершенно потерял всякое чувство меры и кричал со всем залом „Ура!“ и без конца аплодировал. Его историческую речь ты прочтешь в газетах, так что излагать тебе ее не буду. Конечно, сегодняшний день является самым счастливым днем всей моей жизни: я видел и слышал Сталина».

Историографы могут не сомневаться: члены Политбюро сидели и выступали именно в том порядке, который отражен в письме. А читатель оценит горькую иронию текста, к которому с политической точки зрения трудно было придаться, если бы не острающие и вносящие сатирический подтекст характеристики («счастье» утомительного присутствия на съезде стахановцев, «пленительность» речи Ворошилова) и, наконец, разительный контраст двух не сопоставимых по смыслу частей повествования — тревожной и фальшиво оптимистичной. Это письмо можно считать прообразом знаменитого письма к И. Д. Гликману от 29 декабря 1957 года из Одессы с дважды перечисленными именами 23 членов Политбюро и четырех классиков марксизма-ленинизма — излюбленным объектом исследователей Шостаковича²¹.

События, которые в ту страшную эпоху не могли обсуждаться в письмах, осознавались друзьями, судя по всему, единодушно, без разноречий. Сообщая о таковых, Д. Д. рассчитывал на понимание с полуслова. Ему хватало пары, казалось бы, нейтральных фраз, чтобы Соллертинскому стал ясен смысл сообщения в его грозной полноте. Чуткий читатель заметит намеки на самые трудные в условиях тотального контроля темы. Это, например, пунктирно прослеживающееся на протяжении нескольких лет «дело Рафаловича». Умеющего читать между строк насторожит скупое и напряженное начало письма из Москвы от 29 февраля

---

²¹ См.: *Савенко С.* Цит. соч. С. 364; *Тарускин Р.* Шостакович и мы // Шостакович: между мгновением и вечностью. С. 789–790.

1936 года: «Безвыходно сижу дома. Ожидаю звонка». Соллертинскому не требовались пояснения, откуда ждал звонка Шостакович: после сокрушительной критики оперы «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Д. ждал встречи со Сталиным и, следовательно, сигнала из Кремля. Письмо от 7 мая 1937 года также подразумевает всю меру понимания: «Настроение у меня неважное из-за беды, свалившейся на Нину. Она наружно спокойна, но я чувствую, какую она сейчас переживает драму. <...> Ты может быть поймешь ее состояние. Ты тонкий психолог и тебе наверное ясно, чем она сейчас страдает. А от нее страдаю и я». Здесь зашифрован один из самых драматичных сюжетов семейной истории Шостаковичей-Варзар: мать Нины Васильевны София Михайловна Варзар была арестована 13 апреля 1937 года якобы за принадлежность к фашистско-террористической организации, спустя несколько месяцев освобождена и вскоре снова осуждена и отправлена в Карлаг НКВД (Караганда). Члены другой ветви семьи, Шостаковичей-Фредериксов, были тоже репрессированы. Отсюда — «приеду, потолкуем», «встретимся и побеседуем о том о сем».

Шостаковича можно назвать эпистолярным человеком. Всю жизнь он был аккуратен в переписке, неукоснительно соблюдая в этом этикет; писал много, особенно щедро — друзьям. И потому, сравнивая послания к Соллертинскому с прочими уже опубликованными, можно представить себе, что в характере, мироощущении и взглядах композитора не поддавалось коррозии времени и возраста, что не зависело от адресата, а что изменялось с годами или определялось типом общения. Собrania писем к матери и к друзьям разных лет в совокупности своей показывают жизнь Шостаковича с большой детализированностью, яркостью, в динамике и эволюции. И даже на таком фоне письма к Соллертинскому от начала и до самого конца поражают искренностью, исповедальностью.

Свод писем охватывает 17 лет (1927–1944) — эпоху сталинского террора, голода, репрессий, жесткого идеологического давления; годы Великой Отечественной войны; время свертывания авангардного искусства, трагического слома духовной жизни России и насильственного воцарения эстетики социалистического

реализма. Неудивительно, что с конца 20-х через 30-е к 40-м — это как раз те годы, которые более всего привлекают биографов и исследователей творчества Шостаковича и всей советской культуры. На это время пришлась молодость обоих корреспондентов, их восхождение к зрелости, их творческие триумфы и повсеместная известность, потери близких, друзей и мучительные коллизии личной жизни, холод экзистенциального одиночества и обретение духовной силы.

Мимо внимания читателя не пройдут изменения в темах и тоне писем: с годами они становятся серьезней, глубже, на смену бrio юмора и гротесковых шаржей приходит горький сарказм. В поздних письмах бытовое и обременительное, что должно было быть сметено эгоцентрическим по своей природе инстинктом самосохранения творца ради своего предназначения — сочинения музыки, преодолевается альтруистическим чувством ответственности за близких, за разросшуюся семью, за судьбу учеников «первого призыва». И всё отчетливей слышен страх потерять Друга.

В своей статье на смерть Соллертинского Шостакович назвал его художником²². Конечно, не только Д. Д. был для И. И. творцом, но и сам Соллертинский, с его ярким темпераментом, исключительными талантами, мощной креативностью, виделся Шостаковичу истинным творцом. И, в силу принципиально разной природы их творчества, они, испытывая взаимное восхищение, редкостным образом одаряли и дополняли один другого. Соллертинский за годы общения стал для Шостаковича незаменимым. Шостакович вел с ушедшим другом пожизненный диалог. Однажды он признался: «Работая над своими новыми сочинениями, я всегда думаю: а что бы об этом сказал Иван Иванович?»²³

Статья с воспоминаниями о Соллертинском была написана в скорбные дни его безвременной кончины. Шостакович выразил ею боль утраты, масштабы которой сможет оценить каждый читатель этой книги. «Нет у меня больше самого близкого друга», — так заканчивает Д. Д. свой горестный рассказ. В то же время

---

²² См.: *Шостакович Д.* [Воспоминания о И. И. Соллертинском.] С. 104.

²³ Памяти И. И. Соллертинского. С. 261.

в память о Соллертинском он писал Трио для скрипки, виолончели и фортепиано, соч. 67. Символично, что оно было впервые исполнено в первом по возвращении из эвакуации сезоне Ленинградской филармонии — в ее Большом зале, где работал Соллертинский и где своей репертуарной политикой и блестящими лекциями творил «золотой век» филармонии.

В статье, по сути погребальной речи, Шостакович высказался настолько полно, что спустя почти три десятилетия не счел необходимым прибавить ни единого слова. Статья перепечатывалась и переиздавалась, и чем больше увеличивалась дистанция со времени ее возникновения, а вес фигуры Шостаковича возрастал, тем больше на Соллертинского падал отраженный свет имени его друга. Этим именем было освящено едва ли не всё, что делалось при жизни Д. Д. в память о Соллертинском — ученом, критике, лекторе.

Письма Шостаковича к Соллертинскому дают бесценные сведения для биографии композитора, уточнения хронологии и обстоятельств создания сочинений, событий как внутренней жизни — творческой и личной, — так и жизни внешней, общественной.

В них многочисленны действующие лица: кто-то появляется однократно, другие — периодически, третьи остаются постоянными фигурантами. Все вместе они рисуют групповой портрет деятелей советской музыкальной культуры в годы, через которые проходит переписка. Тем самым письма, призматически преломляющие события времени, предоставляют богатый материал для понимания фактуры эпохи, для ее летописи. Время, события и люди глазами художника, чье творчество и судьба стали символом этого времени, — таков феномен этих документов.

Письма Шостаковича создают образ Соллертинского глубокий и драматичный, отличающийся от эксцентрика и остролова, знакомого широкой публике благодаря устным рассказам И. Андроникова. Соллертинский писем Шостаковича — это человек, отношения с которым не поддавались обесценивающей инерции общения и эпидемии предательств, ставших в советские годы обыденностью. Но самый драгоценный сюжет писем — личность Шостаковича, импульсивная, сверхэмоциональная,

постоянно встревоженная, полная движения и жестикуляции, искрящаяся живыми красками.

Письма складываются в единый текст, разрезанный формулами приветствия и прощания. Это разговор с Другом. Подобный разговор и возможен единственно на ноте полной откровенности и любви. Ни одного письма из корректности, «в ответ», а только послания, движимые настоящей и глубинной душевной потребностью. Как важно знать, что Шостакович был предрасположен к столь максималистскому общению! И вряд ли можно хоть что-то добавить к признанию гениального композитора: «Всем своим развитием я обязан ему».

Апрель — май 2006 г.

Л. Ковнацкая

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник включает все сохранившиеся письма Шостаковича к Соллертинскому — от коротких записок на визитных карточках и телеграмм до пространных посланий, — общим количеством 171, а также телеграмму, отправленную Соллертинскому первой женой Шостаковича Ниной Васильевной и письмо Шостаковича к вдове Соллертинского Ольге Пантелеймоновне.

В начале Великой Отечественной войны семья Соллертинских вместе с Ленинградской филармонией была эвакуирована в Новосибирск. Большой архив И. И. Соллертинского остался в опечатанной квартире на Крестовском острове. Уезжая, Ольга Пантелеймоновна интуитивно выбрала из него и взяла с собой письма Шостаковича. Тем самым она спасла их: когда в 1944 году осиротевшая семья вернулась в Ленинград, квартира оказалась разоренной, очень многое пропало, в том числе и весь архив Ивана Ивановича. В дальнейшем письма Шостаковича сохранил сын Соллертинского, Дмитрий Иванович.

Работа над корпусом этих эпистолярных документов ведется уже более трех десятилетий. Л. В. Михеева на протяжении многих лет использовала их в своих публикациях в журналах «Советская музыка», «Звезда», «Тетральный Ленинград», «Журнал любителей искусства» и др., приводя фрагменты многих писем.

В настоящем издании письма публикуются с некоторыми купюрами, сделанными сыном композитора Максимом Дмитриевичем (в частности, с изъятием ненормативной лексики). Изъятия обозначены многоточием в угловых скобках.

Орфография в основном приведена к современным нормам (за исключением слов, написанных в латинской графике, и украинских), однако отдельные ее индивидуальные черты сохраняются («матерьял» вместо «материал» и т. п.). Манера Шостаковича начинать абзацы без отступа не воспроизводится. Буква «ё», как правило, не используется. В остальном передаются все особенности оригинала, включая авторскую пунктуацию. Сокращения слов раскрыты (в квадратных скобках) лишь в случаях, когда это необходимо для пояснения содержания.

В комментариях биографические сведения даются в объеме, обусловленном контекстом и временными рамками письма.

Адрес И. И. Соллертинского приводится лишь при его изменении. Д. Д. Шостакович в комментариях обозначается сокращением ДДШ.

Использованные в комментариях письма Д. Д. Шостаковича к матери хранятся в Санкт-Петербургском государственном Музее театрального и музыкального искусства (фонд 12). При ссылках на них указываются лишь номера единиц хранения.

Над подготовкой текста писем и комментариями работала большая группа публикаторов, но без помощи извне справиться с этой работой было бы невозможно. За содействие в поиске сведений и документов, необходимых для воссоздания объемной картины эпохи 1920–1940-х годов, редколлегия выражает глубокую признательность дирекциям и сотрудникам архивов и библиотек, в особенности О. Г. Дигонской (Архив Д. Д. Шостаковича, ГЦММК им. Глинки, Москва), В. П. Ярошецкой (ЦГАЛИ СПб), Р. А. Смольяниновой (архив Санкт-Петербургской консерватории), Г. Л. Ретровской (музыкальная библиотека Санкт-Петербургской филармонии), К. Я. Суровых (архив РИИИ, Санкт-Петербург), А. М. Загулину (кинокабинет РИИИ), сотрудникам библиотеки РИИИ.

Редколлегия выражает признательность Ирине Антоновне Шостакович за всемерную помощь на всех этапах работы.

Особая благодарность редактору издания Алексею Вениаминовичу Вульфсону.

Аббревиатуры и сокращения, не раскрытые в комментариях

- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
б. — бывший
ВАПМ — Всероссийская ассоциация пролетарских музыкантов
ВКП(б) — Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
Всероскомдрам — Всероссийское общество композиторов и драматургов
ВЦИК — Всесоюзный Центральный Исполнительный Комитет
ГАБТ — Государственный академический Большой театр (Москва)
ГАТОБ — Государственный академический театр оперы и балета (Ленинград), ныне Мариинский театр (Санкт-Петербург)
ГИИИ — Государственный институт истории искусств (Ленинград), ныне РИИИ
Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса
Главполитпросвет — Главный политико-просветительный комитет республики
Главпрофобр — Главное управление профессионального образования
Главрепертком — Главный репертуарный комитет
Готоб — Государственный театр оперы и балета (позднее ГАТОБ)
ГПУ — Государственное политическое управление
ГЦММК — Государственный центральный музей музыкальной культуры им. Глинки (Москва)
КР РИИИ — Кабинет рукописей Российского института истории искусств
КСУ — Курортно-санаторное управление
ЛАПМ — Ленинградская ассоциация пролетарских музыкантов
ЛАПП — Ленинградская ассоциация пролетарских писателей
ЛАСМ — Ленинградская ассоциация современной музыки
ЛГК — Ленинградская государственная консерватория
ЛГФ — Ленинградская государственная филармония
ЛОГАИС — Ленинградское отделение Государственной академии искусствознания (ныне РИИИ)
ЛССК — Ленинградский союз советских композиторов
Малегот — Ленинградский государственный академический Малый оперный театр (ныне — Санкт-Петербургский Театр оперы и балета им. Мусоргского)
МГК — Московская государственная консерватория
МГФ — Московская государственная филармония

МОДПиК — Московское общество драматических писателей и композиторов
Музгиз — Государственное музыкальное издательство
Музфонд — Музыкальный фонд СССР
МХАТ — Московский Художественный академический театр
н. а. р. — народный артист республики
нарком — народный комиссар (министр)
Наркомат — Народный комиссариат (министерство)
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
Наркомсвязи — Народный комиссариат связи
Наркомвнудел, НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
Осоавиахим — Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству
Политбюро ЦК — Политическое бюро Центрального комитета
полпред — полномочный представитель (посол)
полпредство — полномочное представительство (посольство)
Пролеткульт — Пролетарская культура (культурно-просветительская и литературно-художественная организация)
Рабис — Профессиональный союз работников искусств
РАПМ — Российская ассоциация пролетарских музыкантов
РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РИИИ — Российский институт истории искусств (Санкт-Петербург)
Росфил — Российское филармоническое акционерное общество
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СК — Союз композиторов
СНК, Совнарком — Совет Народных Комиссаров СССР
Софил — Советское филармоническое акционерное общество
ССК — Союз советских композиторов
ТРАМ — театр рабочей молодежи
ТЮЗ — театр юного зрителя
ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК — Центральный комитет

ПИСЬМА

1

[Без даты]

Имею к Вам срочное дело. Позвоните, когда сможете мне уделить мин. 15—20 для разговора. Д. Шостакович.

Написано на обороте визитной карточки, на лицевой стороне которой значится: «Дмитрий Дмитриевич Шостакович / ул. Марата 9, кв. 7.— тел. 496-37».

Очевидно, композитор написал записку, не застав Соллертинского дома. Судя по обращению, единственному «на Вы», — это первое из сохранившихся писем композитора к Соллертинскому.

2

20 VIII [19]27. Детское Село¹

Дорогой мой Иван Иванович. Чрезвычайно рад был получить от тебя открытку. На столь небольшом пространстве ты поместил столько нужных соображений и остроумия, что диву даешься. Не писал я тебе по причине плохого настроения, ибо Музсектор только вчера вечером прислал мне 500 руб. за мои лояльные чувства. В связи с этим у меня настроение улучшилось, и я решил тебе написать. Завтра я еду в Москву. Музсектор меня вызвал телеграммой для демонстрации моей революционной музыки². По возвращении напишу подробно о моих летних похождениях.

Получил недавно письмо от Малько³, в котором он меня предупреждает о скором нашем с ним разрыве⁴ и подобно Чемберлену⁵, обвиняет меня в таковом. «Нос» растет⁶. Нем. язык тоже⁷. Следующее мое письмо, вероятно в среду, начнется словами *mein lieber Iwan Iwanowitsch*. Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке с адресом получателя: «ст. Плюсса Сев.-Зап. ж. д. Почтовое отд. Овинец, дер. Дубровка. Хутор Ивана Емельяновича. Ивану Ивановичу Соллертинскому».

¹ Детское Село — местность южнее Ленинграда (до 1918 г. — Царское Село, до 1937-го — Детское Село, затем г. Пушкин). В то время там располагались детские санатории и дачи, в том числе дача Комиссии по улучшению быта ученых (см. коммент. 3 к п. 9), где часто отдыхал ДДШ.

² В Музыкальном секторе Государственного издательства ДДШ должен был показывать свою Вторую симфонию («Октябрю»), посвященную 10-летию Октябрьской революции. Заказ на симфоническое сочинение к этому юбилею ДДШ получил в феврале 1927 г. от агитационного отдела Музсектора.

³ Малько Николай Андреевич (1883—1961), дирижер. Под его управлением впервые прозвучала Первая симфония ДДШ в Ленинграде, Москве, Харькове. Малько пропагандировал творчество ДДШ и старался помочь ему с получением заработка, в частности заинтересовал В. Э. Мейерхольда его музыкой, в результате чего режиссер в 1928 г. пригласил его на работу в свой театр.

⁴ Малько высоко ценил композиторский талант ДДШ и его мастерство пианиста, однако человечески близкими они не стали. В воспоминаниях Малько читаем: «В одном из писем я написал Шостаковичу, что, боюсь, наше знакомство и дружба не будут долговечны. Он ответил мне очень взволнованным письмом о том, какую роль я играл и играю в его жизни, что я нужен ему, и недоумевал, с чего бы это наша дружба должна прекратиться. Я объяснил: его растущее честолюбие постепенно ограничивает возможность свободного общения, сужает темы и вопросы, о которых можно говорить, не натываясь на предвзятое, личное отношение. В конце концов будет просто неинтересно и бессмысленно беседовать — я имею в виду настоящую беседу между двумя равными. Я боюсь, что через год нам предстоит в этом отношении трудности. Увы, я ошибся... в сроке. Трудности наступили гораздо скорее» (Малько Ни-

колай. Дмитрий Шостакович / Публ. и коммент. Г. Копытковой // Шостакович: между мгновением и вечностью: Документы. Материалы. Статьи / Ред.-сост. Л. Г. Ковнацкая. СПб., 2000. С. 190). Далее Малько рассказывает о выпадах, которые позволял себе ДДШ по отношению к нему.

⁵ Чемберлен Остин (1863–1937), государственный деятель Великобритании. В 1927 г. был одним из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР.

⁶ ДДШ начал сочинять музыку оперы «Нос» на сюжет Гоголя в июле — августе 1927 г.

⁷ В 1927 г., по предположению Л. В. Михеевой — во время встречи в доме Н. А. Малько, друзья уговорились: ДДШ будет учить Соллертинского музыке, а тот поможет ДДШ в изучении немецкого языка. Позднее ДДШ вспоминал: «В процессе беседы выяснилось, что я не знаю ни одного иностранного языка, а Иван Иванович не умеет играть на рояле. Таким образом, уже на другой день Иван Иванович дал мне первый урок немецкого языка, а я дал ему урок игры на рояле. Впрочем, эти уроки весьма быстро кончились, и кончились плачевно: я не выучился немецкому языку, а Иван Иванович не выучился игре на рояле, но зато мы стали с тех пор и до самого конца замечательной жизни Соллертинского большими друзьями» (*Шостакович Д.* [Воспоминания о И. И. Соллертинском] // Памяти И. И. Соллертинского: Воспоминания, материалы, исследования / Сост. и авт. коммент. Л. Михеева. 2-е изд., доп. Л., 1978. С. 103).

3

10 I 1928. Москва¹

Дорогой Иван Иванович. Не написал тебе сразу оттого, что в норму начинаю приходить только сейчас. Острая тоска по Ленинграду еще не изжита. Утешает меня лишь то обстоятельство, что я здесь хорошо работаю. «Нос» сильно двинул вперед. В театре начинаю свою работу с завтрашнего дня². Что-то будет? Относительно моей симфонии тебе наверное рассказал или расскажет Н. А. Малько. Перед концертом произошел

занятный эпизод, характеризующий «моего друга» М. В. Квадри³. Про этот эпизод мне рассказал вчера один мой знакомый.

Я пришел за 1/2 часа до концерта и стал покупать себе билет. Купивши билет, я сел на свое место в 16-м ряду и закрылся газетой, дабы избежать встречи с М. В. Квадри. Это мне удалось сделать. Встретился я с ним в момент моего выхода «раскланиваться». Перед эстрадой вдруг появился Квадри, крепко меня обнял, облобызал по русскому обычаю трижды и громко закричал: «Иди на эстраду! Кланяйся!» Очень характерно, каким образом он попал на концерт. Он пошел к администратору и при громком хохоте окружающих стал себе требовать 2 контрамарки на том основании, что «симфония Шостаковича посвящена мне». А его знакомый оркестрант, для вящей убедительности, добавил: «Ведь это Квадри! Духовный отец Шостаковича!» Дали контрамарки. В антракте, среди всяких поздравителей, подошел ко мне администратор и извинился передо мной, что не сразу дал Квадри контрамарки. Я был этим несколько удивлен, но «простил». А вчера мой знакомый рассказал мне про этот эпизод, и я все понял.

Вот какие события.

А здесь я живу в обстановке гениев. Гениальный режиссер⁴, «гениальная актриса» («Ах, Зинка! Как ты вчера играла. Это было гениально»)⁵, «гениального» композитора и «гениальной» поэтессы. Двое последних суть дети «гениального» поэта Есенина и «гениальной» актрисы. Мальчишка (композитор)⁶ действует мне на нервы. Тычет клавиши у рояля, а Мейерхольд говорит: «А ведь чувствуется сразу что-то незаурядное». Девочка⁷ читает стихи:

Кошечка играла.
Девочка плясала.
Подошел Барбос,
Укусил кошечку за нос.
Кошечка заплакала,
Собачка залаяла, etc.

Зинаида Райх сдобным голосом вещает: «Это совершенно замечательно! Она унаследовала душистую музу своего отца. Ах Сергей, Сергей! Ах Есенин, Есенин!»

«Молодцы ребята. Молодцы, — говорит В. Э. — Шостакович! Верно, молодцы» «Верно».

Райх: «А скажите, Дима? (так здесь меня зовут). Вот ведь Таня унаследовала талант отца; но в кого Костя пошел таким талантливым музыкантом?»

Мейерхольд: «В тебя».

Райх: «Почему в меня. Я ведь актриса, а не музыкантша».

Мейерхольд: «Ты актриса. Ты познала до конца, что такое Слово. А там, где кончается Слово, начинается Музыка, сказал Гейне⁸. Верно, Дима?»

Он слегка пожевывается. Часто спрашивает: «Верно, Дима? А? Что?» Я угрюмо молчу и соглашаюсь⁹.

Так проходит жизнь моя. Весело. Вчера я был у Керженцевых¹⁰. Он ныне зам. пред. статист. упр. Бывший полпред в Риме. Познакомился с интересными людьми, среди которых Раскольников¹¹ и Эйзенштейн. А в общем скучаю. Без своих скучаю и без тебя. Тебя я люблю и скучно мне без тебя. Пиши. Д. Шостакович.

Москва 69. Новинский бульв. 32 кв. 45

Адрес на конверте: «Ленинград 40. Пушкинская 12, кв. 2. Ивану Ивановичу Соллертинскому».

¹ Согласно письму к матери от 8 января 1928 г. (№ 16814/22), ДДШ прибыл в Москву 8 января.

² В. Э. Мейерхольд пригласил ДДШ на постоянную работу в свой театр в качестве начальника музыкальной части.

³ Квадри Михаил Владимирович (1897–1929), композитор. Главенствующая фигура группы студентов-композиторов в МГК середины 1920-х гг., он вовлек юного Шостаковича в свою орбиту, взяв на себя роль его ментора. ДДШ посвятил Квадри «Две басни И. Крылова» и намеревался

посвятить ему свою Первую симфонию, но затем от этой идеи отказался. Квадри был арестован 31 октября 1928 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Расстрелян 12 июля 1929 г. Реабилитирован в 1991 г.

⁴ Имеется в виду В. Э. Мейерхольд (1874–1940).

⁵ Имеется в виду Райх Зинаида Николаевна (1894–1939), драматическая актриса, жена В. Э. Мейерхольда, бывшая жена С. А. Есенина.

⁶ Сын З. Н. Райх и С. А. Есенина, Есенин Константин Сергеевич (1920–1986), впоследствии инженер, известный футбольный статистик.

⁷ Дочь З. Н. Райх и С. А. Есенина, Есенина Татьяна Сергеевна (1918–1992), впоследствии издательский работник, писательница, директор музея С. Есенина в Ташкенте.

⁸ Этот широко известный афоризм (чаще в варианте «...где кончаются слова...») приписывается то Гёте, то Гейне, однако восходит, вероятно, к новелле Э. Т. А. Гофмана «Поэт и композитор», где говорится: «Вот самая чудесная тайна музыкального искусства: когда речь по своей бедности иссякает, тогда, только тогда открываются неисчерпаемые источники музыки, ее выразительных средств».

⁹ В доме с Мейерхольдом и Райх проживали тогда кроме их детей и ДДШ родители Зинаиды Николаевны, ее младшая сестра Александра Николаевна Хераскова с мужем Алексеем Степановичем Горским (оба — актеры театра Мейерхольда), гувернантка и прислуга. За трапезой собиралось до 10–12 человек. Т. С. Есенина вспоминала о ДДШ: «Дима за столом часто, тихенько так, острил, и я хохотала как сумасшедшая. У нас бывали веселые обеды...» (*Есенина Т. С. О В. Э. Мейерхольде и З. Н. Райх: Письма к Рудницкому. М., 2003. С. 108*).

¹⁰ Керженцевы — семья Керженцева (наст. фам. Лебедев) Платона Михайловича (1881–1940), партийного и государственного деятеля. С 1921 г. он полпред СССР в Швеции, с 1925 г. — в Италии; в 1926–1927 гг. председатель редакционного совета ОГИЗа (Объединения государственных издательств), один из создателей системы советской цензуры; в 1927–1928 гг. заместитель управляющего Центральным статистическим управлением СССР; в 1928–1930 гг. заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В конце 1920-х гг. Керженцев был частым гостем в доме Мейерхольда на Новинском бульваре, где, по всей видимости, с ним и познакомился ДДШ. В 1928 г. Керженцев оказал решительную поддержку Мейерхольду, опубликовав статью «К вопросу о Театре Мейерхольда. Театр Мейерхольда должен жить» (*Правда. 1928. 21 сент.*). С 1930 г. он заместитель председателя прези-

диума Коммунистической академии и директор Института литературы, искусства и языка; с декабря 1930 г. управляющий делами СНК СССР; в 1936—1938 гг. председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР. Руководил гонениями на работников искусства, в частности разгромом советской кинематографии. Считается одним из вероятных авторов редакционной статьи «Сумбур вместо музыки» в газете «Правда» с уничтожающей критикой оперы ДДШ «Леди Макбет Мценского уезда» (см.: *Максименков Леонид*. Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция. 1936—1938. М., 1997. Гл. «К проблеме авторства „Сумбура...“»).

¹¹ Раскольников (наст. фам. Ильин) Федор Федорович (1892—1939), политический и государственный деятель, дипломат, литератор. В 1928—1929 гг. председатель Главреперткома.

4

11 I 1928. Москва

Дорогой Иван Иванович. Если будешь мне писать, то адрес пиши обязательно с упоминанием Мейерхольда (В. Э. Мейерхольду для Шостаковича), а то не дойдет. Привет. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

5

21 I 1928. Москва

Дорогой Иван Иванович. Прости, что пишу на такой неэлегантной бумаге. Другой нету. Я уж давно собирался тебе написать, да времени не было. Я все свое свободное время посвящал «Носу». Сейчас же исписал всю нотную бумагу и посему делать нечего. Ужасное ощущение быть зависимым от нотной

бумаги. В общем живу я недурно. Работы у меня немного, и в чем она заключается, точно определить не могу. Недавно было заседание Месткома и Эркака¹, совместно с администрацией и на этом заседании меня утвердили «начем музчасти». В качестве нача я делаю распоряжения по музчасти, отвечаю за порядок во вверенной мне части и т. д.

Посещаю усиленно театры². Помимо всех мейерхольдовских постановок, я видел «Бронепоезд»³ и «Дни Турбиных»⁴ в Художественном, «Разлом»⁵ в студии им. Вахтангова, «День и ночь»⁶ в Камерном и много другого. В Художественном меня порастил удивительный актерский состав. Артисты — один другого лучше. «День и ночь» чрезвычайно веселая оперетка и очень хорошо поставлена. Но в одном месте меня слегка тошнило от невероятного эстетизма. Фонарики зеленоватые, голубое освещение, женщины в коротких юбках и в разноцветных панталонах. Ужас, как «красиво». «Бронепоезд» как спектакль чрезвычайно удачен, несмотря на присутствие там Качалова⁷ (восстань народ и за свободу — отдай ты жен и матерей. Свою мужицкую свободу добьемся мясом мы своим. Эй, Пятруха! Глянька, не буржуй ли там под кустом притаился?) И все это со сплошным оканьем, дабы добиться стиля пейзан-рюсс-револютён. «Разлом» столь дрянная пьеса, что мне было стыдно за все время спектакля. В «Днях Турбиных» есть места подлинного трагизма, что даже в театре раздавались громкие рыдания. Но все это было испорчено последним актом, с официальным концом. Наиболее сильное впечатление на меня произвел все же «Ревизор»⁸ в мейерхольдовском театре. Теперь я его видел раза 3. Всего 7 раз. И чем дальше, тем больше нравится. Слышал Малько. Скрипичный концерт и 3-я сюита Чайковского⁹. Участвовал 12-летний Боря Фелициант¹⁰. Боря играет технически хорошо. Иногда совершенно антимузыкально. В общем явление не блестящее. После 3-й сюиты Малько имел «бешеный» успех. Был вызван 4 (четыре) раза. В антракте я заходил к нему

благодарить за контрамарку. Он сидел без фрака. Лысина сияла и лицо тоже. Все его существо выражало: «Наконец-то меня поняли, оценили!» «Экстаза» я не слушал. Ушел домой. 8 валторн, «волевой импульс» и «полет» действуют сильно на публику. Так что наверное и после «Экстаза» он имел успех. На том концерте я познакомился с А. В. Луначарским¹¹, который сказал мне несколько любезных слов и выразил надежду, что ему удастся познакомиться «более подробно» с моим творчеством.

Вчера разговаривал с мамой¹² по телефону. Слышно великолепно. Велик человеческий разум.

Есть у Мейерхольдов воспитательница его детей, которая питает ко мне нежные чувства и иногда выводит меня из себя. Особенно утром, когда она входит ко мне в комнату и начинает говорить: «Пора вставать, пора вставать». Попутно стаскивает одеяло и щупает мое голое тело. Вчера дело дошло до того, что она поцеловала меня в то место, которое соприкасается со стулом во время сидения. <...> Вчера же я ей сказал, что если она от меня не отстанет, то я пожалуйюсь Зинаиде Николаевне. Сегодня поэтому она была смирнее. Дальше груди ее руки не проникали. Меня это вначале смешило, теперь раздражает. Тридцатичетырехлетняя дева жаждет должно быть райского блаженства. Притом некрасива, как черт знает что. Если завтра утром она опять будет меня щупать и целовать, то я обязательно пожалуйюсь. При встрече я расскажу о ней более подробно¹³.

Беспокоит меня то, что в консерватории до сих пор не выдали очередной аспирантской подачки. Боюсь, что моим там трудно без денег. Я им послал недавно 35 руб. Больше не мог, т. к. получил 1/4 моей зарплаты и часть заплатил моим хозяевам за питание¹⁴, а остальное послал моим. Вчера мама мне сказала, что деньги в консерватории еще не выдали. Черт знает что такое. Я думаю, что февраль проживу в Москве, а в марте брошу

свое начство и вернусь в Л.-д. Недавно у меня был... Мессельман или Массельман¹⁵ (у Варзар¹⁶ который бывает). Поразил меня своим присутствием.

Пиши мне. Не забывай. Я страшно рад был твоему письму и буду не меньше рад последующим. Любящий Д. Шостакович.

Книшпер¹⁷ кланяется.

¹ Эркака — рабочая контрольная комиссия. В 1917 г. была создана как Коллегия Госконтроля, на протяжении ряда лет преобразовывалась и меняла названия; занималась борьбой с финансовыми нарушениями и защитой прав трудящихся. Низшим звеном этой системы были рабочие контрольные комиссии в учреждениях и на производствах, создававшиеся на добровольных общественных началах.

² В письме к матери от 17 января 1928 г. (№ 16814/25) ДДШ сообщает, что имеет бесплатный доступ в театры, а благодаря Мейерхольду — контрамарки и пригласительные билеты на концерты.

³ «Бронепоезд 14-69» — пьеса В. В. Иванова. Премьера во МХАТе 8 ноября 1927 г., режиссер И. Я. Судаков, художник В. А. Симов.

⁴ «Дни Турбиных» — пьеса М. А. Булгакова. Премьера во МХАТе 5 октября 1926 г., режиссер И. Я. Судаков, художник Н. П. Ульянов, музыка подобрана Б. Л. Израелевским.

⁵ «Разлом» — пьеса Б. А. Лавренева. Премьера в Государственном академическом театре им. Евг. Вахтангова 9 ноября 1927 г., режиссер А. Д. Попов, художник Н. П. Акимов.

⁶ «День и ночь» — оперетта Ш. Лекока. Премьера в Московском государственном Камерном театре с текстом В. Э. Масса 18 декабря 1926 г., режиссер А. Я. Таиров, художники В. А. и Г. А. Стенберг, постановщик танцев Н. А. Глан, дирижер А. К. Метнер.

⁷ Качалов (наст. фам. Шверубович) Василий Иванович (1875—1948), драматический актер. Во МХАТе с 1900 г. В спектакле «Бронепоезд 14-69» играл главную роль — Вершинина, командира партизанского отряда. Со своей аристократической внешностью и манерой держаться он вряд ли подходил для этой роли.

⁸ «Ревизор» — пьеса Н. В. Гоголя. Премьера в Театре им. Мейерхольда 9 декабря 1926 г. Сценический текст (композиция вариантов) в обработке В. Э. Мейерхольда и М. М. Коренева, режиссер В. Э. Мейерхольд, художник В. П. Киселев (по плану В. Э. Мейерхольда), компо-

зитор М. Ф. Гнесин. Романсы А. С. Варламова, М. И. Глинки, Л. С. Гурилева, А. С. Даргомыжского.

⁹ Концерты под управлением Н. А. Малько в Москве состоялись в Большом зале консерватории 8 и 15 января 1928 г. В рецензии на них М. Гринберга «Симфонические концерты дирижера Н. А. Малько», опубликованной в № 1 журнала «Музыка и революция», указывалось: «Программа концерта 8 января: впервые исполненная в Москве Симфония Д. Шостаковича, Фортепианный концерт и IV симфония Чайковского. 15 января — сравнительно давно не игранные у нас „Поэма экстаза“ Скрябина, III сюита Чайковского и его же Скрипичный концерт (солист Борис Фелициант)». Солистом в концерте 8 января был Эгон Петри. В рецензии отмечалось, что в Симфонии ДДШ сильны влияния Чайковского, Глазунова, Скрябина, отчасти Прокофьева, которые «не лишают ее собственного характерного лица». По оценке рецензента, дирижеру больше удался Чайковский «и значительно меньше Шостакович и Скрябин».

¹⁰ Фелициант Борис Наумович (1913–1982), скрипач.

¹¹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), политический деятель, драматург, критик. В 1917–1929 гг. нарком просвещения РСФСР.

¹² Шостакович (урожд. Кокоулина) Софья Васильевна (1878–1955).

¹³ Влюбленную в ДДШ гувернантку упоминает и Т. С. Есенина (см.: Есенина Т. С. Цит. соч. С. 108).

¹⁴ В письме к матери от 9 января 1928 г. (№ 16814/23), описывая детали своей жизни у Мейерхольдов, ДДШ сообщил, что за стол с него берут 40 руб. в месяц.

¹⁵ Мессельман или Массельман, правильно — Мейсельман Александр Давидович (1900–?), востоковед-японист, журналист, с 1930 г. аспирант ГИИИ.

¹⁶ Варзар — семья будущей жены ДДШ Нины Васильевны.

¹⁷ Книппер Лев Константинович (1898–1974), композитор.

6

11 V 1928. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

Был у меня сегодня Грубер Р. И.¹ Навел на меня ужасную скуку. Собирается он ко мне прийти вторично в среду, 16-го мая,

в 2 часа. Он меня просил показать ему «Нос». Хорошо было бы, если б ты пришел ко мне тоже в это же самое время. Я бы убил за раз 3-х зайцев. 1) менее бы ощущал скуку от Грубера, 2) повидал бы тебя и 3) показал бы тебе «Нос». Приходи². Буду тебе за это чрезвычайно признателен. Соскучился без тебя. Позвони как-нибудь. Д. Шостакович.

Р. S. Вчера я видел Е[го] В[еличество] Падишаха Афганского Аманулла-хана³.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Грубер Роман Ильич (1895–1962), музыковед. С 1922 г. научный сотрудник разряда (отдела) истории музыки РИИИ (ГИИИ), с 1926 г. ученый секретарь, председатель психофизиологической комиссии и музыкально-методологической ассоциации при этом отделе. В рамках деятельности комиссии проводил анкетирование по психологии творческого процесса среди педагогов и студентов, окончивших ЛГК и входивших в ЛАСМ. В списке анketируемых был и ДДШ. 9–10 сентября 1927 г. он надиктовал Груберу ответы на 30 вопросов анкеты, дополнив их рукописными вставками (опубл.: Дмитрий Шостакович в письмах и документах. С. 470–481).

² Друзья в это время жили на соседних улицах: ДДШ — на улице Марата, 9, а Соллертинский — на Пушкинской, 12. Если идти дворами, то и совсем рядом.

³ Аманулла-хан (1892–1960) — король Афганистана в 1919–1929 гг. Его официальный визит в Советский Союз в 1928 г. был обставлен с большой помпезностью. В Ленинград король с членами семьи и свитой прибыл 10 мая в сопровождении представителей советского правительства. На Дворцовой площади (тогда площадь Урицкого) в его честь состоялся военный парад, продолжавшийся более трех часов. В течение четырехдневного пребывания в Ленинграде грандиозный кортеж Аманулла-хана неоднократно следовал по Невскому проспекту, вызывая огромный интерес горожан. Возможно, под влиянием этого события ДДШ в опере «Нос» развил мимолетное упоминание о Хозрев-Мирзе у Гоголя в сцену шествия Хозрев-Мирзы на носилках и со стражей евнухов (конец интермедии из к. 8).

[17 VII 1928. Ленинград]

Дорогой Иван Иванович. Приходи ко мне сегодня вечером в 9 ч. Буду весьма рад. 17 VII 1928. Д. Шостакович.

Записка на визитной карточке, без конверта; очевидно, оставлена композитором, не заставшим друга дома. На карточке — адрес ДДШ: «ул. Марата, 9, кв. 7, тел. 496-37».

[20 VII 1928. Ленинград]

Дорогой Иван Иванович. Сейчас звонили ко мне из «Вечерней Красной газеты» с просьбой дать заметку о «Носе» в отделе «Новинки будущего сезона»¹.

Я был бы тебе чрезвычайно признателен, если бы ты нашел время забежать ко мне сегодня, т. к. завтра уже нужно сдать заметку в редакцию, и прочел бы то, что я напишу. Д. Шостакович. 20 VII 1928.

Записка на визитной карточке нового образца, отпечатанной другим шрифтом и с прибавлением в адресной части: «Ленинград 25».

¹ Заметка ДДШ была опубликована 24 июля 1928 г. в разделе «Театр» («Новинки будущего сезона») вечернего выпуска «Красной газеты» (№ 202), а также в журнале «Новый зритель» (1928. № 35).

22 XI 1928. Москва

Дорогой Иван Иванович. Что касается до меня, то сюита¹ звучит очень интересно и хорошо. За это не боюсь. Боюсь за Малько (отсутствие ритма). Певцы великолепны. Балалайка

и флексатон очень хороши. Надеюсь, что к концерту подучат и сойдет благополучно процентов на 35. Для ста нужно побольше учить. Поэтому как бы мне приятно ни было, приезжать не советую. Самосуд выучит², Малько же в 3 репетиции не справится. Твой Д. Шостакович.

Из Цекубу³ я переселился к тов. Сокольникову⁴. Если приедешь, то звони 3-49-24.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Сюита из оперы «Нос» для солистов (тенора и баритона) и оркестра. Впервые исполнена 25 ноября 1928 г. в Москве оркестром Софила под управлением Н. А. Малько, солисты И. П. Бурлак (Ковалев) и Н. Барышев (Иван).

² Самосуд Самуил Абрамович (1884–1964), дирижер. В 1918–1936 гг. художественный руководитель и главный дирижер Малегота, где впоследствии были поставлены и шли под его управлением оперы ДДШ «Нос» и «Леди Макбет Мценского уезда».

³ Цекубу — Центральная комиссия по улучшению быта ученых, созданная по инициативе А. М. Горького в 1920-е гг. Под ее покровительством находились не только ученые, но и художники, литераторы, артисты, музыканты (их в шутку обозначали аббревиатурой ХЛАМ). Комиссия снабжала подопечных продовольственными и вещевыми пайками, организовывала отдых и т. д.

⁴ Сокольников (наст. фам. Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939), государственный и партийный деятель. Член ЦК ВКП(б) в 1922–1930 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК в 1924–1925 гг. С 1929 г. на дипломатической работе. В январе 1937 г. был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам тюремного заключения. Умер в тюрьме. Реабилитирован в 1988 г. В письме к матери от 22 ноября 1928 г. (№ 16814/31) ДДШ сообщил свой новый адрес: «Москва. Арбат. Карманицкий пер., д. 3, кв. 7. Г. Я. Сокольникову для меня».

10

[До 15 XII 1928. Ленинград]

Дорогой Иван Иванович. Будь так добр: найди способ передать мне поскорее негритянские «блюзы». Арнштам¹ их очень

просит. Кроме того, если ты можешь, то приходи ко мне в субботу 15 XII вечером. Д. Шостакович.

Записка на обороте визитной карточки, без даты. Год установлен по календарному соответствию дня недели и даты. На лицевой стороне карточки кроме пометы «Ивану Ивановичу Соллертинскому» записаны номера телефонов: «174-99 Лешевич» и «Перова — 4-31-55».

¹ Арнштам Лео Оскарович (1905–1979) — кинорежиссер, друг детства и соученик ДДШ по фортепианному факультету ЛГК. В 1924–1927 гг. заведующий музыкальной частью Театра им. Мейерхольда, в 1929–1942 гг. работал на киностудии «Ленфильм».

11

[26 I 1929. Ленинград]

Дорогой Иван Иванович. Я имею к тебе некоторое дело. Если у тебя будет возможность, то позвони мне сегодня по телефонам № 38-86 или 5-82-66 и вызови меня из «Нового Вавилона»¹. Часов до 6 я буду там. Потом буду дома. Дело довольно интересное, по крайней мере с моей точки зрения. Д. Шостакович.

26 I 1929.

Записка на обеих сторонах визитной карточки.

¹ «Новый Вавилон» — кинофильм. Сценарий и постановка Г. М. Козинцева и Л. З. Трауберга, которые заказали музыку к фильму ДДШ. В данном случае ДДШ имеет в виду павильон киностудии, где шла работа над фильмом.

12

[22 III 1929. Ленинград]

Дорогой Иван Иванович. У меня к тебе большая просьба. Приходи сегодня в «Пикадилли»¹ в 8 часов. Приглашаю я тебя

лично, а кроме того художеств. бюро кинофабрики². Там нам отведут 2 ложи. После просмотра состоится обсуждение моей музыки. Неофициальная просьба к тебе по возможности реабилитировать меня в случае ругательств. Если Владимиров³ будет говорить, что нельзя мою музыку играть при помощи трио или иного ансамбля, говори, что можно. Нужно, скажи, для этого взять клавиш и те оркестровые партии, из каковых нужно составить требуемый ансамбль.

Если сможешь, то позвони мне до ухода в «Пикадилли». Д. Шостакович. 22 III 1929.

Записка на обеих сторонах визитной карточки. По-видимому, оставлена на квартире Соллертинского.

¹ «Пикадилли» — кинотеатр на Невском пр., 60, ныне «Аврора».

² Речь идет о просмотре фильма «Новый Вавилон» с музыкой ДДШ, которая, по идее Г. М. Козинцева, должна была сопровождать фильм во всех кинотеатрах. Это было новшеством, так как прежде немые фильмы сопровождалась разной музыкой, соответственно вкусам и возможностям пианиста или ансамбля, работавших в данном кинотеатре.

³ Владимиров Михаил Владимирович (собств. Итцегсон Моисей Меерович) (1870—1932), дирижер. В 1928—1932 гг. вел курс инструментовки для духовых оркестров в ЛГК; подрабатывал в оркестре кинотеатра «Пикадилли».

13

3 VII 1929. Севастополь

Дорогой Иван Иванович. Прости, что пишу карандашом. Не имею в данный момент чернил, а магазины уже закрыты. Сегодняшний день я приехал в Севастополь¹ и осматривал достопримечательности. Видел «Панораму»², Херсонес³, великана Т. Баулина⁴ и самую маленькую в мире барышню П. Новикову⁵, фотографии коих тебе посылаю в знак дружеской приязни. Херсонесом я весьма доволен. Панорама напомнила мне

творчество нашего согорожанина И. И. Бродского⁶. Количеством во всяком случае производит большое впечатление. По дороге в Почтамт прельстился выставкой живых феноменов. Сеанс длится 10 мин., из коих 8 тратятся на зачитывание выдержки из лекции киевского профессора, а 2 на торговлю Баулина и Новиковой своих фотоснимков. Вход на сеанс 20 коп. Снимки по 10 коп. каждый. В пятницу 5 VII думаю уехать в Сухум⁷, а отсюда в Гудауты⁸. Чувствую себя хорошо. Единственно, что меня смущает, это отсутствие из дому телеграммы. 1 VII я послал переводом по почте деньги и просил маму, чтобы она мне телеграфировала в Севастополь до востребования о их прибытии. Телеграммы нет. Но я думаю, что они вряд ли пропадут.

Севастополь очень хороший город. На мое счастье здесь пасмурная погода, и я не страдаю от жары. Если вздумаешь дать о себе весточку, то пиши мне по следующему адресу.

Абхазия. Гудауты. Гоголевская ул. Дом Оболенкина⁹. Мне. Желаю тебе всего лучшего.

Кланяйся.

Д. Шостакович.

В конверт вложены две фотографии; текст на их обороте см. в коммент. 4 и 5.

¹ Из письма к матери от 2 июля 1929 г. (№ 16814/33) известно, что в Севастополь ДДШ приехал 2 июля.

² Речь идет о грандиозной по масштабам панораме художника-баталиста Ф. А. Рубо «Оборона Севастополя» (1902—1904), отражающей события Крымской войны 1853—1856 гг.

³ Херсонес Таврический — древний город в Крыму (ныне в черте Севастополя). Основан в 422—421 гг. до н. э. греками. На его руинах велись раскопки с 1827 г.

⁴ Т. Баулин, правильно — Бакулин Тимофей. На обороте его фотографии написано: «На память от всемирного великана-богатыря Тимофея Бакулина Уроженца Ц. Ч. О., Острогжского округа. Родился совершенно нормальным ребенком от нормальных родителей, до 10 лет ростом был как и все дети его возраста. После 10 лет стал гигантски увеличиваться

и в настоящее время достиг росту 3 аршина 6 вершков. Кушает пропорционально росту. Физически и умственно хорошо развит». Рядом с Бакулиным (рост которого составлял примерно 227 см) на фотографии для сравнения помещен человек обычного роста.

⁵ Новикова Полина. На обороте ее фотографии написано: «Самая маленькая барышня в мире Полина Новикова. Уроженка Нижегородск. губ., Васильевского уезда, 26 лет от роду, ростом 23 верш., весом около 1 п., родилась нормальным ребенком от нормальных родителей, до 5 л. росла, как и все дети, после 5 л. рост ее прекратился. Родители ее были выше среднего роста. Умственно вполне развита». 23 вершка соответствуют примерно 102 см, 1 пуд — 16 кг.

⁶ Бродский Исаак Израилевич (1883/1884—1939), художник.

⁷ Сухум (с 1936 г. Сухуми) — город в Грузии, климатобальнеологический курорт на Черном море, в то время — столица Абхазской АССР.

⁸ Гудауты (с 1936 г. Гудаута) — город в Грузии, климатический приморский курорт на Черном море, в то время — центр Гудаутского района Абхазской АССР.

⁹ Оболонкин Василий Григорьевич, хозяин дома, где жил ДДШ.

14

8 VII 1929. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Сегодня я приехал в Гудауты, о чем извещаю тебя на предмет информации: вдруг ты вздумаешь написать мне письмо, так будешь знать куда. В Севастополе я пробыл 2 дня. На 3-й день утром выехал в Сухум. Билет от Севастополя до Сухума стоит 26 руб. Очень дешево. Это цена 1-го класса. Весьма комфортабельная каюта, шахматы, радио и прочие культурные развлечения. Большое достоинство «Ленина» (так зовется пароход) это полное отсутствие качки и весьма длинные остановки. На тех остановках, которые приходились во время моего бодрствования, я выходил и изучал. Таким образом я был в Ялте. Успел посмотреть дачу Чехова¹, а также его сестру М. П. Чехову². Чудное место Ялта. Следующее мое изучение это Новороссийск, мать цементной промыш-

ленности. Городишка ничем не примечательный, за исключением некоторых новых построек, которые сильно выделяются на общем фоне маленьких домишков. Жарица там невероятная. В Новороссийске пароход стоял 10 ч. Побывал в кино и видел «Человек и ливрея»³. На диспут «Театр и современность» не попал. Докладчиком был Зел. Штейман⁴, знакомый мне по «Веч. Красной газете»⁵ и «известный» критик тов. Горбачев⁶. Потом слезал в Туапсе и Сочи. Ничего не видал примечательного. В Сухуме видел обезьяний питомник. В Гудаутах никаких достопримечательностей, кроме моря, солнца и гор. Чудное место. Народу тут совсем нету. Совсем пустой чудный пляж. Сейчас я наслаждаюсь покоем. Никуда не надо ехать. Если вздумаешь куда ехать, езжай в Гудауты. Телеграфируй мне, я подыщу тебе комнату. Я был бы этому ужасно рад. Назад бы вместе поехали. Между прочим в прошлом письме я забыл передать тебе привет от Мейерхольда. Мое свиданье с ним было весьма интересно. В следующий раз опишу тебе его.

Желаю тебе всяких благ.

Пиши. Не забывай. Д. Шостакович.

Р. С. Абхазия. Гудауты. До востребования. (Дом Оболонкина и пр. писать не надо, т. к. почту по домам не разносят. За письмами надо ходить на почту[]). ДШ

¹ Речь идет о доме А. П. Чехова в Ялте, построенном в 1898—1899 гг. Писатель прожил там (с выездами) последние годы жизни. В 1919 г. Симферопольский военно-революционный комитет объявил этот дом национальным достоянием; в 1926 г. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте стал филиалом Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

² Чехова Мария Павловна (1863—1957), сестра писателя, педагог и художница. Устроитель и с 1919 г. пожизненный хранитель Дома-музея А. П. Чехова в Ялте.

³ Под названием «Человек и ливрея» в советском кинопрокате демонстрировался фильм «Der letzte Mann» — лучшая работа немецкого кинорежиссера Ф. В. Мурнау (1925, по сценарию К. Майера), вошедшая в историю мирового кино как классический образец жанра каммершпиля.

Мастерское владение арсеналом кинематографических приемов, активное применение подвижной камеры позволили режиссеру отказаться от собственных немому кино титров.

⁴ Зел. Штейман, видимо правильно — Штейнман (в прессе встречаются оба написания), театральный критик, член ЛАППа. В докладе перед диспутом он говорил, в частности, об элементарной безграмотности местных театральных рецензий. В свою очередь, критики, редакция местной газеты и правление Новороссийской ассоциации пролетарских писателей обвинили докладчика в недооценке театральной политики партии. Результатом взаимных обвинений было исключение Штейнмана в мае 1929 г. из ЛАППа, посылавшего его делать доклад.

⁵ «Вечерняя красная газета» («Красная газета», вечерний выпуск) — названия выходившего в 1918–1919 и 1922–1936 гг. вечернего выпуска «Красной газеты», органа Ленинградского городского комитета ВКП(б) и Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

⁶ Горбачев Георгий Ефимович (1897–1942), критик, литературовед; с 1923 г. преподаватель Ленинградского университета. Был членом РАППа. В оповещении о диспуте, упоминаемом ДДШ, сказано: «Предполагается выступление известного ленинградского критика т. Горбачева» (Театр и современность // Красное Черноморье. 1929. 6 июля).

15

18 VII¹ 1929. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Получил сегодня твое письмо. «Прочел с удовольствием»². Потрясен смертью Катунского³. С кого же мне теперь требовать гонорар? А я так на него рассчитывал. Придется видно затевать процесс с наследниками.

О Мейерхольде.

В день отъезда из Ленинграда я получил от него письмо с ответом на мои вопросы. Кроме того просил меня, если я буду в Москве, заехать к нему на дачу. Живет он в Салтыковке, на даче К. и Т. Есениных. Вероятно на правах родственника⁴. На другой день по приезде в Москву я поехал к нему. Это минут

40 от Москвы. Очень хорошая дача. Первое, что он меня спросил, это было: Ну как Иван Иванович?⁵

Я: Да ничего, живет себе.

В. Э.: Он, наверное, сердится на меня?

Я: Кажется нет. Мне он ничего не говорил

В. Э.: Что?

Я: Кажется нет. Мне он ничего не говорил

В. Э.: Что не говорил?

Я: Что сердится.

В. Э.: А ведь он наверное думал, что я совсем не такой, каков есть.

Я: Гмм...

В. Э.: Он вероятно думал, что я какой-нибудь, знаете (жест).

Я: Вот, вот.

В. Э.: Зиночка! Зиночка! Вот Дима рассказывает, что Ив. Ив. сперва совсем не так думал обо мне до тех пор, пока не познакомился со мной.

Э. Н. Райх: А что он думал.

Я: Он думал, что В. Э. знаете, такой (жест), а оказалось, что он совсем не такой.

В. Э.: Вот видишь, Зина! Если бы он раньше со мной познакомился, то он думал бы именно то, что следует. А?

Я: Да он и сейчас думает то, что следует.

В. Э. и Э. Н. (живо, вместе): А что он думает?

Я: Да он думает, что, вот, дескать, раньше я думал, что В. Э. такой, но при знакомстве оказалось, что он совсем не такой.

В. Э. и Э. Н. (живо): А какой?

Я: Да вот совсем не такой, каким он себе его раньше представлял.

В. Э.: Вот я говорил! Прекрасный человек Ив. Ив.

Э. Н.: Прекрасный человек Ив. Ив. (мне, сокрушенно): Вот странно только. Он такой знающий чуткий человек, а не любит Есенина.

Я: Да не может быть!

В. Э. и Э. Н. (грустно): Да, да.

Молчание. Незримо порхает дух Есенина.

В. Э. (отряхнув тяжелые мысли): Так значит он раньше думал обо мне совсем не то... етс.

Следует содержательный разговор, приведенный выше, только значительно длиннее.

После этого разговора был задан вопрос: почему ты отказался работать у него в театре? Я сказал, что не знаю.

В. Э.: Он наверное сердится на меня?

Я: Нет. Зачем же ему на Вас сердиться?

В. Э.: Вот я тоже думаю, что ему на меня сердиться не стоит. А?

Я: Не стоит.

В. Э.: Пожалуйста, передайте ему от нас привет.

Я: Хорошо.

За обедом В. Э. развеселился и сыпал фейерверком остроумия. Перед обедом готовили мороженое. Вертели режиссер-лаборант Нестеров⁶ и пом. кинорежиссера тов. Кокин⁷. Перед самым обедом т. Кокин вышел на минутку. В. Э. заметил: Ну раз Кокин вертел мороженое, то его невозможно будет есть. «Почему», — спросил мальчик по имени Туля⁸.

«А он потеет и пот его капал в мороженое. Поэтому мороженое будет соленое».

Потом ели суп. Молчали. Затем В. Э. впери́л взор в Тулю и рассыпал следующую остроту: А мы теперь Тулю будем звать каждый день по-разному. Сегодня Туля, потом Калугя, Вятка, Москвя, Пензя, Одесся.

Взрыв хохота последовал. Особенно громко смеялся режиссер-лаборант. Наконец подали мороженое. Туля, не по летам развитый мальчик, спросил: А кто вертел мороженое?

Мать Тули: Тише, тише.

Я: Кокин вертел.

Мать (нервно глядя на меня): Тише, тише!

Туля (ярко): Ну значит нельзя будет есть мороженое.

Мать (смятенно): Замолчи, Туля.

Я (Туле): А почему (гневные взгляды матери в мою сторону).

Туля (еще ярче): А потому что он потеет и его соленый пот капал в мороженое.

Гробовое молчание.

Мать Тули что-то злобно зашипела своему сыну, отчего тот сильно испортил воздух (медвежья болезнь). Пришлось Тулю увести из-за стола, дабы очистить атмосферу, во всех смыслах сильно сгустившуюся. Мороженое доели молча.

После обеда Э. Н. Райх давала Тулиной матери принадлежности детского туалета, сильно попорченные Тулей. Подслушал разговор:

Мать Тули: Вы знаете, он всегда так. Чуть ему что-нибудь строго скажешь, он и наделает в штанишки. Прямо случай для Фрейда, Крафт-Эбинга⁹ и доктора Якобсона¹⁰.

Когда я уезжал, В. Э. вторично просил передать тебе привет.

Живу я хорошо. Много работаю. И несмотря на это отдыхаю. Сильно загорел (сравнительно. Ко мне загар плохо пристаёт). Купаюсь. Научился плавать. Сбрил под нулевой номер голову, отчего вид у меня каторжный. Было одно занятное приключение на эротической почве, но в общем все гладко. Вкушаю покой. Через день принимаю хину от малярии. Это в виде профилактики советовали мне сведущие люди. 28 числа я уезжаю отсюда. Сперва в Батум¹¹ пароходом. В Батуме дня 2—3. Затем в Тифлис¹², поездом. Может быть, встречу Вл. Вл.¹³ Значит он пошел навстречу «веселому, кудрявому». Вкуса его физического не одобряю. Что касается до «внутреннего

содержания», то я не в курсе. Если знаешь его адрес, сообщи. Найду его в Тифлисе, и поздравлю троекратно облобызав. Красивая жизнь! Из Тифлиса по военно-грузинской дороге во Владикавказ. Оттуда в Пятигорск, а из Пятигорска на аэроплане в Москву. Относительно аэроплана прошу тебя молчать. А то дойдет до мамы, она с ума сойдет от страха¹⁴. Из Москвы вероятно пешком в Ленинград, т. к. боюсь, что денег не хватит. Хотя должно хватить, но я не умею рационализировать свои расходы. Твое письмо датировано 13 июля. Сегодня 18. Если захочешь меня порадовать твоим письмом, то пиши в Тифлис до востребования. Сюда вероятно не успеет письмо. В «Cafe Karlan» я один раз был. Прекрасное кафе. Переслали мне из Лен-да письмо Фирса Шишигина¹⁵. 14 громадных страниц. Весьма хамское. При случае покажу. Между прочим он просит меня «и никого больше» направить на путь истинный «Митьку Жиринова»¹⁶, который сильно пьет. К моему сожалению я «Митьки» не знаю. Если его знаешь ты, то направь пожалуйста при случае.

Ну пока всего хорошего. Буду ждать от тебя весточку в Тифлисе. Твой Д. Шостакович.

Р. S. Передай привет Бор. Мих.¹⁷ и Гауку¹⁸, которому я недавно послал письмо с просьбой продиржировать вновь испеченную «Первомайскую симфонию»¹⁹. ДШ

¹ Датировка исправлена по содержанию письма (в оригинале — 18 VIII).

² Ставшая притчей во языцех резолюция, которую император Николай II ставил на верноподданнических посланиях.

³ Катунский Ю. К. — муж камерной певицы Лидии Вырлан, с которой ДШ много работал в качестве аккомпаниатора. Г. Серебрякова, вспоминая об этом, характеризует Катунского как «пылкого меломана и не менее неистового коллекционера русской живописи» (*Серебрякова Г. О других и о себе. М., 1971. С. 307*).

⁴ Дочь Есенина вспоминала: «В 1926 году, когда вышел четырехтомник Есенина, мне и брату как наследникам причиталась довольно большая

сумма. Зинаиду Николаевну назначили нашим „опекуном“, и ей было разрешено (в том же году) купить на наше имя дачу. Расположена она была в лесу, в крохотном безымянном поселке (всего пять домов), поблизости от шоссе Энтузиастов (бывшего Владимирского тракта) и деревни Горенки. <...> В первые годы Всеволод Эмильевич и Зинаида Николаевна редко бывали на даче, но когда купили машину, они все чаще устремлялись туда» (Есенина Т. С. Цит. соч. С. 50).

⁵ Разговор с Мейерхольдом передан в стиле диалогов у Гоголя, любимого автора ДДШ.

⁶ Нестеров Александр Евгеньевич (1903–1943), режиссер-лаборант в Театре им. Мейерхольда, в дальнейшем занимал должность помощника В. Э. Мейерхольда по режиссерской части.

⁷ По-видимому, Кокин Борис Михайлович, в 1930-е гг. звукооператор студии научно-популярных фильмов «Мостехфильм» (позднее «Центрнаучфильм»).

⁸ Неустановленное лицо.

⁹ Крафт-Эбинг Рихард (1840–1902), немецкий психиатр.

¹⁰ Якобзон — возможно, Якобсон Павел Максимович (1902–1979), психолог.

¹¹ Батум (с 1936 г. Батуми) — город в Грузии, в то время столица Аджарской АССР. Важный промышленный и курортный город, крупный морской порт. К северо-востоку от Батуми на береговой полосе протяженностью 35 км расположена группа живописных приморских курортов.

¹² Тифлис (с 1936 г. Тбилиси) — в то время столица Грузинской ССР.

¹³ Вл. Вл. — видимо, Дмитриев Владимир Владимирович (1900–1948), театральный художник. В Тифлисе была родина его жены (см. п. 39).

¹⁴ Тем не менее в письме от 2 августа (№ 16814/34) ДДШ сообщил матери о своем намерении лететь из Пятигорска в Москву на аэроплане.

¹⁵ Шишигин Фирс Ефимович (1908–1985), драматический артист, режиссер, педагог. В 1930-е гг. работал в ленинградских ТРАМах; был ответственным секретарем областного ТРАМ-совета при Ленинградском областном комитете комсомола.

¹⁶ Неустановленное лицо.

¹⁷ Бор. Мих. — видимо, Эрбштейн Борис Михайлович (1901–1966), театральный художник, живописец и график, друг ДДШ, Соллертинского и В. В. Дмитриева. Учился у К. С. Петрова-Водкина (1918–1923) в Петроградских государственных художественно-учебных мастерских и у В. Э. Мейерхольда (1918–1920) на курсах мастерства сценических постановок. В 1932–1936 гг. несколько раз был сослан (Курск, Борисоглебск

и др.). В сентябре 1941 г. вторично арестован, обвинен в шпионаже и сослан в Сибирь. В 1947 г. освобожден с разрешением проживания только в райцентрах. В 1952 г. при содействии ДДШ переехал в Горький, а в 1954-м — в Куйбышев, где стал художником Театра оперы и балета. В 1958 г. реабилитирован. О взаимоотношениях ДДШ и Эрбштейна см.: Учитель К. Д. Д. Шостакович и С. М. Гершов // Дмитрий Шостакович: Исследования и материалы / Ред.-сост. Л. Ковнацкая, М. Якубов. М., 2005. Вып. 1. С. 162—171.

¹⁸ Гаук Александр Васильевич (1893—1963), дирижер. С 1929 г. руководитель дирижерского класса в ЛГК. В 1920—1931 гг. дирижер ГАТОБа, где в основном дирижировал балетами.

¹⁹ Третья симфония («Первомайская») ДДШ для оркестра и хора, соч. 20, слова С. Кирсанова. Первое исполнение было осуществлено 21 января 1930 г. в Ленинграде в Московско-Нарвском Доме культуры (ныне Дворец культуры им. Горького) оркестром ЛГФ и хором Академической капеллы под управлением Гаука.

16

7 VIII 1929. Тихорецк

Дорогой Иван Иванович. Судьба, как говорится, играет человеком. Думал ли я, что очутюсь в Городе Тихорецке¹? Нет, не думал. А вот очутился <...>! Да еще как. Расскажу по порядку. 3 VIII в Пятигорске я купил билет на самолет «Укрповітрушлях»², отлетающий 6 VIII. Заплатил 54 рубля и хвастался, что, дескать, лечу. Самолет должен был отлетать из Минеральных вод в 3 ч. ночи. С последним поездом я уехал в Мин. воды. В 2 ч. ночи двинулся с вокзала на аэродром. Темно. Злющие собаки хватают за икры. Испугался я и вернулся на вокзал. Там со мной вел очень любезный разговор красноармеец, смотрящий за порядком. Я его спрашиваю, как пройти на аэродром? Он, узнав, что я пассажир, рекомендовал идти туда часам к 4—5 утра, когда посветлеет. «Ночью туда не подпускают. Кто подойдет ближе, чем на 100 шагов, того застрели-

вают»!!! Я испугался и позвонил по телефону. Телефон ответил, что самолет отлетает часиков в 6—7. Это вместо 3-х. Ни на минуту не засыпая, я дождался рассвета и пошел на аэродром, в душе побаиваясь, что моя ценная жизнь будет пресечена. Пришел на аэродром. Никого. Ни часового, ни сторожа, никого. Только 2 самолета. Через 2—3 часа пришел какой-то паренек. Я навожу справку. «Часов в 8—9 полетит». Это вместо 3-х. Жду. Затем является очень красивый начальник станции. Он меня спрашивает, предварительно пожелав доброго утра: «Вы тот самый пассажир, что летите в Сочи?» Я ответил, что нет, ибо лечу в Москву. «В Москву»,— воскликнул он, искренно пораженный. «В Москву. Вот оказия». Здесь он почесал самопишущим пером затылок, отчего последний несколько запачкался. Видя, что я недоумеваю, он пояснил. «Видите,— говорит,— я разрешил продать билет до Сочи, а Вам продали до Москвы». Я: «Что же делать?» «Вот что. Вы вылетайте в Тихорецк, а там Вас тов. Гусев³ устроит». «А кто это тов. Гусев?» «Это нач. ст[анции] Тихорецк. Я к нему дам записку». Записку он написал, и ровно в 11 ч. (вместо 3-х) я полетел. Меня не тошнило и не качало. Было очень хорошо, только очень хотелось спать. Прилетел я в Тихорецк. Когда я прилетел, тов. Гусев отсутствовал. С аэродрома я пошел в город. 5 верст пешком, по степи, под палящим солнцем. Потом пошел снова на аэродром и передал тов. Гусеву записку. Он прочел, мило улыбнулся и сказал: «Придется Вам переночевать в Тихорецке, а завтра, в 5 ч. утра Вы полетите». Я: «А наверное полечу?» Он: «Ну, раз я говорю, то наверное. Ведь если бы не наверное, то я бы не говорил». Я извинился и воспрял духом. В это время прилетел самолет из Москвы и привез 3-х пассажиров, едущих в Сочи. Ввиду того, что время было позднее, самолет дальше не полетел, и пассажиры эти тоже должны были переночевать в Тихорецке. Тов. Гусев повез нас устраивать на ночь. Меня и еще

одного он устроил у извозчика по фамилии Мороз, других 2-х устроил у извозчика по фам. Освальд (родственник Оси Освальда⁴). Переспали. На другой день все мы поехали на аэродром. Буду краток. На самолете мест не оказалось, и тов. Гусев предложил мне за счет «Укрповітрушляха» ехать на поезде, т. к. на самолет попасть надежды нету. Я согласился. Все равно погибать. Приехали мы на вокзал. Тов. Гусев выдал мне под расписку 29 р. 10 коп. и познакомил с нач. станции. Тот обещал сделать все, что от него зависит. Если будут места, то поедете. Факт. Сейчас 11 ч. Поезд отходит в 17 часов. Значит мне ждать 6 ч. Сiju и мудрствую, рискнул было пойти в уборную <...>, но у входа в означенную был остановлен властным криком: «Куда?!» Я: «В уборную, отлить малость». «Нельзя!!!» Я пошел назад. Видя выражение вопроса на моем лице, страж смягчился и сказал, что уборная испорчена. «Мне от этого не легче», как острит Н. А. Малько, когда ему говорят, что сифилис не позор, а несчастье. Когда кончу письмо, пойду искать сортир. Надежды уехать из Тихорецка у меня мало. Я в ужасе и буквально плачу. Дорогой Иван Иванович, не говори маме, что я в Тихорецке. Я ей сам это напишу. Напишу, что потрясенный красотой этого города, я слез с самолета и решил побыть здесь денька 2, дабы насладиться его дивными красотами. Если ты веришь в бога, помолись за то, чтобы мне хоть когда-нибудь выехать из Тихорецка. Я в ужасе. Что делать, если не будет билета. Опять к извозчику в гости. Какой-то кошмар.

Как ты поживаешь? Я плохо. По приезде в Л-д, если таковой состоится, я засяду за стол и напишу 2 жалобы на издевательства надо мной «Укрповітрушляха». Одну в бюро жалоб Н. К. Р. К. И. У. С. С. Р.⁵, другую в правление «Укрповітрушляха». Ты мне помоги составить эти жалобы. Ведь это неслыханное издевательство. У меня из-за этого в голове такой дурак, что я еле сдерживаюсь, чтобы не написать: «А у алжирского бея

под самым носом вскочила шишка»⁶. Все мое путешествие, весь отдых из-за преступного, я бы сказал головотяпства «Укрповітрушляха» <...>! Мне хочется спать. За 3 суток я спал 4 часа. Мне хочется есть, но ужас меня охватывает при виде превосходно откормленных тараканов, плавающих в борще, который подают в Тихорецке. Сажу и мудрствую. Весь вокзал набит пассажирами, желающими ехать. Они не могут. Нет билетов! Нет! Они ночуют на вокзале и не теряют надежды. Буду и я надеяться. Какой ужас. Я не могу сдержаться и реву. Девочка с безумными глазами (лет 7–8) тычет в меня прутиком и разительно хохочет. Она здесь с матерью только 5 дней. Надеется через 5 выехать.

Вот что. Как получишь это письмо, походи к влиятельным людям и попроси их что-нибудь сделать на предмет моего выезда из Тихорецка. Меня найти можно по адресу «Тихорецк, до востребования». Я не знаю, какой это губернии или области. Сделай это. По дружески умоляю тебя. В общем я сейчас сильно страдаю.

Крепко тебя целую. Твой Д. Шостакович.

¹ Тихорецк — город в Краснодарском крае.

² Укрповітрушлях (правильно — Укрповітряшлях) — Украинское общество воздушных линий (Укрвоздухпуть), созданное в 1923 г.

³ Сведения не найдены.

⁴ Очевидно, шуточно переименованное имя Освальд Осси (1897–1948), немецкой киноактрисы.

⁵ НК РКК СССР — Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции Украинской Советской Социалистической Республики.

⁶ Фраза представляет собой контаминацию цитат из двух произведений Гоголя: первая ее часть («в голове такой дурак») — вольный пересказ реплики Городничего из «Ревизора» (д. IV, явл. 15), во второй части свободно воспроизводится заключительная фраза «Записок сумасшедшего»: «А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?»

8 II 1930. Ростов-на-Дону¹

Дорогой Иван Иванович. Большая у меня к тебе просьба. Если тебе не трудно будет, то возьми пожалуйста у Пащенко² мою симфонию (Первомайскую). Когда ты ее получишь на руки, то позвони маме или Зое³ и скажи им, что я прошу их отправить Первомайскую симфонию в Москву по адресу: Москва, центр, Неглинный⁴ 14, Музсектор Госиздата. Когда я был в Москве, меня просили это сделать. За симфонией мама или Зоя зайдут. От тебя требуется только получить симфонию на руки. Буду тебе очень благодарен, если ты это сделаешь.

Всего хорошего. При случае напишу.

Р. С. Здесь тепло. Идет дождь. Весна.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Как гласят анонсы в ростовской газете «Молот» от 5, 6, 7 и 14 февраля, в городском Доме Красной Армии состоялись два концерта симфонического оркестра под управлением Г. И. Якобсона «при участии известного композитора и пианиста Д. Д. Шостаковича»; в программе: 9 февраля — Первый концерт Чайковского, 14 февраля — Прокофьев, Шостакович, Александров.

² Пащенко Андрей Филиппович (1885—1972), композитор. Ноты Первомайской симфонии находились у него в связи с тем, что он был библиотекарем оркестра ЛГФ.

³ Шостакович Зоя Дмитриевна (1908—1990), младшая сестра композитора, работала гистологом.

⁴ ДДШ подразумевает все еще бытовавшее название «Неглинный проезд», хотя официально в 1930 г. это уже была Неглинная улица.

10 II 1930. Ростов-на-Дону

Дорогой Иван Иванович. Сiju в номере и скучаю. Решил написать тебе. Как живешь, что поделываешь? Я скучаю. Ни-

чего не делаю. Здесь поразительно быстро меняется погода. Еще вчера была весна, а сегодня страшно холодно. Пренеприятное ощущение: мороз градусов 15, снега нету, страшный ветер и масса пыли. Еще летом, во время жары пыль переносить возможно. Но дрожать от холода и глотать пыль ужасно. Чувствуешь себя душевно оскорбленным. Кое-какие впечатления у меня имеются. Со скуки буду их излагать.

В купе, вместе со мной, до самого Ростова ехал молодой человек из породы «сукиных сынов». После Москвы мы разговаривали, но об этом после. Узнав, что поезд стоит в Москве около 4-х часов, я отправился к рвачу Мейерхольду. Когда я пришел, рвач еще спал. Кроме меня, его дожидался художник Ульянов¹, очень скромно одетый старичок. Через некоторое время рвач вышел и стал беседовать со мной. Беседа носила нудный характер. Рвач, по всем признакам, не безумно обрадовался моему приходу. Еще больше его огорчило то, что я солидаризировался со статьей Келдыша² о «Стальном скоке»³. В конце концов он признал, что «С. С.» («Стальной скок») неважное произведение, но защищал он его для того, чтобы противопоставить что-нибудь Давиденко и Ко⁴. Я сказал, что противопоставлять нельзя, т. к. Давиденко и Ко балета не сочинили. «Не беспокойтесь! Напишут», — находчиво возразил рвач. Логика! От него (рвача) я отправился в дирекцию Готоба⁵, где встретил Любинского⁶ и Бергрюна⁷. Поговорил с Э. И.⁸ Вдруг раздался молодой, задорный голос: «А! Шостакович! Ты в Москве!» Смотрю и вижу: Ирина Чарноцкая⁹. Письма моего не получила. Жаль. Ни минуты не медля она привела меня в МХАТ 2-й, где директор МХАТа 2-го, тов. Смирнов¹⁰, зачитал мне либретто для балета «У новой машины»¹¹. Содержание очень актуальное. Была машина, потом испортилась (проблема изнашиваемости матерьяла). Потом ее починили (проблема амортизации), а заодно и новую купили. Потом все танцуют у новой машины. Апофеоз. Все это занимает 3 акта. С тов. Смирновым расстались

друзьями. «Каково, — подмигнул он Чарноцкой, — я думал, что Шостакович упадочник, а хотел бы я послушать, чтобы упадочники говорили так об антирелигиозной пропаганде!»

«Шостакович... хороший парень», — произнесла Чарноцкая (я посоветовал тов. Смирнову заострить вопросы антирелигиозной пропаганды в «У новой машины»). Потом мы с Чарноцкой вышли. Стали прощаться. «Слушай, Шостакович, — ласково потупя взор сказала Ирина, — будь заочным членом нашей молодняцкой группы по освежению балета». «Буду, буду, — радостно пробормотал я. — Буду, — крепко сжимая Иринины руки, — буду», — прошептал я. Мы помолчали. «Будь!» «Буду». Тут мы расстались. Я бодро направился к вокзалу. В купе было все в порядке. Вещи были целы. Вскоре пришел и сукин сын. Он сообщил мне, что он инженер-выпускник, едет в Ростов на работу и страдает неврастением. Справился и обо мне. Я сообщил, кто я. Сердце мое радостно замерло, когда он переспросил: «Шостакович? Композитор?» (Конечно, перед тем было спрошено: «простите, а как Ваша фамилия?»). «Ну, — думаю, — знает, слышал». Принимаю скромный вид...

«Не знаю, не слышал. Вот Васильковского¹² (?) слышал, а Шостаковича... не знаю... не слышал». Неловкое молчание. Я забормотал, что меня знают больше музыканты, нежели инженеры, на что сукин сын заявил: «Нет! я очень интересуюсь музыкой. Хожу в оперу, посещаю концерты, но Вашу фамилию не слышал. Хоть убейте, не припомню». В общем, благополучно доехали до Ростова. В Ростове меня встретил Якобсон¹³. Не балетный Якобсон¹⁴, а другой. Повез меня в гостиницу. Приехал я в номер. В номере 2 кровати. Переодеваюсь. Вдруг стук в дверь. 23 часа. «Ну, думаю, интервьюер пришел». Готовлю фразы: в настоящее время музыка... и т. д. Отворяю дверь, гляжу: Сукин сын! «Вы знаете, номеров нету, не разрешите ли поселиться пока к Вам, тем более, что у Вас (взгляд на 2-ю кровать) 2 кровати». «Пожалуйста, но право я не знаю, как

посмотрит на это Якобсон: ведь за номер плачу не я, а гос. симф. оркестр. Будет ли это этично».

Поговорив немного об этике, сукин сын внес чемоданы. Потом зашел Якобсон и не возразил против того, чтобы я предоставил возможность переночевать «моему другу». После этого он спросил меня, кто он такой, давно ли я его знаю. Я ответил, что знаю давно. «Смотрите, будьте осторожны... Жуликов много». Я сказал, что это мой друг, но в душе кошки заскребли. «А что, — думаю, — оставит он меня без штанов». К счастью, сукин сын переночевал одну ночь и на другой день уехал в Новочеркасск, куда получил назначение на работу. Все осталось на местах — и штаны и презервативы. Правда, презервативов у меня было 6, а по проверке их оказалось 5, но ведь это такие пустяки. На другой день состоялась репетиция. Правда накануне вечером я имел удовольствие ужинать с даровитым артистом Мигай¹⁵, но это не так уж важно. На репетиции Якобсон сказал оркестру: «Товарищи, позвольте Вам представить нашего Д. Д. Шостаковича». (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию). Оркестр неплохой, дирижер же (Якобсон) никуда не годится. Несмотря на это, концерт (мое выступление) прошло с очень большим успехом. Хлопали очень много и я 3 раза бисировал. Во фраке у меня получается очень элегантно-лакейский вид. «Чего изволите», — несколько раз произнес я по ошибке вместо «здравствуйте» или «до свидания». Прямо надворный советник Лакенич (см. «Роман с контрабасом» Чехова). 16-го числа играю 1-й концерт Прокофьева. В том же концерте идет моя симфония f-moll¹⁶. 15 по приглашению ростовских музыкантов читаю доклад «Современное положение музыкального искусства»¹⁷. А в общем скучаю, хотя и наслаждаюсь от ничегонеделания.

Был я в местном театре. Смотрел пьесу Афиногенова¹⁸ «Чудак» (трагедия беспартийного энтузиаста, не встретившего поддержки, благодаря косности аппарата). Должен сказать, что и пьеса

и особенно актеры первоклассны. В «Чудаке» нету ни одного плохого актера. Я получил громадное удовольствие. Завтра иду на камерный концерт из сочинений Брамса. Вообще Ростов — город с большими возможностями. Приличный оркестр и первоклассный драматический театр сами за себя говорят. Очень эффектно выглядит Дон. Снега совершенно нету. Гладкий как зеркало лед. Очень красиво. Познакомился я тут со многими музыкантами. Очень хорошие люди попадают. На обеды трагиться не приходится, т. к. каждый день я обедаю где-нибудь в гостях. В общем, хорошо, но скучновато. Главная беда в том, что неприятно гулять, замерзая от холода и глотая пыль.

Получил я от мамы телеграмму, что 8-го «Нос» прошел с аншлагом. Радуюсь, но боюсь, что тут говорит не истина, а материнское сердце хочет меня порадовать. Когда приеду, узнаю. Больше всего я жалею, что пропускаю спектакли «Носа». Но авось при моем приезде он пройдет разика 2.

Кланяйся Гаукам¹⁹, Каплану²⁰, Эрбштейну и Обнорскому²¹.

Желаю тебе всего хорошего. Твой Д. Шостакович.

Р. S. Если выберется минутка, то напиши. Буду очень рад. Адресуй с таким расчетом, что с 18-е по 20-е я в Одессе, а с 21-го по 23-е в Киеве и с 25 (один день) в Москве. Всюду пиши «до востребования». До 17-го я в Ростове. Большая Московская гостиница № 28. ДШ

¹ Ульянов Николай Павлович (1875–1949), живописец, театральный художник. Автор известного портрета В. Э. Мейерхольда в костюме Пьеро (1908).

² Келдыш Георгий (Юрий) Всеволодович (1907–1995), музыковед. В 1926–1932 гг. член РАПМа.

³ «Стальной скок» — балет С. С. Прокофьева на либретто Г. Б. Якулова и С. С. Прокофьева (1924). Премьера состоялась 7 июня 1927 г. в Париже (балетмейстер Л. Ф. Мясин). Речь идет о статье Ю. В. Келдыша, который судил о балете, как он сам признавался, по клавиру и отзывам иностранной печати о парижской постановке. В статье, в частности, говорится: «Почему же „Стальной скок“ не удался Прокофьеву и про-

изводит такое слабое впечатление? Потому что в основе этого произведения лежит фальшь и натянутость. У авторов балета был чисто буржуазный обывательский подход к трактовке явлений и типов революции. <...> Прокофьев целиком принадлежит к наиболее реакционному и открыто враждебному нам направлению буржуазного искусства» (Келдыш Ю. «Стальной скок» и его автор — Прокофьев // Пролетарский музыкант. 1929. № 6. С. 18–19).

⁴ Давиденко Александр Александрович (1899–1934), композитор. В 1925–1928 гг. возглавлял группу Проколл (Производственный коллектив студентов-композиторов) в Москве, большая часть членов которой (В. А. Белый, М. В. Коваль, Э. А. Левина, Н. К. Чемберджи, Б. С. Шехтер) вошла в состав РАПМа.

⁵ ДДШ называет в письмах Готобом и Ленинградский (Мариинский) театр, и Большой театр в Москве. В данном случае речь идет о последнем.

⁶ Любинский Захарий Исаакович (1887–1983), административно-театральный работник, в 1928–1930 гг. директор государственных академических театров Ленинграда.

⁷ Бергрюн (Бергрюн) Владимир Алексеевич, в 1920-е гг. финансовый работник в системе Ленгостеатров, в 1927 г. заведующий финансово-контрольной частью Дирекции ленинградских государственных академических театров. Занимал и другие административные посты. В прессе встречаются оба варианта написания фамилии.

⁸ З. И. — Любинский.

⁹ Чарноцкая Ирина Александровна (р. 1908), артистка балета ГАБТа.

¹⁰ Смирнов Виктор Федорович, директор МХАТа II с сентября 1929 г. по июль 1930-го, либреттист балета ДДШ «Болт».

¹¹ «У новой машины» — либо предварительное название, либо сим-провизированное ДДШ шуточное наименование будущего балета «Болт».

¹² Неустановленное лицо, возможно — вымышленная фамилия.

¹³ Якобсон Г. И., дирижер симфонического оркестра в Ростове-на-Дону. В июле 1930 г. был снят с работы из-за «низкой квалификации и дяческой политики».

¹⁴ Якобсон Леонид Вениаминович (1907–1975), артист балета, балет-мейстер.

¹⁵ Мигай Сергей Иванович (1888–1959), певец (баритон). Много лет был солистом ГАБТа в Москве, в частности в 1920–1930-е гг. (до 1936-го), затем попеременно пел в Москве и Ленинграде (в ГАТОБе).

¹⁶ Первая симфония, соч. 10 (1926).

¹⁷ В письме к матери от 12 февраля 1928 г. (№ 16814/52) ДДШ сообщает, что 13 февраля местные композиторы устраивают для него вечер своих сочинений, а доклад для ростовских музыкантов «Современное положение музыкального искусства» он читает 14-го.

¹⁸ Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941), драматург.

¹⁹ Гауки — дирижер Гаук и его первая жена Гердт Елизавета Павловна (1891–1975), артистка балета.

²⁰ Каплан Эммануил Осипович (1895–1961), певец, оперный режиссер.

²¹ Обнорский Борис Петрович, деятель культуры в Ленинграде в 1920–1930-е гг. В 1928 г. член редакции журнала «Жизнь искусства», руководящий работник Культотдела Ленинградского областного совета профсоюзов. В 1935 г. начальник Ленинградского Управления по контролю за зрелищами и репертуаром.

19

9 VII 1930. Ленинград

Дорогой Иван Иванович. Спасибо тебе за открытку из Туапсе и извини, что я только сейчас раскачался на ответ. По чести говоря, писать-то и нечего и не о чем. Ты хоть впечатлений набираешься. А я? Только и впечатлений, что встреча вчера с меццанином А. В. Гаук. Он пришел ко мне. Пили шампанское. Потом пошли провожать постановщиков «Золотого века» Вайнонена¹ и Каплана (пили пиво). Проводив пошли к Гауку. Втроем (3-я Гердт) пили шампанское. После столь содержательно проведенной второй половины дня ночью блевал. Вот и все наиболее интересное, что со мной произошло. Правда, я лишний раз убедился, что меццанин Гаук не Спиноза, но в общем неплохой парнишка. Но стоит ли вообще лишний раз убеждаться в том, что черное — черное, а белое — белое.

Напиши мне, хорошо ли тебя устроили Оболонкин, Кара-Мурза и Кара-Мурза-Оболонкина². Возможно, что в 20-х числах я поеду в Баку, потом в Тифлис и потом в Одессу. Но это пока

в проекте. А вообще я тоскую по утраченному смыслу и счастью жизни.

Был недавно у экс-вождя русской музыки Б. В. Асафьева³. Оба плакали. В общем печально все.

Вообще не вижу смысла в жизни, не имея никакой личной жизни.

Вот какие у меня упадочнические настроения.

Не буду докучать тебе моим скулением. Будет охота, напиши мне.

Привет супруге⁴. Твой Д. Шостакович.

Р. С. Получил ли ты деньги?

Письмо с адресом получателя: «Абхазия. Гудауты. Почтовый ящик № 29. Ивану Ивановичу Соллертинскому».

¹ Вайнонен Василий Иванович (1901–1964), с 1919 г. артист балета, затем (до 1938 г.) и балетмейстер ГАТОБа.

² Кара-Мурза-Оболонкина Мария Никодимовна, хозяйка дома, где жил ДДШ. Кара-Мурза — неустановленное лицо.

³ Асафьев Борис Владимирович (1884–1949), музыковед, композитор, музыкальный деятель. ДДШ называет его «экс-вождем русской музыки», вероятно, потому, что к 1930 г. прекратил свое существование ЛАСМ, где Асафьев был духовным лидером «современнической» молодежи, противостоявшей наследникам школы Римского-Корсакова, в том числе педагогу ДДШ по классу композиции М. О. Штейнбергу и директору консерватории А. К. Глазунову. Асафьев также возглавил реформу системы образования в консерватории.

⁴ Это и несколько следующих писем — единственный источник, из которого можно узнать о первой женитьбе Соллертинского. Данных об этом кратковременном браке не сохранилось. Соллертинский не познакомил супругу (как видно из следующего письма, ее звали Верой) даже с сестрой, жившей в Москве. В его личном архиве сохранился фотоснимок, где молодожены запечатлены вместе, однако нет никакой подписи. Судя по глухому упоминанию в мемуарах одного из современников, писателя С. М. Марвича (наст. фам. Красильщиков), первая жена Соллертинского была артисткой балета (оригинал воспоминаний С. Марвича — в семейном архиве Д. И. Соллертинского).

13 VII 1930. Ленинград
Дорогой Иван Иванович.

Спасибо тебе за твои открыточки. Пока в них не проскальзывало недовольство мною (дескать, порекомендовал Гудауты, а оказалось бог знает чем). Раскачался и я. 15-го еду в Одессу. Буду там долго. Напиши мне туда, как живешь и главное, получил ли ты деньги, которые я перевел тебе телеграфом по адресу «Гудауты, до востребования?» В твоей открытке ты об этом не упоминаешь и я беспокоюсь, вдруг не дошли.

В Одессу пожалуйста сообщи.

Если вздумаешь обратным путем заехать в Одессу, то доставишь мне этим большую радость. Я без тебя очень скучаю. Вообще скучно и грустно. Передай привет Вере (не знаю отчества). Крепко тебя целую. Твой Д. Шостакович.

Адрес. Одесса, до востребования.

Письмо на почтовой карточке с адресом получателя: «Абхазия. Гудауты. Почтовый ящик № 29. Ивану Ивановичу Соллертинскому».

17 VII 1930. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Сегодня я приехал в Одессу. Буду жить здесь долго¹. Прекрасный город. Если на обратном пути заедешь в Одессу — не раскиснешься. Ходил сегодня на почту, думал, что от тебя будет весть. Не оказалось. Еще рано. Во всяком случае пиши: Одесса, до востребования. Летом Одесса гораздо привлекательнее, нежели осенью и зимой. У меня даже настроение стало немного лучше. Дорогой я много наглотался пыли. Так много, что до сих пор кашляю, хотя я уже нахожусь

в Одессе почти 12 часов. Завтра или послезавтра сюда приезжает прекрасный человек Блейман². Сегодня я встретил Утесова³, с которым вел беседу о его дирижерской карьере. Он жалуется, что у него пропадает голос и по сему случаю решает делаться дирижером. Он прав.

Целую. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке с адресом получателя: «Абхазия. Гудауты. Почтовый ящик № 29. М. Н. Оболонкиной для Ивана Ивановича Соллертинского».

¹ В Одессу ДДШ приехал в связи с готовившейся в сезоне 1930/31 г. постановкой балета «Золотой век» (рабочее название «Кто кого?», окончательное — «Дни Европы») в Одесском государственном театре оперы и балета (премьера 30 апреля 1931 г., балетмейстер М. Ф. Моисеев, дирижер Н. Д. Покровский).

² Возможно, Блейман Михаил Юрьевич (1904—1973), сценарист, кинокритик. В кино с 1924 г.; с середины 1920-х гг. выступал в печати.

³ Утесов (наст. фам. Вайсбейн) Леонид Осипович (1895—1982), артист эстрады; с 1928 г. руководитель организованного им эстрадного оркестра.

22

19 VII 1930. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Сiju я у себя в номере один и пью за твое здоровье цинандали, о чем ставлю тебя в известность. Чувствую себя отвратительно. Мне кажется, что отчасти в моих тяжелых переживаниях виноват и ты¹. Возможно, что я не прав. При встрече в Ленинграде мы с тобой обсудим этот вопрос. Оговариваюсь: конечно, твоя вина объективна, то есть я убежден, что ты мне не желал сделать зла. Смешно даже подумать.

Я довольно беспокойный человек. Поэтому прошу тебя, если тебе не будет лень послать мне телеграмму, в которой сообщи мне, получил ли ты деньги, которые я тебе выслал по адресу: «Абхазия, Гудауты, до востребования». Дело в том, что я от тебя получил еще в Ленинграде открытку, в которой ты ни слова не упоминаешь о деньгах. Я и забеспокоился. Итак, протелеграфируй мне по адресу: «Одесса, до востребования» об этом деле. Живу я здесь прекрасно, то есть много работаю. Ведь верно: что может быть прекраснее для творца, как не постоянная, непрерывная работа? Правда, меня уже от этой работы тошнит и я, пользуясь близостью «Укрвинтреста», захоживаю туда чаще, нежели следует, но все же...

В Одессе сейчас находится известный неврастеник Л. О. Утесов и даровитый поэт-попутчик И. Л. Сельвинский². С Утесовым я каждый день обедаю вместе. Бог с ними, с неврастениками. Особенно с такими как Утесов. Одним глазом он разводит неврастению, а другим пускает мудовые рыдания. Все же он возбуждает во мне громадную симпатию. По обаянию и душевному складу он похож на Мейерхольда, только без Мейерхольдовской пакостливости. Сегодня я слушал его «Теа-джаз»³. Вся эта орава гастролирует сейчас в Одессе⁴. Я не в восторге от «Теа-джаза». Правда, они хорошо играют: Скоморовский⁵ какую-нибудь трель запустит, ударник выбьет замысловатую фигуру, но... (так и мелькает проклятый перед глазами: штм! штм! нет, вы ничего в этом не понимаете. Вы сухари. Штм... штм). Из-за незримого присутствия Н. А. Малько мне еще меньше нравится. Так и вижу, как он идет в уборную к Утесову и начинает рассказывать наиболее примечательные факты из его (Малько) биографии. Но несмотря на теа-джаз, Утесов безусловно самый большой артист в СССР, каких мне приходилось видеть, за исключением, конечно, Костомолоцкого⁶, которого Малько считает гением. Я чрезвычайно рад моему новому знакомству (с Утесовым, а не с Костомолоцким). Напиши мне, как

долго ты намерен пробыть в Гудаутах. Если мне удастся скоро закончить свои дела в Одессе, то я бы махнул в Гудауты. Там бы встретились, покалякали, вспомнили б старину — глядишь, и время прошло.

Ну пока прощай. Бог даст, еще увидимся.

Привет супруге.

Целую.

Д. Шостакович.

Одесса. До востребования.

Письмо с адресом получателя: «Ленинград 40, Пушкинская, 12, кв. 2».

¹ Неизвестно, что имеется в виду.

² Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899—1968), в 1920-е гг. один из вождей конструктивизма в поэзии. С конца 1920-х гг. выступал и как драматург. Попутчиками называли тех деятелей искусства, которые считались близкими «пролетарскому» искусству; такой статус мог в какой-то мере служить защитой от идеологических нападок.

³ «Теа-джаз» (театрализованный джаз) — первая постановка джаз-оркестра Л. О. Утесова (1929), давшая наименование его оркестру, позже — тип эстрадно-музыкального представления с использованием принципов эстрадного обозрения, ревю, водевиля, широко распространенный в первой половине 1930-х гг.

⁴ Согласно анонсам в газете «Черноморська комуна», гастроли «Теа-джаза» под управлением Л. О. Утесова проходили с 19 по 27 июля 1930 г. в помещении Одесской Госдрамы. В концертах принимали участие артисты ленинградских и московских мюзик-холлов, в том числе К. И. Шульженко.

⁵ Скоморовский Яков Борисович (1889—1955), трубач, «золотая труба» оркестра Л. О. Утесова конца 1920-х гг., руководитель лучшего ленинградского джаз-оркестра 1930-х. В 1918—1932 гг. ведущий трубач в оркестре Малегота, одновременно солист оркестра ЛГФ.

⁶ Костомолоцкий Александр Иосифович (Осипович) (1897—1971), драматический актер, танцовщик, художник-график. Один из зачинателей советского джаза. В качестве ударника в составе джазового ансамбля В. Я. Парнаха с 1926 г. в течение трех лет принимал участие в спектакле «Д. Е.» Театра им. Мейерхольда; вместе с М. И. Бабановой и Л. Н. Свердлиным исполнял в этом спектакле эксцентрические

танцы. Н. А. Малько, проявивший большой интерес к джазовой музыке и неоднократно выступавший на эту тему в прессе, выделял незаурядный талант Костомолоцкого-джазмена (см.: *Малько Н. Джаз-Банд в Москве // Жизнь искусства. 1926. № 10*). Костомолоцкий — автор множества портретов деятелей советского искусства, в частности рисованного портрета ДДШ (голова в левый профиль), опубликованного в газете «Вечерняя Москва» 9 декабря 1965 г.

23

26 VII 1930. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Весьма обрадовал ты меня своим письмом из Гудаут. Мне его переслала сюда мама. Я здесь живу уже 10 дней. «Декаду прожил и слава богу». Что будет дальше, не знаю. Если 1-го августа Держопера¹ заплатит мне причитающуюся мзду, то пожалуй еще куда-нибудь поеду. Живу я тут прекрасно. Без перспектив. Я очень рад, что ты оценил остроумие тов. Кишлона². Прекрасно сказал. Вот именно «за оттенки — к стенке». Мещанин Гаук уехал из Ленинграда в Баку 13 июля. Вот все, что я могу сообщить. В Одессе я встретил многих знакомых. В 1-й день Утесова. Затем посыпались: Радлов С. Э.³, И. В. Щеголева⁴, Блейман, жена Трауберга⁵, Теа-джаз, Ильиш Б. А.⁶, дирижер Большого театра Файер⁷ и мн. др. Радлов был у меня сегодня. Сообщил, что едет в Новый Афон⁸. Я попросил его передать тебе привет, если он тебя встретит. Ильиш также почтил меня своим визитом. Беседовали об общих знакомых. Кроме того завелось много одесских знакомых. Композитор Фемелиди⁹ и многие другие. На днях состоится моя встреча с украинскими композиторами. Вчера я слушал симфонический концерт из произведений укр. композиторов¹⁰. Кроме Фемелиди (может пополнить славную плеяду Персиянинова¹¹ и др.) очень плохо. Особенно плох Лятошин-

ский¹². Перед концертом был доклад композитора Даныкевича¹³ об украинской музыкальной культуре. Из всего доклада я понял только одно слово: Шостакович. Сосед мне любезно перевел, что это слово было произнесено в нелестном контексте. Утесов меня познакомил с директором цирка тов. Данкман¹⁴. Узнал новость, что этот товарищ есть беспартийный товарищ. Тем не менее он производит достаточно сильное впечатление. Этаким уцелевший Экскузович¹⁵ во всесоюзном масштабе. Очень любит детей (Данкман). Бывало увидит мальчика или девочку, так вся его нежная душа так и затрепещет. Дарит им лошадок и акробатиков. Очень красивый человек. Несколько только мал ростом. Чуть-чуть пониже скрипача Шера¹⁶. Окружен целым штатом великолепных сотрудников цирка.

Значит ты решил упразднить свою семейную жизнь?¹⁷ Ну что ж. Мы птицы вольные. Как к этому только отнесется твоя теща, то есть мать твоей жены.

Как долго ты намерен прожить в Гудаутах. Это верно, что скучно. Сомневаюсь, чтобы зрелище утоляющих свою страсть лягушек было столь интересное, что им можно любоваться декадами. Maximum на это уйдет час. Не больше.

А в общем безумно скучно.

Прочел я тут роман Бруно Ясенского¹⁸ «Я жгу Париж». Читал и думал, что это сочинение Эренбурга¹⁹, оказывается Ясенского. Больше ничего не читал.

Как долго ты намерен жить в Абхазии? Напиши.

Твой Д. Шостакович.

Р. С. Передай привет супруге.

Письмо с адресом получателя: «Абхазия. Гудауты. Почтовый ящик № 29. М. Н. Оболонкиной для И. И. Соллертинского».

¹ Одесский государственный театр оперы и балета (Державний рабочий театр опери та балету) в обиходе именовался «Державна опера» и ДОТОБ. Не слишком благозвучное название «Держопера» было в ходу

у музыкантов — по аналогии с такими общепринятыми в украинской прессе сокращениями, как Держдрама, Держкіна и Держцирк.

² Киришон Владимир Михайлович (1902–1938), драматург.

³ Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958), режиссер. Осуществил ряд постановок современных опер в ГАТОБе, с 1931 г. его художественный руководитель.

⁴ Щеголева-Альтман Ирина Валентиновна (1908–1993), жена художника, скульптора Альтмана Натана Исаевича (1889–1970).

⁵ Трауберг Леонид Захарович (1902–1990), кинорежиссер. Совместно с Г. М. Козинцевым снял шесть фильмов с музыкой ДДШ, от «Нового Вавилона» (1929) до «Простых людей» (1945). Жена Трауберга — Вера Николаевна Ланде-Трауберг (1901–1998), танцовщица, в середине 1920-х гг. актриса кино.

⁶ Ильиш Борис Александрович (1902–1971), лингвист, профессор, однокурсник Соллертинского по университету.

⁷ Файер Юрий Федорович (1890–1971), дирижер балета ГАБТа в 1923–1963 гг.

⁸ Новый Афон — поселок в Гудаутском районе Абхазии (в то время — Абхазской АССР). Климатический курорт в 18 км от Сухуми, расположенный на побережье Черного моря и склонах прилежащих гор.

⁹ Фемелиди, правильно — Фемилиди Владимир Александрович (1905–1931).

¹⁰ Концерт 25 июля 1930 г., организованный дирекцией, художественно-политическим советом и коллективом ДОТОба (как сообщает газета «Черноморська комуна» от 24 июля 1930 г.), проходил в Зале Биржи в рамках месячника украинской культуры.

¹¹ Намек на известную историю о том, как Соллертинский, не любивший музыки Скрябина, в одной из лекций сказал приблизительно следующее: «В блестящей плеяде композиторов конца XIX — начала XX века — Аренский, Черепнин, Персиянинов, Златовратский и др. — Скрябин занимал если не первое, то далеко не последнее место». В этом перечне наряду с реальными композиторами — Аренским и Черепниным — оказался второстепенный писатель Златовратский, а также вымышленное лицо — Персиянинов.

¹² Лятошинский Борис Николаевич (1894–1968), профессор Киевской консерватории.

¹³ Даныкевич Константин Федорович (1905–1984), с 1929 г. преподаватель Одесского музыкально-драматического института.

¹⁴ Данкман Александр Морисович (1888—1951), деятель советского цирка, юрист по образованию. В 1913 г. юрисконсульт Российского общества артистов варьете и цирка, с 1922 г. работал в Центральном управлении цирков. В 1933—1936 гг. директор Государственного объединения музыки, эстрады и цирка (ГОМЭЦ). В значительной мере по его инициативе в Москве, Ленинграде и других городах были созданы стационарные эстрадные театры — мюзик-холлы. Был дважды репрессирован, умер в тюрьме. Реабилитирован посмертно.

¹⁵ Эксузович Иван Васильевич (1882—1942), музыкально-общественный деятель, инженер. С 1917 г. ряд лет был управляющим академических театрами Петрограда, Советской республики, Москвы.

¹⁶ Шер Вениамин Иосифович (1900—1962), скрипач, композитор. Был очень маленького роста.

¹⁷ Речь идет о прекращении брака Соллертинского с Верой, которой ДДШ передавал привет в пп. 19, 20 и 22.

¹⁸ Ясенский (Ясенский) Бруно (Виктор Яковлевич) (1901—1938), польский и советский писатель. С 1929 г. жил в СССР.

¹⁹ Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), писатель, общественный деятель.

24

2 VIII 1930. [Одесса]

Дорогой Иван Иванович.

Очень ты меня обрадовал тем, что написал мне из Гудаут письмо. Я пребываю в неизменной меланхолии, и поэтому твои письма меня вдвойне радуют, так сказать дают бодрую зарядку. Живу я тут ни хорошо ни плохо; скорее хорошо. Ездил на 2 дня в Киев, где познакомился с родным братом Ю. С. Никольского¹ Е. Д. Вигилевым². У них разные отцы, но одна мать. Вигилев ставит «Золотой век». Он очень похож на своего брата, лишь с той разницей, что брат пошел по музыкальной части, а этот по танцевальной. Очень смешно представить Юрия Сергеевича учителем танцев или балетмейстером, а вот мне и представлять не пришлось: сам видел. Вигилев до смешного похож на своего единоутробного брата.

Прочел с удовольствием о Гудаутском трамьядре³. Но все же это заставляет меня настораживаться: не мимикрия ли это классового врага. Социальный состав гудаутского трамьядра заставляет желать много лучшего. Не аптекари и не бывшие попы создадут наше пролетарское искусство, а только пролетарские артисты.

В Одессу приехал мещанин Гаук вместе со своей Гердт. Я все более и более убеждаюсь, что мещанину очень далеко до Спинозы. Видался я с ним 2 раза, потом уехал в Киев. Вернулся в Одессу я вчера и вчера же открыткой известил его о моем возвращении в Одессу. Я здесь сильно скучаю. Общество Блеймана и супруги моего друга Л. Трауберга меня не радует. Блейман очень скучен, заикается и глух. Жена Трауберга корчит из себя прелестное создание. Кроме того передовая. Блейман у нее на побегушках.

<...>

Может быть, после какого-нибудь жаркого объятия супруги Трауберги смеются над влюбленным Блейманом, но все же бывать разрешают и деньги берут взаймы. Недавно Блейман мне говорил, что Трауберг должен ему больше тысячи рублей. И это при зарботке Блеймана 300 руб. в месяц, а Трауберга 600. Каково!? Кристальная душа у Блеймана.

Итак, ты ликвидируешь свою семейную жизнь. Приветствую. Все-таки я тебе завидую. У тебя богатая личная жизнь. А у меня в общем говно.

Собираюсь, как только одесская Держопера заплатит мне деньги, уехать из Одессы. Куда, еще точно не знаю. Куда глаза глядят.

Будь здоров и благополучен. Куда писать, я тебе протелеграфирую. И напиши, что делается в Ленинграде.

Твой Д. Шостакович.

Письмо с адресом получателя: «Абхазия. Гудауты. Почтовый ящик № 29. М. Н. Оболонкиной для И. И. Соллертинского».

¹ Никольский Юрий Сергеевич (1895—1962), композитор, дирижер.

² Вигилев Е. Д., балетмейстер; ставил балет ДДШ «Золотой век» в Киевском театре оперы и балета.

³ «Гудаутское трамъядро» — региональное объединение ТРАМов в Гудаутах. Самодеятельное трамбовское движение, идеологом которого являлся М. В. Соколовский, создавший в 1925 г. Ленинградский ТРАМ, было широко распространено по всей стране до середины 1930-х гг.

25

5 VIII [1930]. Одесса

Дорогой Иван Иванович.

10-го я уезжаю в Батум. Если вздумаешь написать, то пиши «Батум, до востребования». Одесса мне сильно надоела. Единственно, что меня здесь радует, это присутствие мещанина Гаук. Он очень милый человек. Я каждый день с ним купаюсь. А больше ничего.

Целую тебя крепко. Привет общим знакомым (конечно не огульный, а по твоему усмотрению).

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке с адресом получателя: «Ленинград 40, Пушкинская, 12, кв. 2».

26

8 VIII 1930. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Пишу тебе по делу чрезвычайной важности. Я знаю, что ты, в общем, довольно болтливый человек, и поэтому не только прошу, но просто умоляю, никому, ни одного слова о содержании этого письма. Итак, сначала вкратце изложу в чем дело.

6-го августа вечером я был у Гаука, и плотно поужинав, вернулся домой в Лондонскую гостиницу. На сон грядущий мне захотелось чего-нибудь выпить. Я пошел в ресторан и подсев к столику, за которым сидели Файер (дир[ижер] Моск. Гото-ба) и Ермолаев (арт. балета Ленингр. Готоба)¹, попросил нарзану, каковой стал распивать. Через некоторое время в ресторан входят 2 девушки, из коих одна делает мне глазки. Прехорошенькая. Я перемигнулся, и думал, что этим закончился мимолетный флирт. Через 5 мин. эта девушка подходит ко мне и начинает вести следующий разговор:

Она: Извините, пожалуйста. Ваша фамилия Шостакович?

Я (внутренне польщенный): Да, это я.

Она: Я держала со своей подругой пари, что это Вы, а она говорила, что это не Вы. Посоветуйте, что мне потребовать с нее за выигранное пари?

Я: Попросите пересесть за наш столик.

Ермолаев и Файер пускают слюну.

После небольшого разговора на тему «ах, это неудобно» подошла и подруга. Уселись и стали вести легкую, непринужденную беседу. Узнал я, что эту девушку зовут Розалия Михайловна Баумштейн², а ее подругу Зинаида Ефимовна (фамилии не помню)³. Разговор шел о современной литературе, музыке и т. д. Кончилось тем, что я заплатил за ихний ужин и повез их домой на извозчике. Надо заметить, что Розалию Михайловну я щупал под столом и обнаружил девственную упругость ее бедер (или бедр, как поет Шемаханская царица). На извозчике я ее щупал вовсю и обнаружил, что это очаровательное существо. Подруга деликатно отворачивалась. На другой день Р. М. зашла за мной, через минуту зашел Гаук и мы пошли купаться. Фигура замечательная. Я очень жалел, что она в этот день должна со своей подругой ехать в Батум. Условились в Батуме встретиться. «Ах, как будет весело вместе путешествовать». Вся идиллия продолжалась до провод[ов] обеих в Батум. В Батум они не уехали. Подруга Розалии Михайловны была

задержана на пристани. Дальше я узнал, что она (подруга) профессиональная проститутка. Но я почувствовал необычайную любовь к Розалии Михайловне (именно так). Я рвал на себе волосы, бился об стенку и щупал Л. О. Вускович⁴, находящуюся в Одессе и посетившую меня вчера. Вдруг стук в дверь. Входит подруга. «Уже выпустили. Все выяснили и выпустили. Теперь мы едем в Батум 10-го. Ах как весело» и т. п. Я страшно обрадовался. Вчера вечером я был у Гаука и он начал «предостерегать»: «Проститутки, мерзавки и т. п.» Довел меня до того, что я поговорил о них с зав. гостиницей и попросил его сделать так, чтобы их ко мне не пускали. Зав. подтвердил, что подруга проститутка и уголовный элемент, что же до Р. М., то зав. мне ничего не сказал. Ничего не знает. Поздним вечером я спускаюсь в ресторан. Сажусь за столик. Ко мне подходит официант, и я заказываю ему телячью котлету. Он меня спрашивает: одну или две? Я удивленно спрашиваю: разве телячьи котлеты у вас такие маленькие, что одной мало? Он ничего не ответил. Ушел. Я посмотрел в другую сторону и вижу. Подсела Р. М. столь хороша, что я чуть не зарыдал от восторга и любви. Стали говорить. Когда вернулся официант, я демонстративно подтвердил: одну котлету, одну бут. нарзана и один стакан. Она пожала плечами. Перед этим, утром, я был с ней в городском саду, там мы нашли укромное местечко и целовались как бешеные. Мне показалось, что меня посетила любовь. Но после истории на пристани, решил рвать. Не вышло (см. 10 строку этой страницы)⁵. Она печально спрашивала, почему я вдруг так резко переменялся. Я попросил ее прийти ко мне сегодня в 4 1/2 дня. Ровно в это время является ее подруга и сообщает: Розочка на 20 мин. опоздает. Я подумал, что распоряжения зав. гостиницей выполняются плохо. Потом снова приходит подруга и говорит: «Когда придет Розочка, то пошлите ее вниз, обедать. А то она еще не обедала». Я: «Хорошо».

16/VIII Гудауты

Продолжение.

Последние 2 строки — приписка к письму от 8 VIII. Письма от 8 VIII и следующее от 16 VIII посланы вместе в одном конверте.

¹ Ермолаев Алексей Николаевич (1910—1975), артист балета, балетмейстер. В 1926—1930 гг. в ГАТОБе; в 1930—1958 гг. — в ГАБТе.

² Неустановленное лицо.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ В настоящем издании — с. 71, строка 19.

27

16 VIII 1930. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Неожиданно я попал в то место, где ты проводил свой медовый месяц. Как я сюда попал, это не столь тайна, сколь авантюрный роман. Ты здесь проводил медовый месяц, я же сюда удрал от медового месяца. При сем письме прилагаю начало моего предыдущего письма, которое кое-что тебе объяснит. Короче говоря, я чуть-чуть не женился на б<...>. К этому меня побуждали 2 обстоятельства: 1) миловидная наружность и приятность... и 2) раскольниковьи настроения (от слова Раскольников, герой «Преступления и наказания»).

Все это кончилось бегством с парохода на станции Сухум в 3 часа ночи, под проливным дождем. А в Одессе дело дошло до загса, и не забудь я в гостинице свои документы, быть бы мне супругом. Прошу тебя только об этом никому, в том числе и Гауку, не рассказывать. Мецанин был лишь отчасти в курсе моих походов. О загсе и брачных намерениях он ничего не знал и не знает. В Сухуме я с 3-х ч. до 8 ч. провел на свежем воздухе, под проливным дождем. Все гостиницы были переполнены. Утром я сел в автобус и прибыл к Оболонкиной. Живу я в той комнате, которую до меня занимала актриса Самарина¹. <...> Чувствую себя прекрасно.

Единственная неприятность, это укус осой <...> моей ягодицы. Пережил и переживаю стоически. Люди здесь живут

«культурные», общение с ними не доставляет мне никакого удовольствия и огорчения. Что с гуся вода. <...> Как твои семейные дела? Вот урок тебе: не женись. Вот я холост и несмотря на это доволен. <...> Возвратившись в Ленинград, расскажу подробнее Одесские похождения.

Целую и приветствую.

До скорого свидания.

Д. Шостакович.

Р. С. Я здесь еще пробуду. Напиши по адресу: Абхазия, Гудауты, почт. ящик № 29, Оболонкиной, для меня. Д. Ш.

¹ Возможно, Самарина (наст. фам. Собольщикова-Самарина) Антонина Николаевна (1896–1971).

28

17 IX 1930. Одесса

Дорогой Иван Иванович.

Только сейчас собрался написать тебе: все время было много хлопот и разных дел. Сезон, одним словом, начался. Много «работы». Засел я за боевик «Одна»¹. Картина говно, музыка тоже. Несмотря на это, живу внешне хорошо. И даже девочку завел. Кроме нее есть здесь Л. Вускович, довольно противная бабища. Слишком откровенно показывает, что ее тело тоскует по ласке и она не прочь полакомиться беспартийным спецом. <...> Читал я № «Рабочего и театра». Малков² пишет дискуссионные статьи, Подольский³ травит Пиотровского⁴. Все в порядке. Пари же ты мне проиграл. Любинский не снят. Здесь хотят «пришить» ему дело о поощрении летунизма⁵. Он прислал сюда объявление о том, что в б. Мариинский театр нужны музыканты, и посему на сей предмет объявляется конкурс. Говорят, что многие музыканты одесситы хотят туда ехать и пробовать

свои силы. Узнай, поддипломатичнее, живет ли Армашевская⁶ с Вайноненом. Если нет, то попробуй при возвращении действовать. Она все же весьма сильно ранила мое сердце и разожгла костер летом. <...>

Твой Д. Шостакович.

¹ «Одна» — кинофильм с музыкой ДДШ. Сценарий и постановка Г. М. Козинцева и Л. Э. Трауберга, оператор А. Н. Москвин, художник Е. Е. Еней, звукорежиссер Л. О. Арнштам.

² Малков Николай Петрович (1882—1942), музыковед, музыкальный критик.

³ Подольский Соломон Семенович (1900—1974), театральный критик. В начале 1930-х гг. заместитель редактора журнала «Советский театр».

⁴ Пиотровский Адриан Иванович (1898—1938), театровед, драматург, критик. В 1925—1932 гг. заведующий литературной частью Ленинградского ТРАМа; в 1928—1937 гг. художественный руководитель Ленинградской фабрики «Совкино». С. Подольский подверг резкой критике статьи Пиотровского, посвященные проблеме актера в ТРАМе (Рабочий и театр. 1930. № 36, 43) и обвинил его в формализме. Подольский припомнил ему и статью о ТРАМе 1929 г. (Звезда. № 4), где актерская игра якобы была приравнена по воздействию к музыке и оформлению спектакля. Подольский требовал, чтобы Пиотровский признал свои формалистические ошибки, пагубно отразившиеся на творческой активности ТРАМа.

⁵ «Летунами» называли тогда людей, часто менявших место работы.

⁶ Армашевская Клавдия Николаевна (1908—1976), артистка балета, жена балетмейстера В. И. Вайнонена. По свидетельству их сына, родители состояли в гражданском браке с конца 1920-х гг. (вместе начали выступать с 1925 г.), зарегистрировали брак в 1934-м. В соавторстве с сыном Армашевская написала первую книгу о В. И. Вайнонене (Армашевская К. Н., Вайнонен Н. В. Балетмейстер Вайнонен. М., 1971).

29

26 IX 1930. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Не могу прямо сказать, как ты обрадовал меня своим письмом. Как тебе известно, я старый

формалист, и меня главным образом порадовала в твоём письме форма, а не содержание. Содержание же, «надо сказать прямо»¹, не обрадовало меня. Жаль Захарку². Хорошая была душа. Жаль Берггрюна; насчет Армашевской ты меня не очень порадовал. Стихотворение Эрбштейна я всегда помню и всегда применяю его советы, когда лежу в одной постели с женщиной, но об лежании в одной постели с А. пока ещё не может быть и речи. И посему я расстроен. Правда в своём письме все твои с ней встречи так описаны, что я хохотал до коликов в животе, но... сквозь слезы. Отчего у меня нету страшных книг? То есть они у меня «есть»..., но... Я все больше и больше убеждаюсь в твоём магическом влиянии на женский пол. <...>

Я приезжаю в Ленинград 30-го сентября. По моим расчетам поезд приходит вечером. 1-го октября я иду призываться в Красную армию³. Устрой визит числа 2-го или 3-го. <...>

Итак, дорогой мой Иван Иванович, только что заходил ко мне Минкин⁴ и сообщил, что на 27-е нету билетов. Посему я еду 28-го. Все это печально. Одесса мне надоела. Тут хоть и тепло, но мечтаю о Ленинграде, но не столь о Ленинграде, сколь о тебе. Соскучился я без тебя. 30-го я буду тебе звонить. Звони и ты ко мне. Могу рассказать кое-что об одесских приключениях. В общем у меня громадный запас оптимизма, который поддерживает мое существование. Если бы не это обстоятельство, то...

Целую. Твой Д. Шостакович.

¹ «Надо сказать прямо» — излюбленный риторический оборот партийных деятелей того времени.

² Захарка — З. И. Любинский. Видимо, имеются в виду слухи о снятии его с поста директора государственных академических театров Ленинграда. И действительно, в январе 1931 г. в печати появилось официальное сообщение, что он снят с занимаемого поста за «общее бесхозяйственное состояние театров и отсутствие политического руководства», а дело его передано в Центральную комиссию РКИ.

² В годы учебы в аспирантуре ДДШ имел отсрочку от призыва в Красную Армию до 15 сентября 1935 г. (ЦГАЛИ СПб, ф. 298, оп. 1, д. 208, л. 3). По завершении в 1930 г. аспирантуры его взаимоотношения с Военным комиссариатом Ленинграда и Ленинградского округа возобновились. Так, в течение марта 1931 г. он подготавливал справки с мест службы для предоставления в комиссариат (письмо к матери от марта [до 24-го] 1931 г., № 16814/57).

³ Неустановленное лицо.

30

17 XII 1930. Коростень

Дорогой Иван Иванович. Судьба занесла меня в город Коростень¹. Есть некоторая надежда отсюда выбраться. Дело в том, что я поехал в Киев с пересадкой, но мой поезд опоздал на 4 часа. Тот поезд, на который я должен был пересест, ушел вовремя. Следующий поезд, на котором я должен был ехать в Киев, опаздывает на 6 часов. Сейчас час ночи. Поезд будет в 5 ч. ночи. Чувствую себя неважно. Народу на вокзале так много, что я пишу тебе это письмо стоя. <...> Итак, я стою. Время горячее. 25-го, 26-го и 27-го последние съемки «Одной». 1-го I 1931 я должен сдать «Болт»². А сейчас я вынужден стоять. В Киеве меня вряд ли ожидает много удовольствия³. Совсем даже наоборот, судя по последним телеграммам. Но все же я не теряю бодрости, чего и тебе желаю. Небось сидишь сейчас в уюте и тепле, а я стоя пишу тебе открытку. Итак я кончаю. Будь здоров. Авось я достану отсюда билет до Киева.

Очередь громадная. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Коростень — город в Житомирской области (Украина).

² «Болт» — балет ДДШ на либретто В. Ф. Смирнова. Премьера 8 апреля 1931 г. в ГАТОБе; балетмейстер Ф. В. Лопухов, художники Т. Г. Бруни и Г. Н. Коршиков, дирижер А. В. Гаук.

³ Балет ДДШ «Золотой век» в Киевском театре оперы и балета готовился к постановке целый год (балетмейстер Е. Д. Вигилев, дирижер М. Радзиевский, художник А. Г. Петрицкий). Спектакль был анонсирован на 31 декабря 1930 г., но вместо него шел «Красный мак». Премьера состоялась 2 января 1931 г. А 7 января 1931 г. была опубликована рецензия, которая начиналась словами: «Сюжет цього балету куценський». Далее говорилось, что либретто перерабатывалось раз пять с целью выправить его идеологически и обогатить его смысл. Затем отмечалось, что музыка Шостаковича яркая, временами очень остроумная (особенно оркестровка), представляет богатую основу для насыщенного драматизмом хореографического действия. Но постановщик Е. Вигилев этих возможностей не использовал, не понял музыки и не смог создать такую же яркую хореографическую композицию (см.: Юрмас Я. Балет «Золота доба» в Київській опері // Пролетарська правда. 1931. 7 січня [январь]. С. 4).

31

4 II 1931. Москва

Дорогой Иван Иванович. Самое яркое впечатление от моего пребывания в Москве таково: гр. Обьедков меняет свою фамилию на Объектов¹. Все же остальное меня мало трогает. Пока я живу у Шебалина². Вероятно послезавтра перееду в гостиницу. То-то развернусь. А сейчас сжимаюсь. Возможно, что поеду отсюда в Свердловск и Магнитогорск. Пробуду в Москве дней 15. Если приедешь, то телеграфируй и остановишься у меня в номере (если таковой у меня будет). 10-го числа маэстро Небольсин³ исполняет сюиту из «Златых гор»⁴. Кланяются тебе Атовмьян⁵, Шебалин, Оборин⁶, Александров⁷. От Мелких⁸ тоже привет. Прекрасные все люди. В общем по возможности наслаждаюсь жизнью. Сейчас иду с Обориным и Шебалиным в цех слушать цыган⁹.

Пиши мне как твое здоровье и нет ли шансов, чтобы мой сон был в руку.

Д. Шостакович.

Адрес: Москва, 19, Большой Знаменский, д. 13, кв. 1.
В. Я. Шебалину для меня.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Характерным явлением того времени была замена неблагозвучных фамилий с обязательным оповещением в газете.

² Шебалин Виссарион Яковлевич (1902—1963), композитор. С москвичами Шебалиным, упоминаемым ниже Л. Н. Обориным, а также М. Л. Старокадомским и Ю. С. Никольским ДДШ был связан близкими дружескими отношениями с консерваторских лет.

³ Небольсин Василий Васильевич (1898—1959), дирижер. С 1922 г. дирижер ГАБТа, одновременно (с 1928 г.) — МГФ.

⁴ «Златые горы» — кинофильм режиссера С. И. Юткевича с музыкой ДДШ (1931).

⁵ Атовмьян (Атовмян) Левон Тадевосович (1901—1973), композитор, музыкально-общественный деятель. Его знакомство с ДДШ состоялось около 1929 г. — оба входили в состав секции композиторов Всероском-драма. До конца жизни их связывали дружеские и творческие отношения: Атовмьян был редактором изданий целого ряда сочинений ДДШ, а также составителем сюит из его балетов и киномузыки.

⁶ Оборин Лев Николаевич (1907—1974), пианист. В письме к Б. Л. Яворскому от 16 ноября 1925 г. ДДШ писал: «Левушку Оборина из всей компании я люблю больше всех» (Дмитрий Шостакович в письмах и документах / Ред.-сост. И. А. Бобыкина; Науч. ред. Л. В. Есипова, М. П. Рахманова. М., 2000. С. 42).

⁷ По-видимому, Александров Анатолий Николаевич (1888—1982), композитор, пианист. Входил в круг друзей ДДШ.

⁸ Мелких Дмитрий Михеевич (1885—1943), композитор, критик.

⁹ Подразумевается «пищевой цех» — заведение ресторанного типа, где выступал цыганский ансамбль. В таком же значении слово «цех» упоминается в пп. 42, 44 и 51.

32

31 III 1931. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Настоящим ставлю тебя в известность, что 3 III¹ 1931 я приезжаю в Ленинград. Хотел бы в этот же денек тебя по-

видать. Приходи к обеду. Посидим. Выпьем. Закусим. И бодро потянем жизлямку (жизненную лямку) дальше. Вполне возможно, что мою оперу² мне удастся пристроить в Большой театр. Закинул удочку. Все прочие тебе кланяются. Бодрость радостными живительными лучами не исходит от меня. Настроение у меня скверное. До скорого свидания.

Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Если датировка письма верна, то, очевидно, имеется в виду 3 IV.

² К этому времени ДДШ был автором одной оперы — «Нос», однако возможно, что переговоры в ГАТОБе касались «Леди Макбет Мценского уезда», над которой ДДШ тогда работал.

33

27 IX 1931. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Теперь, когда через 2 часа отходит теплоход «Крым», на котором я еду в Сухум, а оттуда в Гудауты, можно подвести итог моему 3-дневному пребыванию в Одессе. В общем хорошо. Позавчера даже была хорошая погода. Сейчас же небо мрачно и «дуют» довольно сильно. Не считая тысячи работников кинематографии, встретил я здесь знаменитого драматурга-гражданина Олешу¹. Позавчера я с ним ужинал в Лондонской и после трех рюмок превосходной водки полилась задушевная беседа. Драматург-гражданин сообщил, что помимо заказанной ему пьесы², он пишет пьесу «для себя». На вопрос о тематике этой пьесы он ответил с дрожью в голосе: «Искусство, ловля рыбы в мутной воде» и чуть-чуть не зарыдал. Пьет как лошадь и жалуется на то, что это ему вредно³. Второе не менее яркое впечатление от Одессы это беседа с представительницей Одесской филии УАПМ⁴. Это очень недурная и бойкая хохлушка. Фамилию ее я не узнал, отчего

вероятно и пострадал. Познакомил меня с ней один местный музыкант. Вчера утром она вызвала меня к телефону и выразила желание побеседовать. Я сразу почувствовал, что мое лицо приняло «самодовольное», как у Кекса⁵, выражение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что она пришла убеждать меня переключиться на массовую песню. «Подумайте,— говорит,— мы, здешние уапмовцы, слушали Ваш балет, это такое упадничество... таити-трот⁶... легкий жанр... современничество⁷...» так и сыпал ее, мм, э, прелестный ротик. Я слушал и восхищался. Во мне проснулся Кекс. «Зачем,— сказал я,— все это, жизнь,— говорю,— прекрасна» и обняв ее, пытался поцеловать. В тот же момент я почувствовал довольно сильный удар по щеке. С криком: «Об этом я напишу в „За пролетарскую музыку“» вышла из номера. Я же задумчиво потирал щеку. Между прочим, она также произнесла слово «соллертинщина». Вместе со мной в купе ехал один военный, который также знает тебя. «Весьма превосходный музыкант». Кроме того те два приятеля, которые спросили маму, не ты ли уезжаешь, также ото-звались об тебе весьма лестно. «Золотой век» сыграл здесь ту же роль, что и «Партбилет» Завалишина⁸ в Народном Доме. Вместе с директором театра снят был после «генералки».

Вот и все, что я пережил в Одессе. Еду я в Сухум вместе с дружиной Липатовым⁹. Он будет жить в санатории в Новом Афоне. Пока все. Из Гудаут напишу еще. Пиши и ты. Если увидишь «Условно убитого»¹⁰, опиши. Премьера 2-го.

Не забывай. Д. Шостакович.

¹ Олеша Юрий Карлович (1899—1960), писатель, драматург.

² Возможно, речь идет о пьесе «Смерть Занда», намеченной к постановке во МХАТе в сезоне 1931/32 г.

³ Сам Олеша так обрисовал свое состояние в те дни: «Пишу эти строки в Одессе, куда приехал отдыхать от безделья, от толкания за кулисами театров и в кулуарах бывшего Модпика, состоящих из лестницы и подсту-

пов к уборной, от литературных споров на террасе Дома Герцена, от бодрости Луговского и собственной упадочности» (Олеся Ю. К. Книга прощания. М., 1999. С. 53).

⁴ Одесська філія УАПМ, правильно — Одеська філія УАПМ, Одеський філіал Української асоціації пролетарських музикантів.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ ДДШ сделал оркестровую транскрипцию фокстрота «Таити-трот» («Чай вдвоем») Винсента Юманса (премьера 25 ноября 1928 г. в исполнении оркестра Софила, дирижер Н. А. Малько). «Таити-трот» был использован в качестве антракта в балете «Золотой век».

⁷ Современничество считалось идейно порочным направлением в музыке.

⁸ Завалишин Александр Иванович (1891–1939), писатель. Репрессирован, посмертно реабилитирован. Пьеса «Партбилет» на тему «о политическом перерождении коммуниста в связи с отрывом от масс» должна была открыть сезон Драматического театра Государственного народного дома в Ленинграде в начале ноября 1929 г. (режиссер В. В. Люце, художник П. П. Снопков). Премьеру неоднократно переносили (последний раз на 19 декабря), но пьеса так и не пошла, а пресса перестала о ней упоминать.

⁹ Липатов Василий Николаевич (1897–1965), композитор, пианист. В 1927 г. окончил ЛГК по классу фортепиано Н. И. Рихтера; в 1922–1924 гг. учился в классе композиции М. О. Штейнберга. В 1922–1941 гг. аккомпаниатор в ленинградских музыкальных учреждениях.

¹⁰ «Условно убитый» — спектакль Ленинградского мюзик-холла (текст В. П. Воеводина и Е. С. Рысса) с музыкой ДДШ. Премьера состоялась 2 октября 1931 г., ею открылся сезон в Эстрадном театре. Режиссер Н. В. Петров, художники Н. П. Акимов, В. В. Дмитриев и Е. И. Огороков, балетмейстеры Ф. В. Лопухов и Н. А. Глан, дирижер И. О. Дунаевский, в главной роли Л. О. Утесов со своим «Театр-джазом». Тема спектакля — «оборонеспособность нашей страны, связь работы фронта и тыла, задачи Осоавиахима и ПВО» — мало подходила для эстрадно-циркового представления, и он подвергся резкой критике. В рецензии говорилось: «Хорошие начинания руководителей Мюзик-холла уперлись в скверный сценарий авторов и отсутствие специальных мюзик-холльных кадров» (Перспективы Мюзик-холла // Рабочий и театр. 1931. № 26. С. 14).

1 X¹ 1931. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Сегодня я приехал в Гудауты. Все на месте. Плохо только то, что здесь холодец. Идут дожди и дуют. Купил сегодня газету «Заря Востока» (Тифлисская) и нашел там объявление, что состоится лекция И. И. Ледагорова «Наш музыкальный фронт». В Москве Ледагоров, а в Тифлисе Ледагоров². Вырезку при сем прилагаю. Был я здесь в киоске «Союзпечати», с радостью обнаружил соответствующие номера «Говорит Москва»³. Следовательно числа 18 я приобрету следующий номер и тебе не придется таковой высылать. Почти убежден, что мне здесь будет скучно. У Оболонкиных кроме меня только двое. Оба из Москвы. Один инженер, другой пожилая дама. Вчера в Сухуме я сбрил свои, некоторое количество глаженные прелестными дамскими ручками волосы. Морда у меня из-за этого обстоятельства, форменное бордо. Липатов говорит, что я стал похож на Ганди⁴. При взгляде в зеркало меня охватывает ужас, переходящий в сильное омерзение. И ведь расти будут не меньше 4-х месяцев. Из этого заключаю, что волосы красят не только женщин, но и мужчин, если таковым я могу себя считать. Мария Никодимовна⁵, увидев меня, всплеснула руками и весело засмеявшись сказала: «Какие вы смешные без волос». Василию Григорьевичу⁶ я передал твой привет. Он просил весьма благодарить. Арнольд⁷ сейчас находится в Сухуме. «Прожигает жизнь», как выразился В. Г. Папирос здесь нету. Придется бросать курить. Когда я слезал в Севастополе (там корабль стоял около двух часов), то встретил одного из «малых сих», а именно Фере⁸. Мы бросились друг другу в объятия и расцеловались. Затем я обозвал его лакеем, приспособленцем и сукиным сыном. Я так и Липатова с ним познакомил. «Дорогой Поц⁹, — сказал я, — позволь тебе представить сукинова сына и приспособленца, композитора Фере». «Не

слыхал», — со свойственным ему остроумием сказал Липатов. «Мм, эээ! Ты много себе позволяешь», — сказал Фере. — Сам представитель современничества». «И горжусь, и горжусь этим», — сказал я. На этом беседа с малым сим закончилась, т. к. он сильно обиделся и ушел со своим спутником, напоминавшим не то Зару Левину¹⁰, не то Персианинова¹¹, но безусловно если и не подписавшего исторического письма в редакцию, то во всяком случае подписавшего в «нашей развернутой статье», которую мы поместим в «Литературной газете», о чем мне сообщил Фере. «Там и про формализм будет». В общем мило побеседовали.

В Севастополе ходил смотреть Панораму. Это доведенный до высшего дореволюционный Ахр¹². Просто, мило и грандиозно. В Ялте хотелось есть. Кроме водки, ничего не нашел. В Новороссийске слегка погуляли (я и Липатов). В Туапсе обедали на поплавке. Весьма недурно. В Сухуме провели один день. Недурно, но дороговизна на все припасы потрясающая¹³. Раза в два дороже, чем в «Европейке». Не видел ли ты Никиты Богословского¹⁴ и что поделявает Гаук? Все так же умен и бумаги не подписывает? (Подписывает, вероятно, Нейман¹⁵). Как Эрбштейн, энтузиаст своей симфонии Попов¹⁶, Арнштамы¹⁷, Шапорин¹⁸. Далеконько я сейчас от всех этих милых, но симпатичных людей. Как глупый до святости Федор Лопухов. Осуществил ли он грандиозный банкет по случаю своего «ухода» из Мариинского театра¹⁹. Если таковой (банкет) был и ты на нем был, опиши. Если узнаешь (по возможности деликатно и дипломатично) насчет письма, полученного мною из гор. Свердловска и насчет возникших у меня мыслей, тоже напиши. Одним словом, пиши побольше и почаще. Ввиду погоды, думается мне, я буду скучать. Завтра пойду на почту. Может быть я уж что-нибудь и получил. Моего адреса никому не сообщай. Ведь у меня осталось много неразвязанных узлов в Ленинграде.

Ну, целую тебя крепко, жду писулек.

Д. Шостакович.

Заказное письмо с ленинградским адресом Соллертинского и адресом отправителя: «Гудауты. Почтовый ящик 29. Шостакович».

¹ В оригинале ошибочно — 1 IX.

² Правильно «И. И. Ледогоров» — возможно, Айсберг Исидор Ильич (?—1961), музыкант, драматург. Под псевдонимом «И. И. Ледогоров» выступал критик, рецензии которого на оперные и драматические спектакли появлялись в 1930-е гг. в журналах «Советский театр» и «Рабочий и театр». Объявление, о котором пишет ДДШ, помещено в газете «Заря Востока» 28 и 30 сентября. Лекция-диспут состоялась в зале Тифлисской консерватории 30 сентября. Интересно, что ДДШ, обратив внимание на написание фамилии лектора, совсем не комментирует тезисы его лекции «Политика и „чистое искусство“, опубликованные тут же: «Безыдейна ли музыка? Борьба музыкальных течений как отзвук классовой борьбы. Идеологические теории и эпигоны троцкизма. Ассоциация пролетарских музыкантов. Попутчики, пути их полной перестройки. Новые кадры и наша музыкальная школа. Кризис музыкального театра. Нужна ли нам опера? Музыкальный профессионализм и музыкальная общественность» (Заря Востока. 1931. 28 сент.; 30 сент.).

³ «Говорит Москва» — журнал, выходивший с 1929 г. три раза в месяц в издательстве Народного комиссариата промышленности и техники под редакцией начальника Радиоуправления Н. И. Смирнова. ДДШ следит за дискуссией под общим заголовком «О пролетарской музыке в радиовещании», развернувшейся на страницах этого журнала в № 23—24 и 25. Полемика была вызвана заявлением членов ВАПМа, которые утверждали, используя при этом самые грозные идеологически бичующие формулировки, что Радиоуправление сознательно, вредительски искажает сочинения композиторов-вапмовцев. В № 23—24 в статьях К. Иванчикова («Рекорд приспособленчества», с. 4—5) и Своего («Не оставь меня...», с. 5) дается аналитический разбор песен «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» В. Белого и «Первомайская пионерская» А. Давиденко, в которых заимствованы мотивы «Марсельезы», популярной мелодии «Пой, ласточка, пой» и песни Куртиса «Не оставь меня»; критики говорят о пошлости музыкального мышления и призывают «отмежеваться от халтурщиков и приспособленцев». Критик под псевдонимом Флорестан пишет о взаимных обидах композиторов (враждебное отношение исполнителей к их творчеству) и исполнителей (с одной стороны, сложности фактуры и интонаций, с другой — «упрощенчество, ложный пафос, слезливость»); он призывает воздержаться от «необоснованно тяжких обвинений (вредительство, вражда, тупость)», чтобы добиться совместной «товарищеской

поддержки в общей большой политической важности культурно-политической работе». Находясь в Гудаутах, ДДШ пристально следит за этой дискуссией (см. пп. 34–37), хочет принять в ней участие (см. пп. 35, 37), с нетерпением ждет выхода в свет следующего, 25-го номера журнала, в котором спорящие адресуют друг другу одни и те же обвинения — в непонимании целей и стратегических задач пролетарского искусства. В № 26–27 дискуссия была продолжена с ужесточением критики в адрес вапмовцев (см.: *Терцет*. Под пролетарской вуалью; *Флорестан*. Овладеть композиторской техникой; *Иванчиков К.* Взирая на Белого и Давиденко; *Блюм В.* РАПМ и Стоковский). Судя по реакции ДДШ, схватка спутала «партийные» ряды, и неожиданно для себя он должен был солидаризироваться с прежде чуждыми ему критиками (см. п. 37). Серьезный характер взаимных идеологических обвинений в ходе дискуссии, поиск «классовых врагов» заставляет ДДШ прогнозировать неприятности ряду композиторов, и в том числе себе.

⁴ Ганди Мохандас Карамчанд (1869–1948), один из лидеров индийского национально-освободительного движения, его идеолог.

⁵ М. Н. Оболонкина.

⁶ В. Г. Оболонкин.

⁷ Вероятно, родственник Оболонкиных.

⁸ Фере Владимир Георгиевич (1902–1971), композитор.

⁹ «Поц» — на идише бранное слово, приравнивающее адресата к его гениталиям. В то же время шутовское еврейское обращение, в переносном значении — «недотепа», «беспомощный человек».

¹⁰ Левина Зара Александровна (1906–1976), композитор.

¹¹ Персианинов — вариант фамилии Персиянинов (см. коммент. 11 к п. 23).

¹² АХР — Ассоциация художников революции (в 1922–1928 гг. — АХРР, Ассоция художников революционной России) — массовое художественное объединение, сыгравшее важную роль в консолидации советских художников и распространении искусства в массах. Членами АХР были выдвинуты лозунги «художественного документализма» и «героического реализма».

¹³ Парафраз на слова квартального из гоголевского «Носа»: «Очень большая поднялась дороговизна на все припасы...»

¹⁴ Богословский Никита Владимирович (1913–2004), композитор.

¹⁵ Нейман в конце июня (начале июля?) 1931 г. был назначен директором ЛГФ. А. В. Гаук в 1931–1933 гг. был главным дирижером и художественным руководителем ЛГФ.

¹⁶ Попов Гавриил Николаевич (1904—1972), композитор. Речь идет о его Первой симфонии, соч. 7, написанной в 1928 г. Исполненная автором в фортепианном изложении, она получила в 1933 г. 2-ю премию на Всесоюзном конкурсе имени 15-летия Октября. Оркестровое ее исполнение состоялось лишь в 1935 г. (см. также п. 77).

¹⁷ Арнштамы — семья Л. О. Арнштама. С его родителями ДДШ был близко знаком со школьных лет. Соллертинский их тоже хорошо знал: приехав из Витебска в Ленинград в 1921 г., он в течение двух лет жил в квартире Арнштамов на Невском пр., 101.

¹⁸ Шапорин Юрий Александрович (1887—1966), композитор.

¹⁹ Лопухов Федор Васильевич (1886—1973), артист балета, балетмейстер. По поводу своего ухода из ГАТОБа он впоследствии писал: «Неудачи „Болта“ начались с драматургической канвы, с выбора сюжета, с обращения к тому, что далеко от балета <...>». И далее: «Постановкой „Болта“ закончилась моя работа в бывшем Мариинском театре. К неудаче „Болта“ прибавили ошибки в „Щелкунчике“; зачеркнули успех „Ледяной девы“, „Пульчинеллы“, „Красного мака“; о восстановлении классического наследия „забыли“. И мне ничего другого не оставалось, как передать „бразды правления“ своей помощнице А. Вагановой» (Лопухов Ф. В. Шестьдесят лет в балете. М., 1966. С. 258).

35

7 X 1931. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Спасибо тебе большое за твое письмо. Будучи здесь в уединении, весьма порадовался твоему известию. С поездкой мне не повезло. Лишь один день, в Сухуме, 30-го сентября, светило солнце и было тепло. Сейчас почти все время дожди и холодно. Схватил я здоровенный насморк, который начиная с сегодняшнего дня стал проходить. Время проходит скучно. В те счастливые минуты, когда перестает лить дождь, играю в волейбол. Иногда сочиняю. Кончил 2-ю картину оперы¹. Оболонкина кормит хорошо. Живу я у них в доме. Сортир еще более засран, нежели в доме Шкраба², в котором и ты жила. Обстоятельство, достойное удивления.

Бодрую зарядку мне дало известие, что в Абхазии организуется АбАПМ³, о чем сообщает прилагаемая при сем статья тов. Ковача⁴. Переслала мне мама сюда письмо тов. Верхотурского⁵, который считает необходимым печатание «Первомайской симфонии» (sic!). «Сие напечатание задержалось вследствие ее дискуссионности, теперь же стало ясно, что ее надо печатать», — пишет тов. Верхотурский. Прочтя мое письмо в «Говорит Москва»⁶, если таковое будет напечатано, «дискуссионность» опять, вероятно, всплывет. Поживем, увидим. Если же будет напечатан громовой ответ т. Кильчевского⁷, вырежи и пришли. Прочту с любопытством. Собирался я переехать в Новый Афон, где дружина Липатов достал мне комнату в Доме отдыха, но раздумал. До 1-го ноября буду жить в Гудаутах. Вид у меня без волос пасквильный.

Твое описание приема симфонии «Женюрушенчика» Брусиловского⁸ потрясло меня. Особенно мне понравилась четкая позиция, принятая в этом вопросе тов. Kartoffel. Бой-баба. Мадам Сен-Жен⁹. Красота. «Чтиво» ты мне не пересылай. Журнал «Говорит Москва» получается здесь аккуратно, и не только он, а даже славная «Литературная газета», имеющая столь большие заслуги в области перевода попутчиков на рельсы союзничества¹⁰. Читаю этот орган аккуратно. Бесперывные дожди и сидение в комнате приводят меня к мировоззрению созерцательно-лирическому. <...> Вчера приезжал в Гудауты Липатов. Было несколько веселее. Уехал. Опять скучно. Дождя сейчас нету, но вот-вот польет. Хочу отсюда поехать в Тифлис. Говорят, что там жарко. Если хватит денег, поеду. Возможно, что Липатов переедет из Афона сюда. Абхазия по-абхазски называется Псху. Впрочем больше писать не о чем. Целую и желаю веселья. Твой Д. Шостакович.

Р. С. Почаще бы ты писал.

¹ Опера «Леди Макбет Мценского уезда».

² Шкраб — сокращенное «школьный работник». В данном случае неустановленное лицо.

³ АбАПМ — Абхазская ассоциация пролетарских музыкантов.

⁴ Неустановленное лицо. В газете «Заря Востока» обнаружить заметку о создании ассоциации не удалось.

⁵ Верхотурский (Гайсинский) Адольф Григорьевич (1870–1933), советский музыкальный деятель, председатель правления Музгиза в 1930-е гг.

⁶ Упомянутое ДДШ письмо не обнаружено — вероятно, оно не было опубликовано. Вместе с тем статья ДДШ «Декларация обязанностей композитора» в журнале «Рабочий и театр» (1931. № 31. С. 6) возбудила широкую дискуссию. ДДШ пишет о профессиональных и идеологических аспектах прикладной музыки, резко критикует музыкальные театры и методы их работы, оценивает свои балеты как «жестокий провал» и обещает на ближайшие пять лет порвать с прикладной музыкой, дабы расчистить себе «дорогу к большой симфонии, посвященной 15-летию Октябрьской революции». Симфония, однако, не была написана.

⁷ Кильчевский Виталий Игнатьевич (1899–1986) — певец (тенор). В 1920-х гг. учился в Институте народного хозяйства и окончил три курса музыкального техникума по вокалу. В 1930–1935 гг. преподавал в ЛГК диалектический и исторический материализм; одновременно учился там же на вокальном отделении, был солистом Оперной студии ЛГК. С 1936 г. солист Малегота, с 1944 г. — ГАТОБа, в 1947–1955 гг. — ГАБТа. В годы деятельности РАПМа активный сторонник движения пролетарских музыкантов, с весны 1931 г. член правления ЛАПМа. Печатался в журнале «Пролетарский музыкант», на страницах которого утверждал, что массовая песня — необходимый этап на пути к советскому симфонизму. Ожидаемый ДДШ «громовой ответ» Кильчевского с критикой журнала «Говорит Москва» опубликован не был.

⁸ Брусиловский Евгений Григорьевич (1905–1981), композитор. Речь идет о его Первой симфонии, с которой он незадолго до того окончил Ленинградскую консерваторию по классу М. О. Штейнберга. Где обсуждалась симфония Брусиловского, установить не удалось.

⁹ Kartoffel — Крохмаль (Крохмаль-Орябинская) Марфа Павловна (1905–1953), музыковед. В 1934 г. окончила инструкторское отделение ЛГК, в 1937 г. аспирантуру ЛГК по истории музыки. В 1937–1950 гг. преподаватель ЛГК. ДДШ называет ее «бой-баба» — именно так говорят о героине в пьесе В. Сарду и Э. Моро «Мадам Сан-Жен» (*франц. sans-gêne* — бесцеремонность, развязность).

¹⁰ Согласно принятой в то время идеологической классификации, художники, отнесенные к категории союзников, стояли ближе всего к возглавлявшим (и разработавшим) эту иерархию пролетарским деятелям искусства.

36

14 X 1931. Гудауты

Дорогой Иван Иванович.

Давно не имею от тебя вестей. Как твои дела, напиши. Если вышел следующий номер «Говорит Москва», вышли мне. Здесь его еще нету, и неизвестно, будет ли. Вышли лишь в том случае, если там есть «читиво». Если где имеется полемика с «Говорит Москва», то тоже вышли, если это тебя не затруднит. Напиши, как твои дела. Как филармония¹. Здешний член коллегии защитников² весьма оригинально украл у меня часы. В связи с этим подал заявление в местный угрозыск. Каким образом таковые были украдены, сообщу по возвращении в Ленинград. Попроси Лёлю Арнштама написать мне, как дела со «Златыми горами»³. Я ему писал, да он не отвечает. Пиши по адресу Гудауты. Почт. ящик № 29. Так лучше, нежели до востребования. Желаю тебе всего лучшего.

Пиши. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ В Ленинградской филармонии Соллертинский начал работать в качестве лектора эпизодически с 1927 г., постоянно — с 1 сентября 1929 г.

² Судя по следующим письмам, Картози (Картозия) Иордан Иорданович (см. пп. 37, 38 и 41).

³ В эту пору фильм «Златые горы» готовился к выходу на экран (премьеры 6 ноября 1931 г.). Л. О. Арнштам принимал в нем участие как звукорежиссер, а также был сценаристом (в соавторстве с А. П. Михайловским, В. В. Недоброво и С. И. Юткевичем).

14 X 1931. Гудауты
Дорогой Иван Иванович.

Признаюсь, письмо твое прочел без удовольствия. Как никак, а я послал заказным письмом письмо в редакцию «Говорит Москва», где была следующая фраза: «Тов. Смирнов¹ четко и по-большевистски поставил вопрос...» и т. д. Вот-то с благословения старого пердуна Феликса <...>² будет «примечание от редакции» к моему ненапечатанному письму. Я уже мысленно читаю: «Журнал „Говорит Москва“ при старом руководстве был центром всякого классово-враждебного сброда; всякие Иванчиковы³, Шостаковичи и прочие обрадовались возможности обливать грязью гениальное творение Белого „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“⁴». Увы мне, гроб мне, зеркало б мне и т. д. Уже Верхотурский наверно отложил свое распоряжение печатать мою «Первомайскую симфонию». Прямо беда. Боюсь, что и Попов и Шапорин вылезут сухими из воды, а мне крышка. Ну авось да и выплыву как-нибудь. А впрочем надо быть готовым ко всему. Только что бросил в ящик тебе открытку, как пришло твое письмо. С нетерпением буду ожидать следующего. Я все-таки не думал, что заваруха с «Говорит Москва» кончится так печально для меня. Как будто бы меня и потравливать стали меньше. А теперь опять пойдет. Матерьял есть. Думал ли я, что моя судьба будет когда-нибудь связана с Флорестаном и Своим в доску⁵? С нетерпением все же буду ждать прибытия в Гудауты «чтива». На всякий случай ты вышли мне следующий номер «Говорит Москва». Здесь его еще нету. Газета от 11-го октября уже есть, а журнала нету. Может быть и не придет. Так что с получением сего вышли вырезки⁶.

Здесь стоит роскошная погода.купаюсь и лежу на солнце каждый день по несколько часов. Несколько огорчает меня то обстоятельство, что член коллегии защитников гр. Картози украл

мои часы. А так все обстоит благополучно. Что же касается до Мосолова, то не видать его опере постановки, как своих ушей⁷. Жалко мне его. Сочиняет плохо и вдобавок травят. Совсем полная противоположность Белому. Сочиняет плохо и хвалят. И в пример ставят. Черт знает что. Только и остается надеяться на Шапорина, который может быть замолвит за меня словечко перед автором либретто оперы «Марксисты»⁸.

Ездил недавно в Новый Афон. Место исключительной красоты. Видел там отдыхающих Липатова и Куйбышева⁹. Жить там не стал бы, хотя собирался. Очень высоко от моря и уютно подниматься после купанья. Итак дорогой Иван Иванович, пиши мне почаще. Боюсь, что у тебя будет и неприятный матерьял для писания писем. Тем не менее пиши, ничего не скрывая. Если узнаешь что-нибудь насчет Свердловской адресатки¹⁰, пиши и об этом.

Целую. Твой Д. Шостакович.

¹ Смирнов Н. И., начальник Радиоуправления (см. коммент. 3 к п. 34). В дискуссии о репертуарной политике радиовещания Смирнов (Говорит Москва. 1931. № 25) оценивает «Марсельезу» как гимн контрреволюционной Франции. Он осуждает критика Л. Н. Лебединского, который имел неосторожность назвать «Марсельезу» гениальным произведением.

² Очевидно, Кон Феликс Яковлевич (1864—1941), партийный деятель, редактор различных газет. С 1931 г. председатель Всесоюзного радиокomiteта.

³ К. Иванчиков — участник дискуссии, развернувшейся в журнале «Говорит Москва» (см. коммент. 3 к п. 34). Возможно, это Блюм Владимир Иванович (1877—1941), выступавший, в частности, под псевдонимом «Иванчиков».

⁴ Белый Виктор Аронович (Аркадьевич) (1904—1983), композитор, музыкально-общественный деятель. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — песня на слова Н. Э. Минского. Издана в Москве Музгизом в 1931 г.

⁵ Флорестан — псевдоним, которым в это время пользовался целый ряд авторов: Держановский Владимир Владимирович (1881—1942), музыкальный

критик; Полуянов, сотрудник журнала «Говорит Москва»; Рабинович Давид Абрамович (1900—1978), музыковед, в 1930—1933 гг. заведующий книжной редакцией Музгиза. Под псевдонимом «Свой» (см. коммент. 3 к п. 34) в то время выступал, в частности, Шумяцкий Борис Захарович.

⁶ ДДШ, ожидающий в Гудаутах следующий номер журнала, еще не знает, что вышедший 21 сентября номер 26—27 стал последним в истории этого издания: оно было закрыто и с октября 1931 г. вместо него стал выходить журнал «Говорит СССР» под редакцией Ф. Я. Кона. В редакционной статье 1-го номера журнала заявлено, что «Говорит СССР» будет вести непримиримую борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными теориями и практикой в области художественного радиовещания с опорой на РАПП, РАПМ и другие объединения пролетарского характера. В заметке «От редакции» в том же номере журнала была подведена финальная черта под дискуссией о пролетарской музыке. Сообщив читателям решение Секретариата РАПМа ответить на напечатанные в журнале «Говорит Москва» статьи развертыванием массовой работы на фронте пролетарской музыки, «Говорит СССР» заверил: «Приветствуя это решение Секретариата РАПМа, редакция считает нужным заявить, что организация РАПМа найдет в редакции самую дружескую поддержку в работе, что не исключает дружеской же критики» (с. 4)

⁷ Мосолов Александр Васильевич (1900—1973), композитор. В 1925 г. окончил Московскую консерваторию (класс Н. Я. Мясковского). В 1920-х гг. написал ряд произведений урбанистического и конструктивистского характера — песни на тексты газетных объявлений, симфонический эпизод «Завод» (1926). Автор оперы «Плотина» (1929), которую, видимо, имеет в виду ДДШ.

⁸ По всей видимости, имеется в виду опера Шапорина «Декабристы», либретто первой редакции которой написал А. Н. Толстой на основе своей драматической поэмы «Полина Гёбль» (созданной в соавторстве с П. Е. Щеголевым). Писатель был в большом фаворе у советских властей.

⁹ По-видимому, Куйбышев Валериан Владимирович (1888—1935), политический и государственный деятель, с 1927 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

¹⁰ Неустановленное лицо.

19 X 1931. Гудауты

Дорогой Иван Иванович.

Спасибо тебе за твое письмо. Твои письма всегда меня страшно радуют. Рад, что жизнь в Ленинграде кипит. Рад, что Шапорин стал пролетарским композитором¹. Давно пора! Я даже был несколько удивлен, что ты в одном из своих писем назвал Шапорина представителем современничества². Это автор «Песни ямщика»³ представитель современничества? Нет, тысячу раз нет. В связи с тем, что у меня украл часы член коллегии защитников гр. Картозия Иордан Иорданович, знакомлюсь с работой местного угрозыска. Нечетко работает. 6-го октября были украдены часы и посейчас они не у меня. Угрозыск передал все дело в суд. Ничего себе удовольствие. Поехал «в отпуск», а вместо этого целыми днями сижу то у начальника милиции, то у нач. угрозыска, то в Новоафонском Г. П. У., начальник которого весьма мил и отнесся ко мне с большим участием. Однако часов до сих пор нету — и не видать мне их как своих ушей. Такое уж у меня предчувствие. Уезжать думаю отсюда 1-го ноября, если до этого срока придут деньги. Надо сказать, что в дороге я сильно поиздержался⁴ и послал в Ленинград просьбу за подкреплением. Получил из Всероскомдрама телеграмму, что деньги высланы телеграфом. Буду их ждать. Если придут раньше 1-го, то все равно проживу до 1-го. А там поеду в Батум (дней 5), в Тифлис (дней 8—9) и в Ленинград. Следовательно по получении этого письма, если найдешь время, черкни в Батум до востребования. Буду весьма рад получить от тебя там известийце. Если, часом, начнет моя травля, не пиши, уж все это я переживу в Ленинграде.

Чудный здесь октябрь месяц стоит. Совсем даже на октябрь не похож. Жарко. Солнце и т. п. Поздравляю тебя с возведением в ранг союзников, а также с назначением тебя представителем

Ленискусства⁵ в Мариинский театр. Это почтенное учреждение (Ленискусство), подобно курилке (не путать с Курилко⁶), живет и тем самым радует меня. Страшная стоит здесь дороговизна на спиртные припасы. Бутылка водки 8 (восемь!) рублей. За мое здесь пребывание выпито две бутылки с посильной помощью маститого В. Г. Оболонкина <...>. <...>

На этом я позволю себе закончить мое письмо. Крепко целую и желаю разнообразнейших удовольствий.

Буду ждать в Батуме твоего письма. Твой Д. Шостакович.

Р. С. Насчет Свердловской адресатки ты ничего не узнал случайно? <...>

¹ Принадлежность к категории пролетарских композиторов предоставляла условия наибольшего благоприятствования для творчества и исполнения сочинений.

² Шапорин в 1920–1930-е гг. активно участвовал в музыкальной жизни Ленинграда: был членом редколлегии издательства «Тритон», заведующим музыкальной частью БДТ. В последние месяцы существования ЛАСМа (1927–1928) возглавлял эту ассоциацию, которая считалась оплотом современничества.

³ «Песня ямщика» — ямщицкая песня «Ой вы, версты», из оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы».

⁴ «...В дороге я сильно поиздержался» — вольное изложение фразы, которую в разных вариантах неоднократно произносит Хлестаков в IV д. «Ревизора».

⁵ Ленискусство — орган в системе Управления театрально-зрелищными предприятиями при Ленинградском управлении Наркомпроса.

⁶ Курилко Михаил Иванович (1880–1969), театральный художник и архитектор. В 1924–1928 гг. главный художник ГАБТа. Автор сценария балета «Красный мак».

25 X 1931. Гудауты

Дорогой Иван Иванович. Завтра я уезжаю из Гудаут в Сухум. В таковом пробуду 3 дня и еду в Батум, в каковом

надеюсь получить весточку от тебя. Еду я вместе с Борисом Александровичем (фамилия его утрачена)¹. Это молодой человек с весьма попой физиономией. Меня знает как автора музыки к «Новому Вавилону» (sic!). До Батума он попутчик. А дальше не знаю. В Батуме проживу дней 5, а потом на родину жены Вл. Вл. Дмитриева². Затем домой. От Гудаут и от Оболонкиных у меня осталось на этот раз пренеприятное впечатление (кража моих часов). Больше я сюда ни членом (ногой). Мария Никодимовна стерва. Арнольд пошел и глуп необыкновенно, Вас. Григ. мелкий жулик (взял с меня за прописку 3 рубля, когда по закону он должен за прописку платить сам и не 3, а 2 рубля). Меня все это возмущает. Придумал я каламбуршараду. Как сказать иначе: «Как!? Выпускающий воздух. Рёв. С Неви», чтобы получился руководящий товарищ. Подумай и к моему приезду отгадай. Погода понемногу портится. Дожди и холодец вечерами и ночью. Во время сна зуб на зуб не попадает и кровь стынет в жилах. Мечтаю посмотреть «Условно убитого», если таковой доживет до моего возвращения³. Клянйся Гауку, Гердт и прочим. Кильчевскому не кланяйся в буквальном смысле. <...> Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Неустановленное лицо.

² В Тифлис, как явствует из п. 40.

³ Спектакль «Условно убитый» с музыкой ДДШ шел до конца ноября.

40

28 X 1931. Батум

Дорогой Иван Иванович.

Пишу тебе главным образом по той причине, что мне хочется общаться с тобой хотя бы по почте. Не могу сказать, чтоб мое путешествие по Кавказу было чревато хорошими знакомствами.

Нет. Народец серенький, ничего выдающегося, если не считать молодого человека, работающего в Ленинграде в качестве коменданта всех рынков смольнинского района. Главная его достопримечательность это то, что он выдает себя за большого любителя выпить, но после 3-й рюмки пьянеет окончательно, затем лапает всех женщин без различия возраста и красоты (например М. Н. Оболонкину) и затем засыпает. Проснувшись, сразу опять пьет и, как мне показалось, сильно страдает от этого. Удовольствия от выпивки он не получает, но ему приятно, что все окружающие принимают его за пьяницу и прожигателя жизни. С ним встретился я в Гудаутах. Из Гудаут до Батума ехал на пароходе «Пестель». Там было лишь одно событие, достойное внимания РАПМа. Красноармейцы все время пели небезызвестную песню гр. Хайта «Все выше, выше и вы-ы-ше»¹. Но самое замечательное было в Потти. В Потти пароход стоял 7 часов и я вкупе с москвичом, похожим на Монти Бенкса², и москвичом, похожим на Н. Я. Мясковского³, пошли в город. Зашли в духан (дело было к вечеру). Там кутила большая компания: 2 женщины и человек 15 мужчин. Как я ни пытался определить их социальное положение, я никак не догадался. Тут были и молодые люди в шикарных костюмах, крахмальных воротниках и потрясающих шляпах. Был один пожилой моряк, чья-то бритая актерская физиономия. Кроме этого были весьма скромно одетые молодые люди в грязных рубашках и рваных штанах. Скрипач (необыкновенно равнодушный мужчина) и пианист играли различные произведения легкого жанра. Компания подпевала. Наконец «оркестр» заиграл «Светит месяц молодой»⁴. Моряк не выдержал и пошел танцевать вместе с одной из женщин. Танец пользовался большим успехом. Затем встала актерская физиономия и прочла рассказ Зоценки⁵ «Аристократка». Тоже снискал бурный успех. Моряк, отдышавшись, пошел к скрипачу и попросил его сыграть «За морями, за горами, эх в дальней стороне» Коваля⁶. Я насторожился. Скрипач и

пианист никак не могли подобрать это произведение. Тогда я (а я был уже пьян) подошел к компании и сказал: «Я Чемберджи⁷! Личный друг Коваля, автора этой песни, и готов эту песню сыграть». Сел за рояль и заиграл. Хор подхватил. Энтузиазм был неописуемый. Монти Бенкс и Н. Я. Мясковский ушли, а я подсел в их компанию. Пили за здоровье Сарры Крыловой⁸, Kartoffel и прочих. Еле-еле я успел на пароход. Подробнее все расскажу при встрече. 1-го ноября уезжаю в Тифлис. Здесь жарыща адская. Сейчас пойду купаться. Числа 10 надеюсь быть в Ленинграде. Крайне рассчитываю до 1-го числа получить от тебя до востребования.

Ну, будь здоров. Желаю тебе всяких удач.

Крепко целую.

Твой Д. Шостакович.

Живу я здесь в гостинице «Ялта». Паршивый номер стоит 13 (sic!) рублей.

¹ Хайт Юлий (Илья) Абрамович (1897–1966), композитор, в 1923–1949 г. сотрудник организаций по охране авторских прав композиторов. Автор популярной песни — Марша авиаторов («Все выше, и выше, и выше») на слова П. Д. Германа (1921). В 1933 г. это произведение было объявлено официальным маршем Военно-Воздушных Сил СССР.

² Бэнкс Монти (наст. фам. и имя Бьянки Марио) (1897–1950), американский киноактер. С 1915 г. снимался в комических фильмах.

³ Мясковский Николай Яковлевич (1881–1950), композитор, профессор МГК с 1921 г.

⁴ «Светит месяц молодой» — возможно, строка припева широко известной в те годы блатной песни «Костюмчик новенький»: «Костюмчик новенький, колесики со скрипом / Я на тюремную холстину променял. / За эти восемь лет немало горя видел, / И не один на мне волосик полинял. / А на дворе — хорошая погода, / В окошко светит месяц молодой. / А мне сидеть еще четыре года, / Душа болит, как хочется домой!»

⁵ Зоценко Михаил Михайлович (1895–1958), писатель. ДДШ ценил его талант и сочувствовал его бедам. Узнав о смерти затравленного властями писателя, ДДШ поспешил приехать в Ленинград на его похороны, о которых широко не извещалось и участие в которых было высоко

значимым поступком. Речевую манеру и письменный стиль ДДШ, столь специфичные, исследователи ассоциируют с литературным стилем Зощенко (см.: Савенко С. Слово Шостаковича // Д. Д. Шостакович: Сб. ст. к 90-летию со дня рождения / Сост. Л. Ковнацкая. СПб., 1996. С. 360–362).

⁶ Коваль (наст. фам. Ковалев) Мариан Викторович (1907–1971), композитор. «За морями, за горами...» — правильно «За горами, за морями», песня о Гражданской войне, сочиненная в 1929 г.

⁷ Чемберджи Николай Карпович (1903–1948), композитор, член РАПМа.

⁸ Крылова Сарра Алексеевна (1894–?), певица, в 1931 г. член совета РАПМа и кандидат в члены его правления, в 1929–1930 гг. ответственный редактор журналов «Музыкальная новь» и «Пролетарский музыкант». В своих концертах исполняла произведения композиторов РАПМа.

41

30 X 1931. Батум

Дорогой Иван Иванович. Послезавтра я уезжаю в Тифлис. «Весточку» от тебя вероятно не получу, т. к. приехал в Батум слишком рано, потому что от Оболенкиных вкупе с воров Картозия меня начинало тошнить. Настоящим сообщаю тебе, что я закончил в клавире 1-й акт оперы. В свободное от купанья и принятия пищи время инструментую. Страшная здесь стоит дороговизна на все припасы. Прямо волосы шевелятся дыбом. Меньше чем 25 руб. [в] день никак не обходится. Обдирают как липку. Зато с удовольствием прочел постановление о снижении цен в коммерческих магазинах в среднем на 30%. Растем¹. Ну, до скорого свидания. Лищу себя надеждой, что 1-го может быть я получу от тебя «писульку».

Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ «Растем» — характерная для тех лет формула социального оптимизма.

13 XII 1931. Москва

Дорогой Иван Иванович. По-видимому я надолго «застрял» в Москве. Живу я здесь у «светлого крепыша» (Б. В. Асафьев) Шебалина. Задорный пессимизм не покидает меня, несмотря на многочисленные встречи со столичными бодрячками. Жизнь здесь течет интересная. Напр. я получил на 20-е число повестку с просьбой прийти на заседание бюро композ. секции Всероском-драма, посвященное разбору заявления М. Ф. Гнесина¹ по поводу статьи о нем в «Пролетарском музыканте» под названием «Я сложный человек»². Нездоровый интерес толкает меня туда пойти. 11-го числа я был на концерте под упр. В. Ширинского³ (Мясковский, Кабалевский⁴ и Шебалин). Совершенно омерзительная «Симфониетта» Мяковского⁵. Сей маститый пессимист сбрил бороду, отчего вся загадочность его наружности пала прахом. Под бородой скрывалась обыкновенная грубая лакейская физиономия, подернутая скорбью за человечество. После симфониетты концерт для ф-п. Кабалевского⁶ показался мне Л. Н. Обориным-Спинозой по сравнению с известными тебе неопролетарскими композиторами, не говоря уж о 2-й симфонии Шебалина⁷, каковая мне очень понравилась. Завтра встречаюсь с Асеевым⁸. Много кучу. 1-й раз кутил в обществе Мяковского и прочих после концерта. Второй раз вместе с актерами т. им. Вахтангова. Оба раза сильно перепился и в связи с этим мне приходят в голову мысли, аналогичные мыслям дворянина Дмитрия Босова⁹ (гадко, мерзко). А в общем скучно. Пиши по адресу: Москва, 19, Большой Знаменский пер., д. 13, кв. 1 В. Я. Шебалину для меня.

Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Гнесин Михаил Фабианович (1883—1957), композитор.

² В большой статье, подписанной инициалами В. Д., подвергнуты резкой критике высказывания Гнесина на его авторском вечере весной 1931 г. во Всероскомдраме и на одном из совещаний по вопросу о музыкальном образовании. В заголовок статьи вынесена фраза композитора «Я — сложный человек». На авторском вечере прозвучало много произведений, написанных, как говорилось в статье, «в пору злейшей реакции» и «отразивших эту реакцию». Гнесин посчитал исполненные произведения передовыми для своего времени. Тут же он сказал: «Я все-таки не вполне убежден, что я марксистской критике должен полностью доверять». Оценивая его взгляды на музыкальное образование, автор статьи заключает: Гнесин не хочет, чтобы музыкальная форма, музыкальная техника соединялись с классовой идеологией, выводились из нее. Конец статьи звучит приговором: «М. Ф. Гнесин долгое время слыл за „либерального“ профессора, иногда с некоторою натяжкой характеризовался даже как попутчик. В настоящий момент мы можем безошибочно сказать, что за этим мнимым попутничеством скрывался на самом деле реакционер и ретроград. <...> Он становится уже и идеологом, и вождем, ибо его высказывания представляют собой целую платформу, сознательно противопоставляемую массовому пролетарскому музыкальному движению» (В. Д. «Я сложный человек...»: М. Ф. Гнесин о себе и окружающей его действительности // Пролетарский музыкант. 1931. № 8. С. 28). Возможно, автор статьи — Д. В. Житомирский, который вскоре заклеил «Повесть о рыжем Мотэле» Гнесина (для пения с фортепиано, на стихи Иосифа Уткина, соч. 44, 1929 г.) как продолжающую «традиции реакционного еврейского национализма» (Житомирский Д. «Повесть о рыжем Мотэле» Мих. Гнесина // Пролетарский музыкант. 1931. № 10. С. 31).

³ Ширинский Василий Петрович (1901—1965), композитор, скрипач и дирижер. Входил в первый состав Квартета им. Бетховена (2-я скрипка).

⁴ Кабалевский Дмитрий Борисович (1904—1987), композитор, музыкально-общественный деятель.

⁵ Симфониетта № 2 для струнного оркестра, си минор, соч. 32, посвящена А. Ф. Гедике (1928—1929), впервые исполнена в Москве 13 мая 1930 г. под управлением Г. Г. Шейдлера.

⁶ Первый концерт для фортепиано с оркестром, ля минор, соч. 9 (1929). Явился дипломной работой автора при окончании МГК. Впервые исполнен 11 декабря 1931 г. в ГАБТе оркестром ГАБТа под управлением В. П. Ширинского, солист — автор. Это было первое выступление Кабалевского перед широкой аудиторией.

⁷ Вторая симфония, до-диез минор, соч. 11 (1928–1929), посвящена А. М. Губе-Шебалиной. Явилась дипломной работой композитора, исполненной на выпускном экзамене в 8 рук (автор, П. А. Ламм, А. Ф. Гедике, С. С. Попов); первое концертное исполнение было осуществлено 26 мая 1931 г. в Москве оркестром Радио под управлением В. П. Ширинского.

⁸ Асеев Николай Николаевич (1889–1963), поэт. Незадолго до написания этого письма в прессе сообщалось, что в утвержденный репертуар Малегота на сезон 1932/33 г. включена музыкальная комедия ДДШ на текст Асеева; название не уточнялось. Возможно, встреча с Асеевым была связана с совместной работой над комической оперой «Большая молния», либретто которой он писал. В Собрании сочинений ДДШ (Т. 28. М., 1986. С. 266–301) опубликован клавир увертюры и восьми сцен из этой незавершенной оперы.

⁹ Можно предположить, что, описывая свое состояние после двух подряд кутежей, ДДШ вспомнил сцену из «Братьев Карамазовых» Достоевского, где Дмитрий Карамазов сидит босой и почти голый (ч. 3, кн. 9, гл. 6, «Прокурор поймал Митю»). (Комментаторы благодарят В. Н. Сажина за консультацию по данному вопросу.)

43

25 III 1932. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Только что я пришел домой, наполненный довольно разнообразными ощущениями. Сейчас второй час ночи. Минуту назад звонил Паша Марков¹. Сей страстный мой поклонник не стесняется временем. Итак. Видел я сегодня премьеру «Отелло»². Форменное безобразие. Кроме Мелик-Пашаева (весьма хорош, лучше всех дирижеров СССР) в спектакле ничего хорошего нету. Запомнилось несколько моментов, показывающих, что у режиссера (Н. В. Смолич³) есть «выдумка».

1) во втором акте, перед той сценой, когда Яго начинает возбуждать подозрения Отелло, холуй приносит Отелло манускрипт. Отелло ласково треплет холуя по щечке и ложится на

софу, дабы прочесть манускрипт. Когда Отелло отворачивается от холоуя, то последний (холоуй) пожимает плечами и роскошным, всамделишным батистовым платком вытирает свою щеку с явным презрением на лице и пожатием плеч.

2) Яго время от времени играет в «бильбоке», удачно ловя шар одновременно с оркестром.

3) Отелло душит Дездемону чрезвычайно фрикционно (от слова «фрикция». Ты, вероятно, знаешь, что это слово обозначает).

4) После самоубийства Отелло, последний ложится на Дездемону.

5) и многое другое.

Забыл самое главное. Во втором акте Отелло, не веря Яго, кидает последнего в бассейн с водой. Брызги доставляют удовольствие невзыскательной публике.

Успех средний.

После «Отелло» пошел в цех, слушать цыган. Получил величайшее удовольствие. Цыганки танцуют, закутавшись в драдемамовый платок. Из-под стаметовой юбки виднеются фильдекосовые чулки и канифасовые панталоны. Красота. Репертуар был меланхолический. Я чуть не плакал от удовольствия. Пожалуй, больше никаких впечатлений не было. Настроение ужасное, с мыслями о самоубийстве. Впрочем, все это не так страшно, ибо мысли о самоубийстве, частые мысли, у меня по крайней мере. Встретил на улице В. Н. Чайванова⁴. Одно время он совсем было сплыл. Читал членам Мосразнопромшвейартели⁵ лекции, но переучтя недоучел. Снят. Видел Красина Б. Б.⁶, Старокадомского⁷ и мн. др. Любители критического усвоения классического наследия постановкой «Отелло» недовольны. Любители «чистого» искусства не вполне довольны. Я возмущен, о чем и доложил Н. В. Смоличу, на что тот ответил: от такого слышу. И прав. Завтра буду показывать ему оперу⁸. Хочу присовокупить к показу Мелик-Пашаева. Если есть о чем писать — пиши.

Адрес: Москва, Метрополь, № 215. Ходят слухи, что завтра приезжает Канин⁹. Вероятно его придется пустить к себе в номер.

Целую. Д. Шостакович.

¹ Марков Павел Александрович (1897–1980), театральный критик, историк театра, режиссер, педагог. В 1925–1949 гг. заведующий литературной частью МХАТа.

² Премьера оперы Верди «Отелло» в ГАБТе состоялась 25 марта 1932 г. (режиссер Н. В. Смолич, дирижер А. Ш. Мелик-Пашаев, художник П. И. Соколов, балетмейстер А. И. Чекрыгин). Отелло — Н. С. Ханаев, Н. Н. Озеров; Яго — В. М. Политковский, Д. Д. Головин; Дездемона — М. В. Баратова, Е. К. Межерауп, Г. В. Жуковская.

³ Смолич Николай Васильевич (1888–1968), драматический актер, режиссер. В 1924–1930 гг. режиссер Малегота, в 1930–1936 гг. главный режиссер ГАБТа.

⁴ Чайванов Владимир Николаевич (1887–1964), музыкально-общественный деятель; в 1928–1930 гг. председатель правления Софила; в конце 1920-х гг. председатель Центрального концертного бюро Наркомпроса.

⁵ Мосразнопромшвейартель — очевидно, вымышленное название.

⁶ Красин Борис Борисович (1884–1936), музыкальный деятель. В 1912 г. окончил Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества (класс теории музыки и композиции А. Н. Корещенко). С 1918 г. руководил музыкальными отделами Московского пролеткульта, Главнауки, Главполитпросвета, Главпрофобра. Был председателем правления и директором-распорядителем Росфила.

⁷ Старокадомский Михаил Леонидович (1901–1954), композитор.

⁸ К этому времени ДДШ закончил два акта «Леди Макбет Мценского уезда». Однако то был не единственный повод для приезда: согласно письму к матери от того же числа (№ 16827/20), ДДШ в Москве работал над последней корректурой Третьей симфонии, готовившейся к изданию Музгизом. Три дня спустя, 28 марта, корректура была подписана к печати.

⁹ Канин Николай Тимофеевич (1902–?), административно-театральный деятель. В 1930-х гг. заведующий репертуарной частью и председатель методического кабинета Малегота.

10 VIII 1932. Гаспра¹

Дорогой Иван Иванович. Ввиду отсутствия конвертов вынужден тебе писать просто открытку. Сегодня пойду поищу конвертов и если найду, то напишу длинно и подробно. Живем мы недурно. Хорошая комната, вполне выносимые кровати, но сортир еще хуже, чем у Оболенкиных. Кормят хорошо. Время от времени приходят в санатории колхозники и давши краткий анализ международного положения просят отдыхающих помогать им убирать табак, т. к. солнце жжет весьма сильно и как сказано в плакатах «колхоз бет тревогу». Отдыхающие с редким энтузиазмом все как один бросаются на поля и убирают табак, ибо последний является экспортным и взамен него мы получим тракторы, комбайны, необходимые части для блюминга... Хожу купаться. Здесь живут П. А. Марков, С. Э. и А. Д. Радловы², тов. Казико³, т. т. Якобсон⁴ и Славянинов⁵ (санаторий Хаста-Ага), К. К. Тверской⁶ и много других прекраснейших людей нашего времени.

Крепко целую. Нина кланяется. Пиши по адресу Крым. Кореиз. Санаторий КСУ «Гаспра». Мне. Д. Ш.

Моего адреса никому не давай. Кланяйся.

Письмо на почтовой карточке.

¹ В Гаспре, в санатории для ученых и деятелей искусства, расположенном в бывшем дворце графини С. В. Паниной, ДДШ отдыхал вместе с женой Ниной Васильевной Варзар. Их брак был зарегистрирован 13 мая 1932 г. в отделе ЗАГС Детскосельского района Ленинграда (регистрационная книга за 1932 г., актовая запись № 232). Гаспра и в дальнейшем оставалась одним из любимых мест ДДШ в Крыму.

² Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова) (1891–1949), поэтесса, переводчица; жена С. Э. Радлова.

³ Казико Ольга Георгиевна (1900–1963), драматическая актриса; с 1927 г. в БДТ.

⁴ Имеется в виду Л. В. Якобсон.

⁵ Славянинов Ростислав Алексеевич (1902–1982), артист балета. В ГАТОБе с 1920 по 1960 г.

⁶ Тверской (наст. фам. Кузьмин-Караваев) Константин Константинович (1890–1944?), режиссер, критик. С 1927 г. режиссер, в 1929–1935 гг. главный режиссер и художественный руководитель БДТ.

45

16 VIII 1932. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Сегодня я решил не идти купаться, а заняться писанием тебе письма. Для упорядочения такового я думаю разделить всю сюжетику на следующие вехи:

- 1) поездка в поезде.
- 2) приезд и день в Севастополе.
- 3) от Севастополя до Гаспры.
- 4) Гаспра. Подразделение 4-й вехи:
  - а) обитатели,
  - б) еда,
  - в) личная жизнь в коллективе,
  - г) клозет,
  - д) прочее.

Итак, в 0.40 какого-то числа я поехал в Крым. На другое утро прибыли в Москву, узнали, что поезд в Москве стоит 8 часов. Решили эти 8 часов «обыграть». Пошли сперва в кафе Метрополь, в каковом выпили кофею (я) и какао (Н. В.)¹ с «сдобой» и пирожком. Затем не торопясь пошли во Всероскомдрам для встречи с Атовмьяном². Атовмьян бодр и свеж. Зашел туда и Сашетка Острецов³. Из разговора его с Атовмьяном я вынес следующее печальное впечатление. Два столь прекрасных человека, как Атовмьян и Сашетка поссорились. Роль «гусака»⁴ в этой ссоре сыграло сомнение Сашетки о наличии у Атовмьяна «линии». Как это ни печально, но украшение нашего времени,

Атовмьян и Сашетка, поссорились. Через некоторое время пришел и Мосолов, после чего все, кроме Сашетки, отправились в цех. Кроме вышеупомянутых во Всероскомдраме я встретился с Держановским⁵ (всплывающий), Мелкихом (все в той же позиции) и с Пиккелем⁶. Последний сообщил мне, что его звали на пост директора гос. театров в Ленинград, но он отказался, так как боится, что загрызут. «Я, как вам известно, люблю экспериментировать», — сказал он задумчиво. В цеху Мосолов переписался вдрызг. Но дай Бог ему здоровья, на Курский вокзал пришел нас провожать и принес в дорогу бутылку превосходного коньяку, которым я поддерживал свои силы до самого Севастополя. Кроме Мосолова, нас провожали Атовмьян и Сашетка. Благополучно поехали дальше.

Вместе с нами в купе ехали 2 кинодевочки. Фамилии великих кинорежиссеров слетали с ихних языков без конца. И мне комплимент преподнесли. «Какая прекрасная у вас есть песня». «Какая», — спрашиваю я. «„Когда б имел золотые горы“⁷. Какая красота и мелодичность». «Гм», — сказал я.

Кроме того с ними велась беседа и о деньгах. Как бы так поступить, чтобы деньги не пропали. Одна из них зашила деньги в бюстгальтер, другая в панталоны. Я высказал сомнение в целесообразности подобного метода хранения денег. «Сами посудите, — говорю я, — встретите вы, напр., столь приятного для вас молодого человека, что вам понадобится снять панталоны. А он только этого и ждал и вместо того, чтобы овладеть вами, он овладев вашими панталонами, удерет. Нерационально». «Все предусмотрено, — ответила кинодевочка, — ибо если я даже сниму панталоны, то все равно они особой веревкой останутся привязанными за мою талию». Я восхитился исключительной находчивостью кинодевочки.

В жаре, пыли и духоте доехали до Севастополя. Тут я вспомнил разные заметки в «Веч. Красной газете» о 50 000 курортниках под открытым небом. Площадь перед вокзалом усыпана

толпами курортников, жаждущих уехать из Севастополя. Правда, на вокзале был какой-то уполномоченный КСУ, но сказал, что поручиться за то, что мы уедем из Севастополя, не смог. Подъехал московский поезд и также выбросил из себя тысячу курортников. Вместе с ними тенора Большого театра т. Алексеева⁸ с женой. Тенор оказался энергичным и поклялся, что мы уедем из Севастополя ночью. «А пока едемте к моей маманьке. У меня в Севастополе живет маманька». Поехали к маманьке. Ехать к ней надо было через бухту на легком катере. Пока катер не отошел, развлекались следующим способом. Бросали в море медяки, а мальчишки их ловили и прятали за щеку. Очень бодрое развлечение. У маманьки пообедали, поспали и пошли к вокзалу. Уехали. Ехали ночью. Лил дождь. Приехали ночью. До утра спали в гостиной санатория КСУ. Утром нашли комнату (80 руб. в месяц) без клопов и с электричеством и включились в жизнь. Среди обитателей Гаспры С. Э. и А. Д. Радловы, К. К. Тверской, А. В. Шубин⁹, Казико (Болдрамт¹⁰) и много других превосходных людей. В Хаста-Ага П. А. Марков, Л. Якобсон и один из величайших умов нашего времени Р. А. Славянинов. Где-то еще К. И. Рейнгерц¹¹. Недавно приехал Д. Цыганов¹² с супругой. Цыганов сообщил, что в московскую консерваторию приглашен С. С. Прокофьев (Sic!) в качестве профессора композиции. Приезжал сюда погостить из Ялты Мариенгоф¹³. Сильно кусают москиты. Кормят хорошо. Что касается до личной жизни, то я наслаждаюсь обществом моей супруги и восхищаюсь ей все больше и больше.

Сортир засран. Когда туда идешь, то детишки хозяйки подбегают и с серьезным любопытством смотрят в щелку. До сих пор к этому не привык и бегаю отдыхать душой в санаторию. Вчера закончил 3-й акт «Леди Макбет». Есть у меня мыслишка. Нельзя ли было бы расписать голоса «Бедра сблизим»¹⁴ и пр. и сыграть их в филармонии, но не публично. Мечтаю о прослухе.

Вот и все.

Крепко тебя целую и желаю всяческих успехов. Нина кланяется.

Д. Шостакович.

Р. С. Пиши обязательно. Крым. Кореиз. Санатория КСУ «Гаспра». Мне.

¹ Н. В. — Нина Васильевна, жена ДДШ.

² Л. Т. Атовмьян в 1929–1933 гг. был ответственным секретарем секции композиторов Всероскомдрама и членом его президиума.

³ Острецов Александр Андреевич (1903–1964), музыковед. С конца 1920-х гг. выступал в периодической печати со статьями о творчестве советских композиторов и рецензиями.

⁴ Переключка с гоголевской «Повестью о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

⁵ Держановский Владимир Владимирович (1881–1942), музыкальный деятель, критик, основатель и редактор журнала «Музыка»; в 1930-е гг. занимал ряд должностей в Наркомпросе и Радиокомитете.

⁶ Пиккель (Пикель) Ричард Витольдович (1896–1936), литературный и театральный критик. С середины 1927 г. заместитель председателя (в 1929 г. председатель) Главреперткома. В прессе встречаются оба варианта написания фамилии.

⁷ «Когда б имел золотые горы» — городская песня, утратившая автора. Существует в записи и обработке Ю. М. Слонова.

⁸ Алексеев Александр Иванович (1895–1939), певец (лирический тенор). В 1929–1939 гг. солист ГАБТа.

⁹ Шубин Александр Васильевич (1898–?), актер, режиссер. В 1916 г. окончил студию Мейерхольда. Работал в петроградских (ленинградских) театрах.

¹⁰ Болдрамт — Большой драматический театр.

¹¹ Рейнгерц Константин Ильич, директор Музыкального театра им. Вл. И. Немировича-Данченко.

¹² Цыганов Дмитрий Михайлович (1903–1993), скрипач. С 1923 г. возглавлял Квартет им. Бетховена.

¹³ Мариенгоф Анатолий Борисович (1897–1962), поэт, драматург.

¹⁴ Что имеется в виду, установить не удалось. В «Леди Макбет Мценского уезда» таких слов нет.

24 VIII 1932. [Гаспра]

Дорогой Иван Иванович.

Спасибо тебе большое за твое письмо. Прочел я его и перечел с большим удовольствием. Правда в нем есть одна ошибка я бы сказал бестактного свойства. Ты пишешь, что Штейна¹ убрали из «Рабочего и театра», а кого вместо Штейна назначили не пишешь. Зная мое любопытство, не сообщить такого важного сведения нехорошо. Точно так же ты поступил в свое время о снятии Захара Любинского. Но почему-то вопросы «живых лиц» меня сейчас мало интересуют. Канин или Гисин², Бухштейн³ или Базкамень⁴ — «Желтая кофта»⁵ непобедима. Слухабельно. Если твоя жизнь течет тоскливо, то моя однообразно. Встаю в 8 часов после почти бессонной ночи (духота, мириады мух и москитов). В 9 ч. вкушаю завтрак, в 13.30 обед, в 17 чай, в 20 ужин, в 22 на боковую (La femme, духота, москиты, мухи). И все же чувствую себя превосходно. Ибо кроме духоты, мух и москитов есть супруга (наслаждение телом и душой) и больше мне ничего не нужно. «Она у меня такая милая»⁶. Сплошной восторг во всех отношениях. Каждое ее слово, жест и бурчание в желудке наполняют меня невыразимым блаженством. В этом отношении я счастлив. Кроме того играю в теннис и в волейбол. И это тоже хорошо. Это искупает и духоту, и насекомых (мухи, москиты). Насчет выпивки ничего. Это тоже хорошо. Устраиваются иногда и концерты. Тенор Алексеев попел, подекламировал артист М. Ф. Ленин⁷. В общем хорошо. Живет здесь скрипач Цыганов. Просит передать тебе привет. Нина кланяется. Не ленись и пиши, ибо я человек беспокойный. Не было долго от тебя вестей, я и беспокоился. Бросай хоть открыточки. Нина кланяется, я целую.

Д. Шостакович.

P. S. Получил ли ты наши фотографии в «Туристе»?

¹ Штейн Александр Петрович (1906—1993), драматург. С 1923 г. выступал в печати как журналист; с декабря 1931 г. по ноябрь 1932 г. ответственный редактор журнала «Рабочий и театр». На этом посту его сменила Е. И. Катерли.

² Гисин Соломон Николаевич (1905—?), административно-театральный деятель. С декабря 1932 г. заместитель директора, с октября 1934 г. исполняющий обязанности директора Малегота; с 1936 г. в ГАБТе. Репрессирован.

³ Бухштейн Вениамин Соломонович, административно-театральный деятель. В 1930—1933 гг. управляющий гостеатрами, директор ГАТОБа.

⁴ «Базкамень» — видимо, ДДШ обыгрывает фамилию Бухштейн.

⁵ «Желтая кофта» — оперетта Ф. Легара, поставленная в Малеготе в 1925 г. (режиссер Н. В. Смолич, дирижер С. А. Самосуд, художник М. П. Бобышов, балетмейстер А. И. Чекрыгин). Длительное время пользовалась огромным успехом.

⁶ «Она у меня такая милая» — реминисценция из «Мертвых душ» Гоголя (т. 1, гл. 4). Слова «она такая милая» произносит зять Ноздрев Мижуев, описывая достоинства своей жены.

⁷ Ленин Михаил Францевич (1880—1951), драматический актер; с 1902 г. в Малом театре.

47

30 VIII 1932. Гаспра

Дорогой Иван Иванович. Наверное в фотоателье «Турист» уже готовы наши фотографии¹. Не поленись и вышли их заказным. Прелюбопытно было бы на них взглянуть. Я с Ниной остаюсь здесь до 20-го сентября. На обратном пути заеду в Москву дней на 5. Здесь живут Л. В. Николаев² и В. М. Сердечков³. Последний, встретившись с нами вчера после обеда, проявил тахітум любезности. Он извинился перед Ниной, что не может поцеловать ей руку: «Простите, губы жирные». Он, как ты выразился, вежлив сердечно. Напиши мне, кто вместо Штейна в «Рабочем и театре» и во Всероскомдраме.

Крепко целую.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Фотография, о которой вот уже во втором письме вспоминает ДДШ, была сделана вскоре после его свадьбы. На ней — молодожены с Соллертинским. Ее экземпляры хранятся как в семье ДДШ, так и в семье Соллертинских. В настоящем издании печатается на вкладке.

² Николаев Леонид Владимирович (1878—1942), пианист, композитор, профессор Петербургской (Ленинградской) консерватории (с 1912 г.), педагог ДДШ.

³ Сердечков Владимир Матвеевич (1900—1966), композитор, пианист.

48

11 IX¹ 1932. Гаспра

Дорогой Иван Иванович. 18 IX² мы уезжаем в Киев. Если ты получишь эту открытку, то ответь мне по адресу Киев до востребования. Я получил от тебя только одно письмо. Скучаю и беспокоюсь из-за твоего молчания. Твои же письма всегда очень нас подбодряют и радуют. Здесь ничего нового. Необычайная жара и все время дуют.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ В оригинале ошибочно — 11 XI. Дата уточнена по содержанию этого и следующего письма.

² В оригинале ошибочно — 18 XI.

49

14 IX 1932. Гаспра

Дорогой Иван Иванович. Спасибо тебе, что ты, несмотря на мигрень, нервы и сердце, написал мне восточку. Ты знаешь, что я человек беспокойный и волнуюсь, когда ты долго не подаешь

о себе вестей. 18 IX мы едем в Киев. Твоя весточка в Киев до востребования конечно доставит мне много радости. Но учти то обстоятельство, что из Киева я 26 IX уезжаю в Москву. День рождения (25 IX) я провожу в Киеве. Исполнится мне 26 лет. Вчера сюда приезжал эксвапмовец гр-н Вейс¹. Он плохо говорит по-русски и заикается. Передо мной заискивал вовсю.

Желаю тебе бодрости и радости.

Крепко целую. Д. Шостакович.

Нина шлет привет.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Вейс Павел Филиппович (1905—1982), родился в Венгрии. Окончил в 1928 г. Высшую музыкальную школу в Берлине по классу композиции П. Хиндемита. Преподавал теорию музыки в консерватории Клиндин-ворта — Шарвенки в Берлине. С 1930 г. в Москве — музыкальный педагог и редактор Музгиза. До роспуска ВАПМа принимал активное участие в его работе, был также деятелем Международного музыкального бюро, возглавлявшего Пролетарское революционное музыкальное движение, которое имело секции в разных странах. Выступал со статьями и корреспонденциями в журналах «Рабочий и театр» и «Советская музыка» в 1930-е гг.

50

16 IX 1932. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Получил я позавчера и вчера твои открытки. Я чрезвычайно потрясен пожаром на американских горах¹. Какой ужас. По-видимому нам с тобой не скоро удастся испытать те роскошные спуски, роскошней которых есть лишь один спуск при половом акте. Послезавтра мы уезжаем в экс-мать русских городов Киев. Следует подвести итоги нашего пребывания здесь. Нина прибавила 3 кило. Этим самым она еле-еле восстановила свой вес до болезни. Сколько прибавил я, не знаю. Завтра свешаюсь. Бо-

лезни ни у нее ни у меня не было ни одной. Закончен 3-й акт «Леди Макбет». Запечатлены 2 фотографии. 1-я: Нина, Паша Марков и я. 2-я: Нина, Л. В. Николаев, скрипач Цыганов и я. И та и другая приедут в Ленинград вместе с нами. Познакомился с целым рядом препреходнейших людей. По возвращении в Ленинград ожидаю травли со стороны ТРАМа². Взял 400 руб. авансу и уехал. Если ТРАМ меня выгонит, то буду искать себе нового местечка. Все это меня пугает, но мне не страшно³. Вместе с этим письмом пишу письмо Рувиму Шапиро⁴, в котором сообщаю о разных неприятных для него вещах. Во всяком случае я отдохнул и полон бодрости и энтузиазма. Мой либреттист балета «Болт»⁵ прислал мне из Америки роскошную почтовую бумагу, которая ждет меня в Ленинграде. Прочел в «Известиях» о присуждении звания народных и засл. артистов ряду работников Александринского театра. Кроме того что-то такое присуждено бывшему исп. директора тов. Сокову (sic!)⁶. Подробно расскажи мне о вышеозначенном юбилее. Паша Марков прислал мне письмо, в котором пишет, что Петрова⁷ снимают и назначают вместо него нашего общего друга Ю. М. Юрьева⁸ (sic! — sic!). Жалко Николая Васильевича. Ну что ж. Ничто не вечно под луной. И свежая струя (вспоминаю «Жизнь искусства» эпохи снятия Юрьева и назначения Петрова) через некоторое время становится несвежей струей. И на мой взгляд Ник. Вас. может рассчитывать на скромный пост ведущего режиссера в ведущем театре Лаппа⁹. Прелюбопытна судьба этого театра. В какой стадии находится работа над комедией «Сапоги»¹⁰? А может быть вынырнет? То есть Петров, а не театр вынырнет. Театру Лаппа, полагаю, капут или каюк. Не слышно что-то о театре Лаппа¹¹. Последние дни здесь стоит холодная погода. Дуют. Мы с Ниной покрываемся на ночь всеми одеялами и всеми пальтишками. Кое-как согреваемся. В Киеве пробудем дней 5—6. Полагаю, что состоится моя встреча с укр. композиторами. Хотя приложу старания, и встреча,

надо полагать, не состоится. Мне не очень интересно встречаться с укр. композиторами.

Она у меня такая милая. Это я о жене. Пожалуй больше писать не о чем. Целую крепко. Нина жмет руку. Шлет привет.

Д. Шостакович.

¹ Американские горы — любимый Шостаковичем и Соллертинским аттракцион в парке им. Ленина у бывшего Народного дома на Петроградской стороне — сгорели дотла в конце лета 1932 г. Открылись после восстановления в мае 1934 г.

² Вероятно, речь идет о невыполнении Шостаковичем обязательства написать для Ленинградского ТРАМа музыку к спектаклю, о котором театр заявил в конце 1930 г.: «...трамбовская опера на текст В. Саянова. Музыка Д. Шостаковича. Тема оперы — роль комсомола в обороне страны. Дирижер Н. С. Двориков, худ. Ф. Кондратов. В связи с постановкой этой оперы в составе ТРАМа выделяется вокальная группа, готовящаяся к ее исполнению под руководством В. И. Павловской-Боровик и В. Ф. Туровской» (Рабочий и театр. 1930. № 70—72. С. 17). Спектакль несколько раз переносился, последний раз — на сезон 1931/32 г. (см.: Рабочий и театр. 1931. № 8—9. С. 30), но так поставлен и не был.

³ Перефразированное устное высказывание Л. Н. Толстого о Л. Н. Андрееве, распространенное в нескольких версиях. Наиболее верной считается: «Он пугает, а мне не страшно».

⁴ Шапиро Рувим Абрамович (1898—1937?), административно-театральный деятель. В 1928—1932 гг. директор БДТ, в 1933—1934 гг. — Малегота.

⁵ Имеется в виду В. Ф. Смирнов.

⁶ В газете «Известия» за 13 сентября 1932 г. (с. 4) была помещена заметка «Юбилей 6. Александринского театра», в которой говорилось о постановлении Президиума ВЦИК в связи со 100-летним юбилеем театра. Наряду с присвоением званий народных и заслуженных артистам Ленгосдрамы по представлению Наркомпроса Центральная комиссия по персональным пенсиям при Совнаркоме РСФСР назначила персональную пенсию в числе других и бывшему помощнику директора по административно-хозяйственной части А. О. Сокову.

⁷ Петров Николай Васильевич (1890—1964), режиссер. С 1910 г. режиссер Александринского театра в Петербурге, с 1928 г. директор и художественный руководитель этого театра (в то время — Академического театра драмы). С 1933 г. в Харьковском русском театре.

⁸ Юрьев Юрий Михайлович (1872–1948), драматический актер. Возглавлял Академический театр драмы (бывший Александринский) в 1922–1928 гг. Ожидавшееся возвращение его на тот же пост не состоялось.

⁹ Театр ЛАППа создавался по типу ТРАМов на основе самодеятельности. Его отличало то, что начинался он с провозглашения гигантских планов создания театра-вуза под эгидой ЛАППа. В журнале «Рабочий и театр» (1932. № 6. С. 6–7) было опубликовано обращение «Максим Горький — Театру ЛАППа». Весной 1932 г. при подведении итогов деятельности театра на заседании секретариата ЛАППа выяснилось, что привлечение профессионалов реальных результатов не дало. Были сформулированы задачи театра: «консолидация вокруг него пролетарской драматургии, установление связи с рабочей самодеятельностью, создание крепкого репертуара, завоевание попутнических кадров на основе конкретной продукции театра, создание методической базы и театра-вуза» (Театр ЛАППа: Дело чести организации // Рабочий и театр. 1932. № 12. С. 10).

¹⁰ Пьеса «Сапоги», автор которой ни разу не назван в прессе, видимо, была посвящена производственной тематике; неслучайно местом ее показа был объявлен Дом культуры кожевников. Обсуждение пьесы состоялось ни больше, ни меньше, как в ЛОГАЙСе. Премьера была назначена на 1 мая 1932 г. Неясно, состоялась ли она, и если да, то как прошла.

¹¹ ДДШ оказался прав в своем прогнозе судьбы Театра ЛАППа. В августе 1932 г. сообщалось: «В связи с ликвидацией ЛАППа рабочий театр ЛАППа перешел в ведение Облпрофсовета, переименовав название на Районный театр-школа им. М. Горького» (За 10 дней: Театр-школа им. Горького // Рабочий и театр. 1932. № 22. С. 15).

51

10 IV 1933. Свердловск

Дорогой Иван Иванович.

Вчера в 23 ч. 06 минут по московскому времени мы приехали в Свердловск. Местное свердловское время показывает 01 ч. 06 мин. Следовательно на 2 часа больше, нежели в Москве и в Л-де. Встретил нас администратор свердловского театра тов. Хесин¹. Автомобиль здесь еще не вытеснил телегу: театр [не] имеет в своем распоряжении ни Бьюика, ни Линкольна,

ни даже Форда, а просто клячу с вожакон Мишей. Поезд из Москвы не опоздал ни на одну минуту. Билет в международном вагоне 1-го класса стоит 140 руб. По-моему дешево (вспомни Красную стрелу). С вокзала прибыли в гостиницу Центральную. Клопов нет. Номер махонький, но все же 2 кровати есть. Клопов нет. Полотенец нет. Постельное белье чистое. Хотя верхняя простыня мала размерами. <...> Встретился я здесь с 1/2 квартета им. Глазунова, а именно с Печниковым и Рывкиным². Другую 1/2 еще не видел³. Они здесь концертируют. Во всяком случае встретиться с ними было приятно. Сегодня в театре видел, кроме директора тов. Ходеса⁴, дирижера Пазовского⁵. Завтра пойду смотреть премьеру критически освоенного «Царя Салтана»⁶. Постановка Лосского⁷. Посмотревши, опишу. Сегодня в 7 часов показываю «Леди Макбет». О моем приезде и о том, что 10-го в 7 часов вечера я «на пианино исполню текст оперы» сообщила местная газета «Уральский рабочий»⁸. Инструменты в гос. опере кошмарные: все клавиши без слоновой кости. Приходится играть на голых деревяшках. С точки зрения расширения кругозора путешествие в Свердловск безусловно дает много впечатлений. От многоэтажных, «американизированных» построек до миргородских луж и потрясающих по грязи мостовых и улиц — дистанция огромного размера. Но осмотр города я откладываю на завтра.

Юбилей Свердловского театра отложен на будущий сезон. Это очень приятно: не придется произносить трескучую речь. Люди же здесь очень милые и вежливые. В театре жалуются, что спектакль «Сказка о царе Салтане» длится 8 (sic!) часов на генеральной репетиции. К премьере надеются утрясти на один час. Скучно и утомительно, но придется все же прослушать завтрашнюю премьеру. Репертуар оперного театра обычный. От Ленинграда отличается лишь наличием «Четырех деспотов»⁹ и балета «Карманьола»¹⁰. «Пламя Парижа»¹¹ ставить не собираются. «У Парижской заставы»¹² тоже. В Москве я прочел

«Золотого тельца» Ильфа и Петрова¹³. Книжка безусловно талантливая. В поезде Москва — Свердловск прочел вторично и с большим удовольствием. Остап Бендер выглядит в «Золотом тельце» лучше, нежели в «12 стульях». Получил в подарок от авторши книжку «Очная ставка» Галины Серебряковой¹⁴. С ней и с ее уважаемым супругом Г. Я. Сокольниковым виделся в Москве. Кроме малоталанливой книжки получил в подарок превосходный гигиенический прибор: зубная щетка и щетка для ногтей в превосходной коробочке и великолепный английский клей. Все из Лондона, без обмана. Вот пока и все мои впечатления от поездки в Москву и Свердловск. Обратно поеду в Москву, где и рассчитываю получить от тебя письмишко. Пиши на адрес Паши Маркова (Москва, 66, Хомутовский тупик, д. 12, кв. 8, П. А. Маркову для меня). Он мне передаст.

Привет супруге¹⁵.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

Письмо на листе бумаги с грифом: «DIMITRI SHOSTAKOVITCH»

¹ Сведения не найдены.

² Печников Александр Давыдович (1890—1956), скрипач; в 1919—1933 гг. входил в состав Квартета им. Глазунова. Рывкин Александр Михайлович (1893—1951), альтист; один из организаторов и участник Квартета им. Глазунова.

³ Имеются в виду Лукашевский Илья Овсеевич (1892—1967), 1-я скрипка Квартета им. Глазунова, который он организовал и возглавил в 1919 г., а также Могилевский Давид Яковлевич (1893—?), виолончелист этого квартета.

⁴ Сведения не найдены.

⁵ Пазовский Арий Моисеевич (1887—1953) в 1929—1936 гг. возглавлял оперные театры в Баку, Свердловске, Харькове, Киеве, затем — ГАТОБ.

⁶ Опера Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

⁷ Лосский Владимир Аполлонович (1874—1946), певец (бас), режиссер. В 1920—1928 гг. главный режиссер, в 1934—1936 и 1943—1946 гг. режиссер ГАБТа. В 1933 г. главный режиссер Свердловского театра оперы и балета.

⁸ В газете «Уральский рабочий» в связи с приездом ДДШ было три публикации. 9 апреля сообщалось: «Завтра приезжает в Свердловск известный советский композитор Шостакович. 10 апреля в 7 часов вечера в Театре им. Луначарского состоится общественное прослушивание его последней оперы „Леди Макбет“. Музыкальный текст оперы исполнит сам композитор. „Леди Макбет“ включена в репертуарный план 33/34 года Свердловского оперного театра». 11 апреля в заметке А. К. «Дм. Дм. Шостакович в Свердловске» говорилось, что ДДШ «пробудет в Свердловске несколько дней. Намечается ряд встреч с рабочей общественностью». 12 апреля в заметке «Выступление Дм. Шостаковича» было написано: «Товарищи, принявшие участие в обсуждении оперы, отметили, что „Леди Макбет“ — спектакль большой художественной ценности. Этой оперой композитор открывает совершенно новый жанр в музыке. „Леди Макбет“ принята к постановке Свердловским оперным театром». Однако, судя по репертуару театра, опубликованному в газете «Уральский рабочий», намерение поставить оперу ДДШ в сезоне 1933/34 г. осуществлено не было.

⁹ Под названием «Четыре деспота» шла в Свердловском театре опера «Четыре грубияна» Э. Вольфа-Феррари по комедии К. Гольдони (либретто Дж. Пиццолато).

¹⁰ Балет В. А. Фемилиди на сюжет из эпохи Французской революции 1789 г., сценарий П. В. Кривень. В Свердловске поставлен С. Н. Сергеевым в 1932 г.

¹¹ Балет Б. В. Асафьева, сценарий В. В. Дмитриева и Н. Д. Волкова по мотивам хроники Ф. Гра «Марсельцы». Премьера в ГАТОБе 7 ноября 1932 г. Балетмейстер В. И. Вайнонен, режиссер С. Э. Радлов, художник В. В. Дмитриев, дирижер В. А. Дранишников.

¹² «У Парижской заставы» — под таким названием шла в 1933 г. в ГАТОБе опера Л. Керубини «Два дня», более известная под названием «Водовоз». Новый текст М. А. Кузмина переносил действие из эпохи Фронды в эпоху Директории. Художественным руководителем спектакля молодежи труппы был С. Э. Радлов (постановщик — дебютант Ю. Н. Харламов, художник — дебютант Н. Н. Никифоров, балетмейстер Р. Б. Захаров). Соллертинский написал на этот спектакль рецензию «На подступах к оперному наследию XVIII века. „У Парижской заставы“ („Водовоз“)» (Рабочий и театр. 1933. № 10. С. 4–5).

¹³ Ильф (наст. фам. Файнзильберг) Илья Арнольдович (1897–1937), писатель. Петров (наст. фам. Катаев) Евгений Петрович (1902–1942), писатель.

¹⁴ Серебрякова Галина Иосифовна (1905–1980), писательница.

¹⁵ «Привет супруге» — обязательный для ДДШ жест вежливости, который дает знать, что Соллертинский женился. Произошло это в феврале 1933 г. Второй женой Соллертинского стала Ренэ (Ирина) Францевна Габар, согласно сведениям из справочника «Весь Ленинград на 1927 год» — музыкант; в программах Ленинградского мюзик-холла за 22 марта — 20 апреля 1931 г. фамилия Габар упоминается в числе танцовщиц, исполнявших хореографический скетч «Женщины трех эпох».

52

13 IV 1933. Свердловск

Дорогой Иван Иванович.

Трехдневное пребывание в Свердловске дало уже достаточно много впечатлений. Наиболее яркое это премьера «Сказки о царе Салтане». Роскошь неопишуемая. Кутерьма на сцене невообразимая. Но все это искупается действительно превосходным дирижером А. М. Пазовским. Это великолепный дирижер, и ужасно обидно, что он влечет свои дни в Свердловске. Ему место в Ленинграде или в Москве. Такой тончайшей отделки, такого замечательного владения оркестром я давно не слышал. Он единственное светлое пятно на темном свердловском фоне. 10-го вечером я показывал «Леди Макбет». Приняли ее руководящие работники очень хорошо. Другой раз я показывал отрывки оркестрантам. Тоже хорошо приняли. Попутно высказывались такого рода ценные соображения, изложенные в форме вопросов:

1) скажите, маэстро, если мужчина и женщина лежат в одной кровати, то не кажется ли Вам, что это неприлично?

2) В наше героическое время стоит ли писать оперу, где все время происходит половой акт?

3) и прочие перлы пустых оркестрантских голов.

На все эти вопросы отвечал Пазовский и отвечал умно. В конце заверили меня, что постараются выучить эту оперу хорошо.

Провинция и бескультурье здесь ужасающие. Ростов-на-Дону по сравнению со Свердловском это Ленинград по сравнению с Говносрачском. Много, много тут придется поработать культработникам. Много строят. Масса новых многоэтажных домов. Некультурность местных оркестрантов меня поразила. По сравнению со всеми свердловскими оркестрантами сам Сергеев 14-й¹ Спиноза. Несмотря на мой «сатирический ум», я всегда раздражаюсь от этого мозгового хамства (см. вышеприведенные вопросы оркестрантов). Суетни много, но скучно, хочется скорее в Москву или в Ленинград. С упоением мечтаю о том, что завтра ночью сяду в поезд и через 50 часов буду в Москве. Жизнь здесь стоит дешево по сравнению с Москвой и Ленинградом. Шницель по-венски стоит 6 руб. В Национале — 12—15 руб. Есть хороший цех, куда мы ходим обедать и ужинать. Прекрасные люди² директор театра т. Ходес, его зам. тов. Задорский³, зав. лит. частью (местный Пиотровский Мих. театра⁴) тов. Александр Яковлевич (фамилия его утрачена)⁵, композиторы Фролов⁶ и Трамбицкий⁷. Композиторы хотят в Ленинград, но по-видимому для переезда тонка кишка. Может быть сегодня я буду в местном оргкомитете Свердловского союза композиторов. Там обещали мне показать свердловскую творческую продукцию. «Царя Салтана» ставил <...> Лосский, бывший режиссер Большого театра, уволенный оттуда <...>. Сейчас собираюсь идти обедать. Перед обедом выпью рюмку очищенной за твое здоровье, причем Нита⁸ мне составит компанию, т. к. после разрешения д-ра Бадмаева⁹ она пьет как лошадь.

Пока все. Пиши в Москву на адрес Паши Маркова¹⁰. Он передаст. Целую.

Д. Шостакович

Р. S. Нина целует. Д. Ш.

Р. S. Р. S. Ирину Францевну целуем. Ш.

Кланяйся А. В. Гаук, А. А. Ашкенази¹¹ и В. Е. Иохельсон¹².

Письмо на листе бумаги с грифом: «DIMITRI SHOSTAKOVITCH».

¹ С дореволюционных времен номерами обозначали артистов-однофамильцев. Видимо, «Сергеев 14-й» — это гротеск ДДШ. Возможно, что на выбор именно этой фамилии повлияло имя известного солиста балета ГАТОБа К. М. Сергеева.

² «Прекрасные люди» — ДДШ всегда применяет эту формулу как цитату из Гоголя.

³ Сведения не найдены.

⁴ А. И. Пиотровский параллельно с художественным руководством ленинградской фабрики «Совкино» заведовал в 1932–1936 гг. литературно-репертуарной частью Малегота, своим авторитетом и энергией оживляя репертуарную политику театра. Михайловский театр — дореволюционное название Малегота, которое долгое время бытовало и позднее.

⁵ Неустановленное лицо.

⁶ Фролов Маркиан Петрович (1892–1944).

⁷ Трамбицкий Виктор Николаевич (1895–1970).

⁸ Нита — жена ДДШ Нина Васильевна.

⁹ Бадмаев Николай Николаевич (1879–1939), врач, специалист по тибетской медицине. В начале 1930-х гг. был одним из инициаторов создания отдела восточной медицины при Ленинградском институте экспериментальной медицины (см. также коммент. 3 к п. 66). Занимался частной практикой, его пациентами были Ворошилов, Тухачевский, Блюхер, Молотов, Горький и др. Был репрессирован.

¹⁰ В письме к матери от того же числа (№ 16827/32) ДДШ сообщает, что они с женой намечают прибыть в Москву из Свердловска 17 апреля.

¹¹ Ашкенази Абрам Абрамович (1895–1983), композитор, музыкально-общественный деятель.

¹² Иохельсон Владимир Ефимович (1904–1941), в 1929–1932 гг. ответственный секретарь ЛАПМа, в 1934–1937 гг. ответственный секретарь ЛССК.

20 IV 1933. Москва

Дорогой Иван Иванович. С удовольствием прочел твое письмо. Рад, что все закончилось у тебя благополучно и огорчен, что

помер Вильбушевич¹. Этот мужчина был для всех примером. Это был образец музыканта-общественника. Когда я сообщил московским друзьям эту печальную новость, то все здесь говорили: как же, как же, он всегда на всех общих собраниях бывал. Слава о его общественной жилке докатилась до Москвы.

Без всякого удовольствия слушал вчера Ансерме². Программа из скучнейших сочинений Стравинского³. С удовольствием слушал 1-й акт «Леди Макбет» с оркестром и певцами⁴. Приеду 26. Целую. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Вильбушевич Евгений Борисович (1874–1933), пианист, композитор.

² Ансерме Эрнест (1883–1969), швейцарский дирижер.

³ В программе концерта 19 апреля в Москве в Большом зале консерватории, на котором присутствовал ДДШ, были исполнены следующие произведения И. Ф. Стравинского: «Фейерверк», Сюита из балета «Жар-птица», Сюита № 2 для малого состава оркестра и Сюита из балета «Петрушка».

⁴ Речь идет о репетициях в Государственном Музыкальном театре им. В. И. Немировича-Данченко. Премьера оперы (под названием «Катерина Измайлова») состоялась 24 января 1934 г. Постановка под руководством В. И. Немировича-Данченко, главный режиссер Б. А. Мордвинов, художник В. В. Дмитриев, дирижер Г. А. Столяров.

54

22 IV 1933. Москва

Дорогой Иван Иванович. Пишу тебе с благодарностью за полученное письмо, переданное мне А. В. Гаук. Приезд в Ленинград 25 IV вместе с вышеозначенным А. В. Гаук. Время в Москве провел славно. Скучаю лишь по супруге, т. к. за по-

следнее время я очень привык к дамскому обществу¹. Сегодня иду обедать к С. М. Радомскому². Вечером встречаюсь с братьями-писателями. Завтра концерт, послезавтра тоже и выезд в Ленинград. Соскучился я по тебе зверски. Освободи часок-другой 25-го числа дабы встретиться и потолковать. Означенная открытка, в числе 19 таких же подарена мне супругой б. полпреда в Лондоне³. Прекрасные открытки. Побольше бы таких. И так до свидания.

Крепко целую тебя и твою супругу. Д. Шостакович.

Письмо на очень плотной почтовой карточке голубого цвета, несколько меньшего, чем у стандартных советских карточек, формата.

¹ Приехав в Москву из Свердловска 17 апреля, ДДШ на другой день проводил Нину Васильевну в Крым (письмо к матери от 13 апреля 1933 г., № 16827/32).

² С. М. Радомский — возможно, Радамский Сергей, певец (тенор).

³ Имеется в виду Г. И. Серебрякова, жена Г. Я. Сокольникова.

55

26 [VIII] 1933. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

У меня к тебе просьба: узнай пожалуйста в Михайловском театре, получен или не получен 1-й акт «Леди Макбет». И в том и в другом случае напиши мне по адресу Крым. Кореиз. Санатория КСУ «Гаспра». Если ноты не получены, то протелеграфируй мне. Целую тебя крепко. Д. Ш.

Р. S. Доехали вполне благополучно.

Письмо на почтовой карточке.

27 VIII 1933. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Прожил я здесь уже больше 24-х часов. Здесь много ученых. Среди них проф. Ущемихин и приват-доцент Прицдемихин¹. Против моего окна кошка гоняется за цыплятами. Трех уже съела, чему я ей сильно позавидовал, т. к. санаторный стол не обременяет желудка. Пища состоит из форшмака из селедки, паштета из селедки, кабачков, нафаршированных перцем, и перца, нафаршированного кабачками. Кроме того много баклажанной икры. За обедом была курица. Та самая, которую хотел видеть в супе один из вел. умов не нашего времени². Правда не курица, а лишь полчлена курицы (полкрыла, полножки, полстегнышка и т. п.). Пьют здесь чай. Морда у меня форменное бордо. На нервной почве. Тут и вертись: нервничаю из-за того, что морда форменное бордо, а морда форменное бордо из-за того, что нервничаю. Своего рода квадратура круга. Ночью клопы. Меня не кусают, а жену кусают. Мне плевать, а она делает вид, что плевать, т. к. инициатива поездки принадлежит ей и поэтому ей приходится делать хорошую мину при плохой игре. Дуют. Холодно.

Крепко целую. Твой Д. Шостакович.

Р. S. Узнай в Мих. театре, получен ли 1-й акт «Л. Макбет».

Письмо на почтовой карточке.

¹ Имеются в виду Н. Э. Радлов и М. М. Зощенко: в 1920-х — начале 1930-х гг. они вели под именем профессоров Ущемихина и Прицдемихина юмористическую рубрику «Научно-техническая консультация „Прогресс“» в журналах «Бегемот», «Пушка», «Ревизор» и др. Это была серия словесно-рисуночных пародий на доморощенных изобретателей. Радлов Николай Эрнестович (1889–1942), живописец, график, карикатурист, художественный критик.

² Согласно легенде, французский король Генрих IV сказал герцогу Савойскому: «Если Бог продлит мне жизнь, я добьюсь того, чтобы в моем

королевстве не осталось ни одного крестьянина, который не был бы в состоянии иметь курицу в своем горшке». Эта фраза стала крылатой и встречается в русской литературе в разных вариантах. Например: «Я желал бы, чтобы каждый французский крестьянин мог по праздникам иметь в супе курицу...» (Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М., 1966. С. 349; Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». Л., 1990. С. 181). «Курица в супе» фигурирует, в частности, у М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Дворянской хандре» и «Помпадурах и помпадуришах».

57

1 IX 1933. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Чудная тут погода стоит, совсем даже на погоду не похожа. Дуют. Лют. Морда у меня форменное бордо. Вспомни Липатова и его функционально¹. Так вот у меня точь-в-точь такая же физиономия. Напиши мне пожалуйста, получен ли клавир 1-го акта «Леди Макбет» в Михайловском театре. Не в службу, а в дружбу. Позвони Самосуду и спроси его. И в том и в другом случае напиши мне. Если не получен, то разорись на телеграмму такого свойства: Коренз, санатория КСУ Гаспра Шостаковичу не получены. Всего-навсего 7 слов. Дешево и сердито. Я здесь очень скучаю. Во-первых Нита уже пять дней лежит в постели с повышенной температурой, во-вторых расцветка моего симпатичного, более или менее благообразного лица повергает меня в уныние. В-третьих твое отсутствие, в-четвертых Половинкиных² присутствие. Здесь много ученых обоего пола. Среди них живет двадцатитрехлетняя красавица Нина Васильевна Хорошко³. Она очень хороша собой и воспитывалась не на каких-нибудь салонных мазурках Шопена, а на «Ну и <нрзб.>». Напр. разговор на теннисной площадке:

Партнер: А вот эту партию вы нам проиграете.

Хорошко: А это видели (подносит к лицу партнера кукиш).

Или:

Чего это вы тут колбаситесь? Идите к черту.

И все это произносится очень миленькой, хорошенькой де-
вушкой-целочкой (?!). Как поживает Гаук? Продолжает ли он
делать хорошую мину при плохой игре? При моем свидании он
все время благодарил Иохельсона за то, что последний «нако-
нец-то выполнил мою просьбу и при помощи соска⁴ освободил
меня от должности худрука филармонии». Пиши мне побольше.
Как идет чистка⁵? Чистился ли Гисин, Рохлин⁶, Шапиро?
Пиши скорее. Жду письма с нетерпением.

Кланяйся Ирине Францевне. Крепко целую.

Д. Шостакович.

Р. S. Тебе кланяются профессор Прищемихин и приват-до-
цент Ущемихин.

¹ Не удалось установить, что имеется в виду.

² Видимо, семья Половинкина Леонида Алексеевича (1894—1949),
композитора.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Видимо, имеется в виду помощь Союза композиторов (ССК).

⁵ В 1932—1933 гг. во всех учреждениях проводились собрания-«чистки»,
на которых каждый сотрудник должен был рассказать свою биографию,
ответить на вопросы о социальном происхождении, о родственниках, о при-
частности к партиям эсеров, меньшевиков и т. д. Имевших отношение к дво-
рянскому или духовному сословию нередко «вычищали» — могли уволить,
исключить из творческого союза и даже выселить из города.

⁶ Рохлин Н. Я., с 1930 г. управляющий Государственным народным
домом.

9 IX 1933. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Сегодня я получил твое письмо. Как всегда, все исходящее
из-под твоего пера, прочел с удовольствием. К сожалению ты

не пишешь ничего о 1-м акте «Леди Макбет». При случае узнай, получен ли он, и если да, то напиши, если не получен, то тоже напиши. Живем мы здесь недурно. Последние дни стали великолепно кормить. Кормят так много (и сравнительно вкусно), что я часто не могу доестъ причитающийся мне пищевой продукт. Появился виноград. Стоит 6 руб. кило. В Москве стоит 4 р. 20 к. В Ленинграде, наверное, столько же. От нечего делать научился довольно пристойно играть в бильярд. Загоняю шары в лузы довольно метко. Случай, описанный «собственным корреспондентом» (вспомни «Современную идиллию» Салтыкова-Щедрина) не вполне соответствует действительности¹. По приезде в Л-д расскажу об этом эпизоде.

Нина несколько дней проходила, но сейчас снова слегла. Здоровье ее плохо. Солнце, воздух и вода не помогают. Хочу полечить ее мочой беременных женщин («Гравидан»²). Говорят, что получают иной раз поразительные результаты. Сочинил здесь несколько номеров к «Попу»³. Цехановский⁴ требует срочного и аккуратного исполнения договора. Жалею, что не был и не бываю на партийной чистке ленинградских работников изящных искусств. Очень мне понравилось постоянство художника Плешакова⁵. Не организовал ли он вторично выставки в коридоре дирекции актеатров на тему «Художники работающие в гостеатрах и художник, не работающий в оных». По-видимому мальчик до сих пор не потерял надежды сделать карьеру. Добивается он этого энергично, но ничего пока что не выходит.

Настроение у меня не особенно бодрое. Впрочем здоровье прекрасно. Рыло поправилось и по-прежнему имеет довольно чистый вид. По случаю рыла сделали мне анализ крови. Результат превосходный: 88% гемоглобина, 5 000 000 чего-то другого, что означает необыкновенно хороший состав.

Кланяйся супруге. Пиши побольше. Что в филармонии? Что Сашетка Гаук?

Крепко целую.

Д. Шостакович.

¹ Аллюзия на разницу между реальным ходом празднества по случаю бракосочетания одного из персонажей «Современной идиллии», адвоката Балалайкина, с Фаиной Егоровной Стёгнушкиной и официозно-помпезным его освещением в газете «Краса Демидрона» — в отчете «нашего собственного корреспондента». О каком именно случае идет речь в письме, установить не удалось.

² Гравидан — специфический гормональный препарат, открытый в 1929 г.

³ Речь идет о музыке ДДШ к мультипликационному фильму «Сказка о попе и работнике его Балде» (режиссер М. М. Цехановский). Фильм на экраны не вышел. Автограф партитуры (5 номеров) хранится в ГЦММК в Москве.

⁴ Цехановский Михаил Михайлович (1889—1965), кинорежиссер, художник-график.

⁵ Плешаков Владимир Сергеевич (1891—?), театральный художник. Окончил Академию художеств. С 1910 г. работал в театрах. Оформлял главным образом балетные спектакли в 1920—1930-х гг. в театрах Ленинграда.

59

16 IX 1933. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Редко, редко ты балуешь меня своими письмами. Живу я скучно, однообразно, и поэтому не грех было бы писать мне почаще. Сегодня в санаторий «Нюру» приехал композитор В. В. Пушкив¹. Последний сообщил мне о судьбе Геркена² и прочих его единомышленников. Кроме того сообщил мне о возвращении из отпуска А. А. Ашкенази. От него (Пушкива) подуло свежим ленинградским воздухом.

Со вчерашнего дня и посейчас бушует страшной силы ураган с вырыванием деревьев, срыванием крыш с домов (правда, крыш весьма хилых и деревьев весьма и весьма тощих: правильное сказать растущих прутьев). Это страх как интересно. По улице ходить трудно, но я хожу и наслаждаюсь борьбой с разбушевавшейся стихией. Сегодня уехал в Москву Л. А. Поло-

винкин. Сочинил он здесь сюиту для рояля. Показывал вчера мне. Недурно. На душе скучно. Хочется скорее в Ленинград. Был недавно в Симеизской обсерватории. Смотрел звезды и понял всю бренность моего существования при виде величественного зрелища Сатурна с кольцом, Юпитера с 9-ю лунами и пр.

«Открылась бездна звезд полна
Звездам числа нет, бездне дна»³.

Сильно действующая картина. Рекомендую тебе при случае побывать в Пулковской обсерватории и насладиться вышеописанным зрелищем.

Пиши мне. Я еще долго пробуду здесь.

Крепко тебя целую.

Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

Р. S. Получен ли 1-й акт «Леди» в Малеготе.

¹ Пушкин Венидикт Венидиктович (1896—1971).

² Геркен Евгений Георгиевич (Юрьевич) (1886—1962), драматург, переводчик, либреттист оперетты. Правнук поэта Е. А. Баратынского по материнской линии. В 1932—1954 гг. подвергался репрессиям.

³ Строки из стихотворения М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого Северного сияния».

60

26 IX 1933. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Получил сегодня от тебя письмо от 21 IX. Я должен был выехать отсюда сегодня, но из-за Нининой болезни задержался до 30-го. 2-го я буду в Москве, 4-го или 5-го в Ленинграде. Если Штидри¹ придет раньше меня, то передай ему от меня привет и большое удовлетворение от мысли, что я буду с ним играть концерт². И желательно, чтобы ему концерт понравился

и он бы сопровождал меня если не с удовольствием, то во всяком случае без отращения.

Если бы не Нинино нездоровье, то пребывание в Гаспре можно считать удавшимся. Во-первых я довольно пристойно выучился играть на бильярде и во-вторых тоже очень хорошо. Я очень рад, что ты «сработался» с Оссовским³ и что В. М. Парфенов⁴ будет директором по фин.-хоз. части филармонии. Ему также передай мой привет. Нина сейчас лежит и просит передать тебе и Ирине Францевне привет. Здесь я ничего не сочинил, кроме нескольких номеров для «Попа и балды». Сильно без тебя соскучился. Потрясен гауковскими штучками⁵. Крепко тебя целую.
Д. Шостакович.

¹ Штидри Фриц (1883–1968), австрийский дирижер. В 1920–1930-е гг. неоднократно гастролировал в СССР. В 1933–1937 гг. главный дирижер и музыкальный руководитель ЛГФ.

² С оркестром ЛГФ под управлением Штидри ДДШ 15 октября 1933 г. впервые исполнил свой Первый фортепианный концерт, до минор, соч. 35 (1933).

³ Оссовский Александр Вячеславович (1871–1957), музыковед, профессор Петербургской (Ленинградской) консерватории. В сентябре 1933 г. стал директором художественной части ЛГФ.

⁴ Парфенов Василий Михайлович, административно-театральный работник. В 1927 г. заведующий зданием Малегота; в 1931 г. снят с должности управляющего Малегота (после «чистки» аппарата Управления Гостеатров комиссией Областной РКИ) «с переброской на производство» (Рабис. 1931. № 3. 31 янв. С. 22).

⁵ Что имеется в виду, установить не удалось.

61

16 XI 1933. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Только сейчас собрался написать тебе. Все время был занят с утра и до ночи. Утром репетиции «Леди Макбет»¹, днем

и вечером корректирую Музгизовскую корректуру ее же. 14-го числа в «Советском искусстве» выступали Брик и Желобинский². Брик произнес вступительное слово и прочитал несколько отрывков из оперы «Комаринский мужик». Желоб. сыграл на рояле несколько фрагментов. После чего все хвалили без стеснения. Я тоже выступил³ и ругнул Брика, сделавши при этом «нечеткую формулировку». Брик воспользовался этим и в заключительном слове «разоблачил» меня. При этом довольно демагогически. Возвращался я домой в настроении доапрельской эпохи⁴. Но моментально зажило. Видел я здесь Шебалина, Атовмьяна, Оборина. Слушал концерт польской музыки⁵. Не понравилось. В общем живу бурно. Устаю, но при этом сохраняю некоторую бодрость духа. Крепко тебя целую. Пиши: Националь № 233. Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Речь идет о репетициях в Музыкальном театре им. Немировича-Данченко.

² Брик Осип Максимович (1888–1945), писатель, литературовед. Желобинский Валерий Викторович (1913–1946), композитор. 14 ноября 1933 г. редакция газеты «Советское искусство» в помещении Журнально-газетного объединения (Страстной бульвар, 11) устроила прослушивание и обсуждение новой оперы Желобинского «Комаринский мужик» на либретто Брика.

³ В газете «Советское искусство» были приведены следующие слова из выступления ДДШ: «Опера <...> явилась своеобразной реализацией постановления ЦК партии от 23 апреля, ибо в результате этого постановления молодому композитору Желобинскому были созданы в Ленинграде прекрасные условия для творчества». Далее автор заметки писал: «Касаясь текста оперы, т. Шостакович отмечает, что он не только хорошо читается, но и хорошо поется. И т. Шостакович утверждает, что либретто „Комаринского мужика“ создает стиль советского оперного искусства, что О. М. Брика можно считать родоначальником советского оперного либретто. Однако опере свойственен недостаток, что судьба ее героев недостаточно волнует зрителя, в опере не ухвачено драматическое зерно. Отмечая „некоторую вязкость музыкальной мысли“, Д. Шостакович указывает, что

Желобинский, работая над оперой, ощутило творчески рос, пользуясь чрезвычайно дружелюбной товарищеской помощью со стороны Ленинградского Малого оперного театра, принимавшего непосредственное участие в создании оперы» (Дека. Новая советская опера: На прослушивании «Комаринского мужика» в редакции «Советского искусства» // Сов. искусство. 1933. № 53. 20 нояб. С. 1).

⁴ Видимо, ДДШ имеет в виду вышедшее 23 апреля 1932 г. постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», которым ликвидировались все ранее существовавшие художественные группировки и сообщества, причем деятели каждого вида искусства объединялись в один творческий союз. Одним из результатов постановления явилась ликвидация РАПМа, деятели которого постоянно нападали на ДДШ.

⁵ Об этом концерте ДДШ писал в своей рецензии: «Концерт для струнного оркестра Ю. Фительберга произвел на меня очень хорошее впечатление. Наиболее удачной мне показалась первая его часть. Ю. Фительберг превосходно умеет извлекать самые неожиданные и яркие краски из такого, казалось бы, скромного состава оркестра. Музыка очень динамична и талантлива. Великолепная исполнительница — певица — Ева Бандровска-Турска. Красота ее голоса, при яркой музыкальности и выразительности, делает ее исполнение буквально шедевром вокального искусства. С музыкой Кароля Шимановского я знаком давно. Это очень своеобразный композитор, превосходно владеющий оркестровой палитрой. Его миниатюры гораздо удачнее крупных произведений, и вообще лирика, мечтательность, созерцательность ближе его таланту, нежели активность, героика, большие проблемы. Концерт Тадеуша Кассерна явился, по-моему, самым неудачным номером вечера. Композитор явно еще не нашел своего музыкального языка. Его музыка при наличии хорошей техники все же невыразительна. Польский танец Романа Палестера является очаровательной безделушкой, но не больше. Общее впечатление от концерта польской музыки самое благоприятное. Очень высок уровень композиторской техники и блестяще владение оркестром. Программа была исполнена с большим темпераментом талантливейшим Г. Фительбергом. Но как бы ни оценивать отдельные произведения прослушанной программы, для меня самым радостным и значительным в этом вечере было приобщение к музыке соседнего нам народа, обладающей своим своеобразным стилем и представляющей для музыканта чрезвычайно большой интерес» ([Д. Д. Шостакович о концерте польской музыки в Филармонии] // Сов. искусство. 1933. № 52. 14 нояб. С. 4).

6 IV 1934. Иваново¹

Дорогой Иван Иванович.

Вот уже несколько дней мы живем в Иваново. Живем хорошо. Много гуляем. Здесь чудный воздух и прекрасная погода. Иваново это большая деревня со всеми деревенскими прелестями. Есть лес, куда мы ходим гулять и где очень приятно посидеть на каком-нибудь пенечке и слушать как лес шумит и пробуждается природа от зимней спячки. Здесь снег еще не стоял. Грязь поэтому страшная на улицах.

Встретил я здесь нашего общего друга Школьников². Его жена 6 недель тому назад родила и такой пребойкий мальчишка: будет как отец дирижером³. Завтра он (Школьников) устраивает мою встречу с Ивановскими музыкантами. О банкетце не может быть и речи. Но чарка и бутерброд с селедкой обеспечены. В Москве я видел Атовмьяна. Его скушали. В Союзе он продолжает работать⁴, но при словах Челяпов⁵, Городинский⁶, Ганковский⁷, глаза его приобретают недовольное выражение и он начинает «нервничать». Его безоблачное настроение пропало и он хочет уходить. «Подыскиваю себе теплое место и уже кажется буду консультантом по устройству выставок в фойе при Бюро обслуживания рабочего зрителя в театре П. Р. З. А. Р. Н. Симонova»⁸. Чистку он прошел блестяще. Все обвинения в оппортунизме на муз. фронте сняты. Печать поставлена, марка наклеена. И все-таки Книппер, Кабалевский и Ко⁹ скушали его. Он очень убит этим обстоятельством.

Кланяйся Ирине Францевне.

Обязательно пиши мне по адресу Иваново, ГПУ. В. Р. Домбровскому¹⁰ для меня.

Моя жена и Домбровские шлют тебе привет.

Д. Шостакович.

¹ Иваново — город, центр Ивановской области РСФСР (до 1932 г. — Иваново-Вознесенск).

² Школьников Михаил Юльевич (1897—1966), дирижер. Работал в Иваново, Воронеже, Саратове. По сведениям Татьяны Михайловны Школьниковой, дочери дирижера, в Саратове благодаря хлопотам ДДШ их семье, жившей почти 20 лет в одной комнате коммуналки, была предоставлена квартира.

³ Перефразированная реплика Добчинского из «Ревизора»: «...у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир» (д. I, явл. 3).

⁴ Имеется в виду Союз композиторов.

⁵ Челяпов Николай Иванович (1889—1941), в 1932—1936 гг. председатель Московского отделения ССК.

⁶ Городинский Виктор Маркович (1902—1959), музыковед, критик, музыкально-общественный деятель. В 1929—1936 гг. член ЦК Рабиса, в 1935—1937 гг. помощник заведующего, а затем заведующий сектором культпросветотдела ЦК ВКП(б).

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ «Театр П. Р. З. А. Р. Н. Симонова» расшифровывается как «театр под руководством заслуженного артиста Республики Р. Н. Симонова». Симонов Рубен Николаевич (1899—1968), актер и режиссер. С 1924 г. режиссер (с 1939 г. главный режиссер) Театра им. Вахтангова. В 1928—1937 гг. руководил также театром-студией, входившей в систему передвижных театров Управления московскими зрелищными предприятиями, рассчитанных на рабочего зрителя.

⁹ В 1930—1940-х гг. Л. К. Книппер был заместителем председателя Союза композиторов СССР, руководил его различными секциями и комиссиями. Д. Б. Кабалевский в те годы не занимал официальных постов, но уже проявлял активность в проведении партийной линии в музыке.

¹⁰ Домбровский Вячеслав Ромуальдович (1895—1937), сотрудник ГПУ, НКВД высокого ранга. Скрипач-любитель. Муж Домбровской Генриетты Давыдовны (1903—1961), литературного редактора, дружившей с семьей ДДШ с начала 1930-х гг. В 1937 г. Домбровский был расстрелян, в 1950 г. реабилитирован.

10 IV 1934. Иваново

Дорогой Иван Иванович.

Послезавтра я покидаю прекрасный город Иваново и прекрасных супругов Домбровских. Время я здесь проводил однообразно, но не скучно. Последние дни мы с Ниной ходили каждый день в цирк. Здесь сейчас происходит французская борьба. Каждый день борются 3 разных пары. Начинают они бороться в 10.30 вечера. Увлекательное зрелище. Во мне при этом зрелище пробуждается римлянин и я чувствую настоящий азарт при встрече Александра Циклопа (тяжелый вес)¹ с любимцем публики Хаджи-Муратом². Публика необыкновенно активно ведет себя во время борьбы. Свистит, ругается, рукоплещет и т. п. Особенно неистовствует дамский пол. Оно и понятно. Сколько мне помнится, женщины всегда чувствовали слабость к борцам. Кроме этого развлечения ходим в лес. Погода дивная. Солнце, снег тает. С шумом бегут ручейки, дуют зephyры, стоят пригорки. В этом отношении я вполне согласен с И. А. Хлестковым, который тоже с большой похвалой отзывался о природе. Много читаю. У В. Р. масса книг. Вне всяких сомнений чтение книг дает нам бездну пищи для ума и сердца³.

Послезавтра еду. Вчера звонил Атовмьяну по телефону. Просил его забронировать билеты на 14 IV. 13-го буду смотреть «Человеческую комедию» Бальзака — Сухотина в театре им. Вахтангова⁴. Там и моя творческая способность мало-мало проявила себя. Атовмьян на мой вопрос, как его дела, ответил: «Великолепно. Когда увидимся, расскажу подробно». Это меня немного порадовало. Я очень люблю Левона Тадевосовича и очень меня огорчают его неудачи последних дней⁵. От тебя я письма не получил и признаться не рассчитываю получить, т. к. оно уже наверное меня не застанет, если ты даже и написал его в ответ на мое предыдущее. Итак 15-го я буду в Ленинграде.

Не загружай особенно этот день и приходи ко мне отобедать чем бог послал.

Крепко тебя целую.

Привет Ирине Францевне.

Нина кланяется. Домбровские тоже.

Д. Шостакович.

¹ Сведения не найдены.

² Сведения не найдены.

³ Перефразированные слова Онегина из диалога с Татьяной в 1-й к. оперы Чайковского: «Правда, дает нам чтение бездну пищи для ума и сердца...», которые пародируются в сцене Сергея с Катериной из 3-й к. «Леди Макбет Мценского уезда»: «Книги иногда дают нам бездну пищи для ума и сердца».

⁴ Речь идет о спектакле по роману О. де Бальзака с музыкой ДДШ в Театре им. Вахтангова. Инсценировка П. С. Сухотина, режиссеры А. Д. Козловский и Б. В. Щукин, художник И. М. Рабинович. Премьера 1 апреля 1934 г.

⁵ Месяц спустя в письме к матери (№ 16827/44) ДДШ рассказывал о проблемах Л. Т. Атовмьяна, который «с позором» выгнан из Союза советских композиторов. Против него возбуждено уголовное преследование «за якобы не совсем правильные денежные дела». ДДШ был убежден в невиновности друга, который стал «первой жертвой склоки разных комитетов и Ко».

64

18 V 1934. Ленинград

Дорогой Иван Иванович. Очень прошу тебя принять Василия Петровича Дмитриева¹, педагога школы, в которой я состою музыкальным шефом². Он имеет к тебе ряд важных дел, и я очень прошу помочь ему в разрешении этих дел. Дело касается юбилейного концерта Палладия Андреевича Богданова³. В. П. Дмитриев говорит, что организация этого концерта цели-

ком зависит от тебя⁴. П. А. Богданов бывший до Климова⁵ гл. дирижер капеллы. Прослужил там 35 лет.

Д. Шостакович.

Рекомендательное письмо передано Соллертинскому непосредственно в руки в конверте без марки. После адреса значится: «Вход с Лиговского переулка, тел. 4-58-91».

¹ Неустановленное лицо.

² Не удалось установить, в какой школе ДДШ состоял «музыкальным шефом».

³ Богданов Палладий Андреевич (1881—1971), композитор, хоровой дирижер. В 1934 г. организовал при Ленинградской академической капелле детскую хоровую школу.

⁴ Видимо, от Соллертинского организация концерта зависела потому, что проводить его предполагалось в филармонии.

⁵ Климов Михаил Георгиевич (1881—1937), хормейстер. В 1913—1937 гг. главный дирижер Придворной (в советские годы Ленинградской академической) капеллы.

65

29 VI 1934. Новороссийск¹

Дорогой Иван Иванович.

Прости, что я ничего тебе не пишу. По правде сказать нахожусь в некотором смятении чувств и поэтому в голове нет никаких мыслей, кроме... в общем ты, вероятно, сам догадываешься². Еду я на теплоходе «Армения». 25 VI выехал на «Абхазии», но в Потти испортилась машина и пассажиров через 30 часов посадили на встречную «Армению», отвезли в Батум и 27 VI отправили по назначению. Все это отняло двое суток времени и сильно потрепало нервы³. Только сейчас начинаю очухиваться. Как дела в Ленинграде. Сезон уже поди закончился и в Малеготе проведены самокритические собрания. Публика на теплоходе

симпатичная, но скучная. Развлечений никаких, кроме выхода на палубу и обратно в каюту. Привет супруге.

Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ В Новороссийске ДДШ очутился проездом, направляясь морем из Батуми в Ялту. В Батуми он прибыл поездом из Баку, где 17, 18 и 21 июня выступал с оркестром МГФ и играл свой Первый фортепианный концерт.

² Можно предположить, что настроение ДДШ определялось в тот момент перипетиями отношений с Е. Е. Константиновской, судя по опубликованным его письмам к ней (см.: Хентова С. Удивительный Шостакович. СПб., 1993. С. 116—130). Константиновская Елена Евсеевна (1914—1978), в ту пору студентка-филолог. На проходившем весной 1934 г. международном музыкальном фестивале в Ленинграде она была переводчицей на встречах ДДШ с зарубежными музыкантами.

³ В Ялте ДДШ поджидала отдыхавшая там Нина Васильевна — с забронированными билетами для их совместного отъезда в Москву и далее в Поленово. Из-за двухдневного опоздания ДДШ, прибывшего в Ялту 30 июня, билеты пришлось перебронировать на 1 июля (по письмам к матери за 18—29 июня, № 16827/46—16827/52).

66

7 VII 1934. Поленово¹

Дорогой Иван Иванович.

Наконец-то я после долгого путешествия доехал до вынужденной цели. В пути было довольно скучно, но и здесь так же. Поленово лишь издали хорошо. А вообще здесь тоска и изолирование актеров. Природа, впрочем, дивно хороша. Побуду я здесь до 5 VIII. Один месяц. Добираться сюда из Москвы очень сложно. Сперва 3 часа на поезде, потом 2 часа ожидания и потом 40 минут на легком глассере. Следовательно выбраться в Москву трудно. Поэтому придется сидеть здесь целый месяц безвыездно. Из величайших умов нашего времени здесь

живет солист миманса тов. Мамочкин-Визжачих². Больше нет никого. В Москве встретил Э. И. Любинского. Он занимается тем, что перевозит ВИЭМ в Москву³. Повидаться с ним было очень приятно. Приятно было также послушать его своеобразную речь («это доказывает о том» и т. д.). Сообщил мне, что судьба Василия Евгеньевича очень печальна, т. к. натворил он много грязных дел⁴. В Москве я видел веселого Шебалина. Он заключил ряд договоров, получил много авансов и веселится. Алеша⁵ в Железноводске. Эх сыпь, Семеновна! Видел также Атовмьяна. Он делает хорошую мину при плохой игре. Очень его жалко. Видел Попова. Он сочинил скрипичный концерт⁶ и по-моему очень здорово. Менее здорово сочинил Шебалин 2-й квартет. Но это пожалуйста между нами. Ему я выразил свои восторги. В Баку я встретился с Б. М. Фрейдковым⁷. Должен сказать, что он в высшей степени приятный и превосходный человек. Много великолепных разговоров переговорили мы с ним, задыхаясь от бакинской скуки.

В настоящее время мне не особенно весело. Убедительно прошу тебя: напиши мне, только учти, что письмо будет, возможно, читаться не только мной и потому не злоупотребляй. А в общем я в депрессии. Нина пока здорова, но боюсь за нее, что расхворается. Она слаба очень.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

Р. S. город Тарусса, Серпуховского округа. Поленово. Дом отдыха ГАБТ. Мне.

Пиши обязательно. Привет Ирине Францевне.

¹ Поленово — бывшая усадьба «Борок» художника Василия Дмитриевича Поленова (1844—1927) в Тульской области. В 1924 г. усадьба была предоставлена художнику и его семье в пожизненное пользование. В 1931 г. переименована в «Поленово». В 1930-е гг. там некоторое время находился Дом отдыха. С 1939 г. — государственный музей В. Д. Поленова.

² По-видимому, вымышленное имя.

³ Созданный и открытый в Санкт-Петербурге 8 декабря 1890 г. Императорский институт экспериментальной медицины в 1918 г. стал Государственным институтом экспериментальной медицины (ГИЭМ) Наркомздрава РСФСР, а в 1932 г. был реорганизован во Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ) с филиалом в Москве. В 1934 г. московский филиал превратился в Большой ВИЭМ, а ленинградский институт стал его филиалом. В декабре 1944 г. на базе ВИЭМа в Москве была создана Академия медицинских наук СССР, а ленинградский институт снова обрел самостоятельность и название ВИЭМ.

⁴ Имеется в виду Рафалович Василий Евгеньевич (1898 или 1900 — после 1978), литератор, театральный деятель, критик. С 1928 г. председатель Ленинградского реперткома, в 1930—1931 гг. редактор журнала «Рабочий и театр», с 1930 г. заведующий сектором театра ЛОГАЙСа. Его книга «Весна театральная» (Л., 1971) посвящена ДДШ. В чем причина обрушившихся на Рафаловича неприятностей, о которых упоминает ДДШ, установить не удалось; так или иначе, дело дошло до суда. ДДШ в переписке с И. И. Соллертинским неоднократно возвращается к перипетиям этого процесса (см. пп. 70, 75, 95).

⁵ Алеша — уменьшительное имя Алисы Максимовны Шебалиной (урожд. Губе) (1901—2002), жены композитора В. Я. Шебалина.

⁶ Два года спустя, 7 июня 1936 г., Г. Н. Попов записал в дневнике: «2 июня у меня были Оборин, Шостакович, Соллертинский, Цербачев и Богданов-Березовский. Показывал экспозицию Скрипичного концерта. Одобрили. Шостакович (когда я накануне, то есть 1 июня, сыграл у него концерт) назвал вторую тему гениальной» (Попов Г. Н. Из литературного наследия: Страницы биографии / Сост., ред., коммент. и указ. З. А. Апетян. М., 1968. С. 263).

⁷ Фрейдков Борис Матвеевич (1904—1966), певец (бас). В 1931—1952 гг. солист ГАТОБа. Во время гастролей в Баку ДДШ жил с Фрейдковым, также выступавшим в концертах с оркестром МГФ, в одном гостиничном номере.

67

9 VII 1934. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Погода стоит дождливая, на улице грязно. Приходится сидеть дома или на балконе. Бывший владелец Поленова в такую

погоду здорово наверное пил. Природа необыкновенно хороша, но в голове у меня пусто, и если стукнуть меня по лбу, то получится пустой деревянный звук. Газет здесь нет. Что делается на свете — не знаю. Случайно, в уборной, прочел статью тов. С. Динамова¹ «Адвокат формализма», где он дает достойный отпор автору «Комаринского мужика» по поводу его формализма. В № 5 «Советской музыки» имеется громовая статья Городинского и Иохельсона по поводу «исторической дискуссии» в ЛенССК о «Леди Макбет». Дается достойный отпор твоим формалистическим высказываниям². Вообще дается много достойных отповедей. Ух, хорошо. Люблю. Жирок сбавляет. С диким ужасом я думаю, что мне надо прожить здесь до 3 VIII, а сегодня только 9 VII. Пиши мне, что делается в Ленинграде, в Токсове³ и в других крупных центрах. Как обстоят дела в о-ве Wania Peeteri unsi Leeningrad⁴. В Поленове живет В. Л. Кубацкий⁵. 3 его жены живут тут же, четвертая в отъезде. Все сидят за одним столом + дочка от второй и сын от третьей. Прелестное содружество. Зависть берет. Жены друг с другом в чудных отношениях. Только изредка пускают какую-нибудь шпильку. Хорошеньких работниц балетного цеха здесь нету. В этом отношении unsi Leeningrad дает большую пищу для ума и сердца. Нина страдает. Краска с волос постепенно слезает и получается пестрота. Она стонет и кричит: «Хоть бы хны, хоть бы хны!» в буквальном смысле этого слова, т. е. речь идет о волосной краске «хна». Иван Иванович, а не приехал ли бы ты сюда со своей супругой. Подумай об этом и телеграфируй мне. Стоит здесь 300 руб. в месяц с персоны. Я поговорю с Малиновской⁶, устроят тебе отдельную комнату, а? Подумай, а то я умираю от скуки и невозможности побеседовать с культурным человеком. А публика здесь скучная, некультурная.

Итак приезжай и во всяком случае пиши по адресу: город Таруса, Серпуховского округа. Поленово. Дом отдыха ГАБТ. Мне.

Д. Шостакович.

¹ Динамов (Оглодков) Сергей Сергеевич (1901–1939), писатель, поэт, критик, партийный работник. С 1932 г. работал в аппарате ЦК ВКП(б). В статье «Адвокат формализма» (Правда. 1934. 28 июня) он заклеил О. М. Брика (либреттиста оперы В. Желобинского «Комаринский мужик»), выступившего в «Литературной газете» в защиту произведений А. Г. Тышлера, Д. П. Штеренберга, А. Д. Древина и других художников, причисленных к формалистам. Динамов осудил попытки рассматривать формализм как одно из художественных течений, соревнующихся в русле реализма.

² Дискуссия в ЛССК об опере ДДШ состоялась 16–20 февраля 1934 г. В большой статье В. М. Городинского и В. Е. Иохельсона «За большевистскую самокритику на музыкальном фронте» (Сов. музыка. 1934. № 5) «Леди Макбет» названа замечательным произведением. Авторы писали: «За малыми исключениями, все участники дискуссии признавали огромное значение новой оперы Шостаковича. Расхождения были главным образом по части оценки места этого произведения в советской музыкальной культуре». Далее указывалось на неправильный вывод Шапорина, «провозгласившего оперу „кульминационной точкой творчества Шостаковича“». В статье осуждены те, кто избрали мерилом оценки оперы ее «человечность» (В. В. Пушкин, А. И. Пиотровский, В. В. Щербачев). Отмечено, что С. Л. Гинзбург верно поставил вопрос об ответственности критики, которая может неправильно ориентировать композитора. Обвинению в этом Соллертинского посвящена почти половина статьи.

³ Токсово — дачный поселок под Ленинградом. Там отдыхал Соллертинский.

⁴ Что имеется в виду, установить не удалось.

⁵ Кубацкий Виктор Львович (1891–1970), виолончелист, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель. В 1931–1935 гг. дирижер ГАБТа, член совета Софила.

⁶ Малиновская Елена Константиновна (1875–1942), театрально-общественный деятель. В 1917 г. комиссар московских театров, с 1928 г. управляющая московскими государственными театрами. В 1919–1920 гг. член дирекции, в 1920–1924 и 1930–1935 гг. директор ГАБТа.

68

14 VII 1934. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Чего ж это ты мне не пишешь? Напиши мне как-нибудь и поскорее. Я скучаю без тебя и без твоих писем. Будучи в Мос-

кве, говорил с Абр. Абр.¹ по телефону. Просил его передать тебе мой привет. Он говорил, что был у тебя в Токсово, в гостях. Как ты там живешь? Очень без тебя соскучился. Напиши обязательно. Читал ли ты, как в № 5 журнала «Советская музыка» Иохельсон и Городинский дают тебе достойную отповедь²? Ну пока прощай.

Тарусса. Серпуховского округа. Поленово. Дом отдыха ГАБТ. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Абр. Абр. — А. А. Ашкенази.

² В упомянутой выше статье (см. коммент. 2 к п. 67) Городинский и Иохельсон нашли у Соллертинского «рецидивы современнического реваншизма». По поводу статьи Соллертинского «Творческий путь Шостаковича» в сборнике, выпущенном Малеготом к премьере «Леди Макбет Мценского уезда», они, в частности, писали: «Соллертинский ориентирует молодого советского композитора на архиурбаниста Альбана Берга, и это самый опасный и неправильный путь, какой только может избрать композитор». И далее подчеркивали: «Если Соллертинский не слышит в опере „Леди Макбет“ реминисценций Чайковского, если он не ощущает в этой опере явственного поворота к русской музыкальной классике, то он вряд ли способен что-либо услышать».

69

22 VII 1934. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Чего ж это ты мне ничего не пишешь? Очень меня это огорчает. Каждый день с нетерпением жду письма от тебя, но такового нет. Скучаю. Напиши обязательно. Здесь жизнь идет тихо. Погода на мой взгляд хорошая (нету солнца и время от времени дожди). Жару я терпеть не могу. Очень мне хочется поскорее вернуться домой. Надоело здесь хуже горькой редьки. Несколько дней тому назад разнесся слух, что сюда приедут

т. т. Димитров¹ и Бела Кун². По этому случаю одна певица срочно стала экзерсироваться. Когда ее спрашивали, зачем она это делает, она отвечала: «Сюда приедет на один день болгарский партиец тов. Димитриев со своей дамой. Так говорят, что в их честь будет устроен концерт». «А с какой дамой приедет Димитров?» «Я ее не знаю. А зовут ее Бела Кунц». Сюжет достойный пера Уксусова³. Но в общем скучно. До безобразия. До боли в скулах скучно.

Пиши обязательно.

Д. Шостакович.

¹ Димитров Георгий Михайлович (1882–1949), деятель болгарского и международного рабочего движения; в 1934–1945 гг. жил в СССР.

² Кун Бела (1886–1938), один из организаторов и руководителей компартии Венгрии. После падения Венгерской советской республики в 1919 г. жил в СССР.

³ Уксусов Иван Ильич (1905–1991), писатель, потомственный рабочий, шахтер, слесарь. Печатался с 1929 г. В 1930 г. член президиума и правления РАППа. В 1935 г. арестован, обвинен в антисоветской агитации и пропаганде идей фашизма, сослан на три года в Тобольск. Перу Уксусова, по словам И. Л. Андроникова, принадлежит фраза «Коза закричала нечеловеческим голосом».

70

26 VII 1934. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Твое письмо, подобно бальзаму, пролилось на мою тоскующую душу. Читал я его, как и все прочие твои письма, с большим удовольствием. В первую очередь о деле. 1) Если будет в ближайшее время процесс Рафаловича и Ко, то убедительно прошу тебя исхлопотать мне туда местечко. Это, конечно в том случае, если я до его начала не успею приехать в Ленинград. 2) Нельзя ли в Токсове на август подыскать дачку. Пред-

сказывают большую жару и боюсь, что в городе Нине будет трудно жить.

Сегодня приезжал в Поленово супруг Марины Семеновой¹, тов. Карахан², восторженно встреченный Дарским³ и Биндлером⁴. Погода здесь, по общему мнению, хорошая, т. е. жарыща неопи-суемая. Публика здесь скучная, хотя попадаются среди них пре-восходнейшие люди, напр. ударник миманса тов. Дамочкин-Виз-жачих⁵. После 5 часов играю в волейбол и испытываю от этого занятия большое удовольствие. 4-го августа думаю отсюда вы-езжать. Следовательно буду в Л-де числа 6-го или 7-го. О моем предстоящем приезде никому не говори, ибо я писал домой, что приеду числа 15—20. Т. т. Боготурьянца⁶ и Морица⁷ здесь нету, поэтому мне некому было описать в ярких красках твои стра-дания аппендицитом. Приехал сюда прыщавый автор «Кома-ринского мужика» и «Именин»⁸. Он сильно конфузится от славы, которая так неожиданно на него опрокинулась. Курит трубку и ерошит волосы. По всему видно, что он сильно сму-щается. Посмотрел я его «Именины». Инструментовано очень прилично, и мне кажется, что опера будет иметь большой ус-пех. В ней много «абсолютно верных» эффектов. Волга-матушка, из-за сцены доносится хор. Красота.

Я написал две фуги⁹. Одну 4-голосную, другую трехголос-ную. Поиграл сегодня на рояле. Некрасиво и аэмоционально. Все же буду писать третью, четвертую и т. д. Невозможно жить, ничего не сочиняя. В техническом отношении фуги стоят на среднем уровне — немного ниже. Но вполне могут сойти за голый формализм. Пишу для набития руки. Вместо упражнений пианиста или тромбониста.

Читал № 6 журнала «Советская музыка». Номер посвящен Ленинграду. В нем имеется большая ведущая статья С. Гинз-бурга¹⁰. Девизом перед всем номером можно поставить «Чем дальше в лес, тем меньше дров». Имеется, впрочем, неплохая

статья Ал. Семеновича Рабиновича. Кое-какие блески домашних мыслей в ней есть¹¹.

Вот и все. Целую крепко. Привет Ирине Францевне. Одобряю твоё пребывание в Токсово.

Д. Шостакович.

¹ Семенова Марина Тимофеевна (р. 1908), артистка балета. В 1930—1952 гг. солистка ГАБТа.

² Карахан (наст. фам. Карахьян) Лев Михайлович (1889—1937), государственный деятель, дипломат. В 1927—1934 гг. заместитель наркома иностранных дел, затем (до 1937 г.) посол в Турции.

³ Дарский Евсей Павлович (1902—1951), артист эстрады, один из создателей жанра парного концерта (совместно с Л. Б. Мировым).

⁴ Биндлер Илья Григорьевич (1898—?), в 1921 г. заведующий технико-нормировочным бюро при ГАБТе, затем секретарь дирекции ГАБТа. В своих воспоминаниях он пишет, что помогал в постановках детских спектаклей летом в доме отдыха «Поленово» (см.: Леонид Витальевич Собинов. М., 1970. Т. 2. С. 305, 440).

⁵ Очевидно, вымышленное имя (ср. п. 66).

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Речь идет о В. В. Желобинском.

⁹ К указанному в письме времени ДДШ написал 4-голосную фугу до мажор (22 июля 1934 г.) и 3-голосную ля минор (25 июля 1934 г.), которая позже войдет в Двадцать четыре прелюдии и фуги, соч. 87 (1950—1951). Еще одна 4-голосная фуга — соль мажор — датирована 28 июля. Начатая фуга ми минор осталась незавершенной (РГАЛИ, ф. 2048, оп. 1, ед. хр. 36, с. 1—4 арх. паг., «Двадцать четыре прелюдии и фуги. Эскизы»).

¹⁰ В статье «На путях конкретной музыкальной критики» С. Л. Гинзбург пишет о семантике музыкальной речи, о проблемах «социально-значимых закономерностей музыкального мышления в присущей ему специфической форме выражения»; он осуждает рапповскую критику, послужившую «немалым тормозом для общего поступательного движения советской музыкально-критической мысли», и говорит о больших заслугах Игоря Глебова (Б. В. Асафьева) в постановке «в советском музыковедении вопроса о музыкальной семантике».

¹¹ В статье «Музыкально-технологические дисциплины сегодня и завтра (к вопросу о гармонии, контрапункте и прочих „цитателях“» А. С. Раби-

нович говорит, что среди многих серьезных теоретических трудов не видит таких книг, которые можно было бы рекомендовать студентам, изучающим музыкально-теоретические дисциплины: «Нам нужны книги — пособия для растущих композиторских кадров».

71

1 VIII 1934. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Собираюсь отсюда выехать 4-го. 6-го буду в Ленинграде. До отбытия на Аврору¹ я пробуду несколько дней в городе. Надеюсь, что мы с тобой повидаемся и потолкуем о проблеме социалистического реализма в музыке. О статье Мозера² я уже слышал. Будет очень хорошо, если ты сохранишь до моего приезда эту статью и переведешь из нее места, касающиеся С. Гаук³. Кстати: не нужно ли ему отправить письмо с поздравлениями, что о нем начала говорить мировая пресса?³

Очень я без тебя соскучился. Числа пятого пошлю тебе телеграмму с точным днем моего приезда. В этот же день приходи обедать. Телеграмму пришлю на ленинградский адрес. Крепко целую. Привет Ирине Францевне.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Имеется в виду крейсер «Аврора», стоявший на рейде Кронштадта. ДДШ намеревался посетить его в связи с задуманной симфонией на тему обороны страны (см.: Хентова С. Шостакович: Жизнь и творчество. Л., 1985. Т. 1. С. 419).

² Мозер — Моозер Роберт Алоиз (1876—1969), швейцарский историк музыки и критик. В 1896—1909 гг. жил в Петербурге, служил в Дирекции императорских театров, брал уроки композиции у М. А. Балакирева, инструментовки — у Н. А. Римского-Корсакова. В Женеве основал «Четверговые прослушивания», где исполнялись новинки современной музыки; в 1923—1944 гг. издавал музыкальный журнал «Dissonances». В качестве официального гостя Моозер был приглашен

на Музыкальный фестиваль, проходивший под эгидой Интуриста в Ленинграде в мае 1934 г. Его впечатления о фестивале изложены в статьях «Le Ier Festival musical de Léningrad» и «Dmitri Chostakovitch et son œuvre» (Dissonances. 1934. N 6. Перепечатаны в кн.: Mooser R.-A. Regards sur la musique contemporaine 1921—1946. Lausanne, 1946. P. 219—239). Основное место в этих публикациях уделено сочинениям ДДШ (Концерт для фортепиано с оркестром в авторском исполнении, Сюита из балета «Болт», опера «Леди Макбет»), ставшие, на взгляд Моозера, кульминационным моментом фестиваля. Особой оценки удостоился С. Самосуд как главный дирижер и художественный руководитель Малегота.

³ С. Гаук — очевидно, А. В. Гаук, которого ДДШ и Соллертинский между собой называли Сашей и Сашеткой. Под его управлением в рамках майского фестиваля 1934 г. прошли три выездных концерта оркестра ЛГФ (26, 28 и 29 мая), в программу которых входили произведения многих советских композиторов, в том числе ДДШ. В статье Моозера «Le Ier Festival musical de Léningrad» дан подробный обзор этих концертов, однако имя дирижера не упомянуто.

72

1 VIII 1934. Поленово

Дорогой Иван Иванович. Нина очень любит природу и свежий воздух. Поэтому мы задерживаемся здесь до 10-го августа. Следовательно будем дома числа 12—13. Очень меня это огорчает, т. к. я еще больше красивой природы и свежего воздуха люблю хорошее общество (твое и очень немногих других в меньшей степени). По получении этого письма напиши мне, т. к. я очень скучаю без тебя и без твоих писем. Очень мне нужно поговорить с тобой. Пребывание на свежем воздухе и чтение дали мне бездну пищи для ума и сердца. Хочется поделиться с тобой волнующими меня вопросами.

Сегодня уехал отсюда Желобинский, провожаемый рядом работников балетного цеха. Это обстоятельство навело меня на мысль, что лучшее средство от прыщей и нечистой кожи на лице не филадермин-ламерсье, не ланолин, не крем Тэжэ, а богат-

ство и слава, ибо несмотря на прыщи, автор «Именин» пользовался здесь большим успехом и разбил не одно балетное сердце. Уполномоченный Наркомвнудела в Иваново В. Р. Домбровский выписался из Кремлевской больницы и живет сейчас в Луге¹, залечивая свою болезнь.

В общем пиши. Я сильно скучаю и «меланхолю».

Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Привет Ирине Францевне.

¹ Луга — районный центр в Ленинградской области, одно из любимых мест отдыха ленинградцев.

73

9 VIII 1934. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Ждал я от тебя письма, да по-видимому не придется дожидаться. 12-го мы отбываем из Поленово. На днях я получил от Абр. Абр. Ашкенази письмо, в котором он пишет о походе на него со стороны Педераста Цурмилена¹. Боюсь, что педюк сильно испортит кровь и Ашкенази и Йохельсону. А также и мне². Всегда тревога охватывает меня при предстоящем возвращении в Ленинград после длительного отсутствия. Хочется спеть квинтет из «Пиковой дамы»³, да партнеров нет. Ограничиваюсь партией Томского. Сюда приехал отдохнуть перед отъездом тов. Афиногенов. Он явно ухаживает за женой з. а. А. Мессерера⁴. И не без успеха. Асаф страдает, т. к. очень любит свою Судакевич⁵ (киноактриса). Помнишь случай со мной и с проф. Максимовичем⁶? Афиногенов, давясь от хохота, спрашивал меня, правда ли это? Затем сообщил, что он знает то лицо, которое учинило этот «розыгрыш», но связан с этим лицом словом. Я, кажется, догадался, кто это лицо. По сему случаю думаю

посетить Наркомвнудел и поговорить о веселом поведении этого лица. Нина после этого «розыгрыша» 2 недели пролежала в постели из-за сильного нервного потрясения. Кроме того он рассказал мне, что ты был жертвой «розыгрыша» этого же лица, чему я не поверил. Если это так, то есть розыгрыш, о котором будет речь впереди, действительно имел место, а этот розыгрыш просто безобразен по своей подлости и хулиганству, то предлагаю тебе 1) до моего возвращения молчать, 2) вместе со мной посетить Наркомвнудел и 3) молчать о моем желании посетить Наркомвнудел по вопросу о «розыгрыше» с проф. Максимовичем и о «розыгрыше» с тобой, если таковой имел место. На 95% я убежден, что угадал, кто является автором розыгрыша. Во избежание повторения этих подлостей я и хочу подать заявление в Наркомвнудел.

Как дела? Живешь ли ты в Токсово или уже переехал в Ленинград? Во всяком случае очень прошу тебя быть в Ленинграде 15-го или 16-го августа. В это время я думаю приехать домой.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

Р. S. Привет Ирине Францевне.

¹ Цурмилен Андрей Александрович (1894—?), композитор. Писал музыку для Театра Пролеткульта и других театральных коллективов. Свободно владея несколькими языками, совместно с профессором Ленинградской консерватории М. М. Черновым готовил к изданию перевод «Трактата об инструментарии» Г. Берлиоза — Р. Штрауса, публикации которого помешала война. С началом военных действий Цурмилен — 47-летний флотский командир в отставке — получил назначение на боевой корабль. Время и обстоятельства его гибели установить не удалось.

² В. Е. Иохельсон был ответственным секретарем, а ДДШ и А. А. Ашкенази — членами правления ЛССК. Комиссия советского контроля после обследования финансовой деятельности союза в конце июля 1934 г. отметила в своем акте необоснованные финансовые перерасходы.

ДДШ и Ашкенази представили разъяснения по этому вопросу. Комиссия настаивала на том, чтобы правление ЛССК признало допущенные ошибки. В письме Л. Т. Атовмьяну от 13 сентября 1934 г. ДДШ писал: «В ССК пока что, по-моему, благополучно. Завтра составляем документ от имени Правления по поводу финансовых и организационных дел. Документ пойдет в Комиссию советского контроля. Если последняя его утвердит, то все будет в порядке, и Ашкенази, и Йохельсон поедут отдыхать и поправлять свое здоровье, и Цурмилен будет посрамлен. Этого сукиного сына я в два счета выгоню из Союза» (Дмитрий Шостакович в письмах и документах. С. 223). ДДШ, вероятно, не забыл, что в 1931 г. А. А. Цурмилен вместе с композитором А. П. Гладковским выступил с резкой критикой его «Декларации прав композитора», опубликованной в журнале «Рабочий и театр» (№ 31). «Декларация», с их точки зрения, «не может быть рассматриваема как отдельный выпад „разочарованного“ композитора, а должна быть поставлена в связи с обострением классовой борьбы за последнее время на музыкальном фронте». ДДШ обвинялся в отрыве от масс, от живой музыкальной действительности (Гладковский А., Цурмилен А. Композиторская секция Ленбалт. ЛОКАФ // Рабочий и театр. 1931. № 32–33. С. 11).

³ Имеется в виду квинтет «Мне страшно» из I д. оперы.

⁴ Мессерер Асаф Михайлович (1903–1992), артист балета, балетмейстер. В 1921–1954 гг. ведущий солист ГАБТа.

⁵ Судакевич Анель Алексеевна (1907–2002), киноактриса, художник по костюмам. В беседе с корреспондентами в 2001 г. она рассказывала: «Я с маленьким [сыном] Борей проводила целые месяцы в Поленове, в доме отдыха Большого театра, где постоянно принимала участие в оформлении праздников» (Волоцкий М., Тюрикова Н. Заколдованная женщина // Лит. газета. 2001. № 39. С. 14).

⁶ По свидетельству сына композитора, М. Д. Шостаковича, речь идет о розыгрыше, устроенном Н. В. Богословским. Он позвонил в три адреса: матери ДДШ Софье Васильевне с сообщением о том, что ее сын получил многочисленные переломы и ранение головы; семейному доктору, профессору Максимовичу, с просьбой прийти для оказания помощи к Шостаковичам; в НКВД — с просьбой устроить у Шостаковичей засаду для поимки бандита, который ходит по квартирам и представляется доктором Максимовичем. Переступивший порог дома профессор был скручен, свезен в следственный изолятор и брошен в камеру до выяснения личности и обстоятельств. В Наркомвнудел (НКВД) ДДШ не обращался.

10 VIII 1934. Поленово
Дорогой Иван Иванович.

Получил сегодня твое письмо. Опять расстроился. Очень возмущен тем, что к такой сволочи как Цурмилен и Ко прислушиваются и из-за них срывают отпуск и портят кровь Ашкенази и Иохельсону. Рвусь скорее домой, но объективные причины мешают. Надеюсь все же 12-го выехать. Впрочем, не уверен в этом. Очень все это грустно. Передай от меня привет Ашкенази и скажи ему, чтобы он не грустил и не расстраивался. Впрочем, сам знаю, что этот совет гроша медного не стоит.

Целую. Привет супруге.

Н. В. шлет привет.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

17 XI 1934. Ленинград
Дорогой Иван Иванович.

Спешу тебе сообщить некоторые Ленинградские новости. О. В. Легран освобождена от должности директора Ленинградской филармонии ввиду перехода на другую работу¹. Врио директора назначен проф. А. В. Оссовский. Он привык временно исполнять обязанности². Комиссия советского контроля утвердила постановление Правления ЛССК по поводу обследования последнего. Следовательно в этом деле все обстоит благополучно. Очень я хочу, чтобы Ашкенази и Иохельсон отправились бы

в отпуск. И тот и другой выглядят прескверно: краше в гроб кладут. Необходимо им отдохнуть.

Вчера я имел беседу с А. И. Угаровым³ и остался таковой очень доволен. Говорилось много и о тебе и в высшей степени хорошо. Он очень не хочет отпускать тебя из Ленинграда и для этого предполагает соответствующие оргвыводы (квартира⁴, работа и пр.). В общем пока все идет гладко. Вчера в радиокомитете был концерт из моих сочинений. Н. С. Рабинович⁵ исполнил 1-ю симфонию, ф-п концерт и 3 отрывка из «Золотого века». Он справился очень хорошо. Молодец. Вступительное слово В. М. Богданова-Березовского было забракковано и поэтому концерт шел без конференса. Это тоже хорошо, т. к. кроме тебя в СССР никто не умеет дельно говорить о музыке. Сегодня надеюсь услышать твое выступление в Москве. Был специалист по радио и обещал, что вонять таковое больше не будет. Сегодня проверю.

Дела В. Е. Рафаловича неважны. Впрочем я думаю, что он несколько рано беспокоится. Рикшетом беспокоюсь и я. Должен сказать, что за последнее время я сильно начал симпатизировать ему и если с ним случится что-либо плохое, буду переживать это как личную беду. Впрочем, поживем — увидим⁶. Надеюсь, что это письмо дойдет до тебя. Если будет время и охота, ответь. Очень я без тебя скучаю. Не задерживайся в Москве. Возвращайся скорее.

Крепко тебя целую. Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

Р. С. Я в меланхолии. Прямо беда.

¹ Легран Ольга Владимировна (1896—?), директор ЛГФ (с перерывом) в 1929—1934 гг. Отношения Соллертинского с Легран складывались крайне тяжело, поэтому известие о ее снятии (с распространенной в советские времена формулировкой «ввиду перехода на другую работу») было важным.

² Оссовский неоднократно в разных формах выполнял руководящие функции в ЛГФ: с сентября 1921 г. был помощником директора, с весны 1923 г. по июль 1925-го — директором, с сентября 1933 г. по январь 1936-го — директором художественной части. В ЛГК, являясь в 1922—1929 гг. проректором, с весны 1928 г. в течение года был временно исполняющим обязанности (врио) директора.

³ Угаров Александр Иванович (1900—1939), с 1932 г. второй секретарь, заведующий отделом культуры и пропаганды Ленинградского горкома ВКП(б), член Президиума Верховного Совета СССР.

⁴ Соллертинский в это время жил в крайне стесненных условиях. Он вместе с женой, матерью и братом занимал две комнаты в коммунальной квартире на Пушкинской улице и не имел возможности для работы дома. Это обстоятельство привело его к мысли уехать из Ленинграда. После разговора ДДШ с Угаровым довольно скоро Соллертинскому была предоставлена трехкомнатная квартира в новом доме на Крестовском острове.

⁵ Рабинович Николай Семенович (1908—1972), дирижер, брат музыковеда А. С. Рабиновича. В 1931 г. окончил ЛГК по классу А. В. Гаука, ранее занимался у Н. А. Малько. В 1931—1932 гг. заведующий музыкальной частью «Ленфильма»; в 1933—1938 гг. заведующий музыкальным сектором Ленинградского комитета радиовещания.

⁶ Надежда на хороший исход дела Рафаловича всколыхнулась год спустя (см. п. 95 и коммент. 3 к нему).

76

11 II 1935. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

В порядке проверки четкости работы органов связи, посылаю тебе эту открытку. С новосельцем!

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке с адресом получателя: «Здесь. Константиновский пр., 30, корпус 10, кв. 67».

10 III 1935. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Видимо не скоро я отсюда выберусь. Возможно, что больше и совсем не вернусь в Ленинград, т. к. вопрос моего переезда решается неожиданно энергично. 16-го буду говорить с Ворошиловым¹. Вопрос о поездке за границу уже решен положительно². Поездка займет примерно месяц. К тому времени будет готова квартира, которую я уже смотрел. Мне очень грустно расставаться с Ленинградом, но ничего не поделаешь. Таково желание Правительства. Если бы ко мне в Ленинграде было бы действительно хорошее отношение, то я бы и остался, но случай с комнатой для Н. В. ясно мне показал, что отношение ко мне безразличное и холодно-равнодушное. Теперь же все устраивается. Квартиру я оставляю Н. В., сам же с мамой перееду в Москву. Очень прошу тебя написать мне о себе. Как ты живешь? Как дела и настроение? Пиши мне в адрес Атовмьяна: Москва, 9, Нижний Кисловский пер., д. 8, кв. 11. Мне. Пиши обязательно, т. к. я нескоро буду в Л.-де, не в зависимости от всех обстоятельств³. Каждый день навещаю Домбровского. Он очень плох и производит тяжелое впечатление. Часто вспоминает тебя и шлет тебе приветы. Если я перееду в Москву, то перетащу тебя обязательно, т. к. расставаться с тобой мне будет очень грустно.

Крепко тебя целую.

Твой Д. Шостакович.

Привет Ирине Францевне. Обязательно пиши.

¹ Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969), маршал Советского Союза, с 1926 г. нарком по военным и морским делам, с 1934 г. нарком обороны. В 1926—1960 гг. член Политбюро (Президиума) ЦК Компартии СССР. В 1930-х гг. был одним из самых приближенных к Сталину лиц. Хотя формально не ведал вопросами культуры и искусства, но некоторыми

делами из этой области занимался (вел переписку с И. Е. Репиным о его возвращении на родину, вместе с Молотовым осматривал скульптуру В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница», прежде чем она была показана Сталину). Ворошилов любил музыкальный театр и был знаком с деятелями искусства. После войны был поставлен во главе Бюро культуры при Совете министров СССР, в ведении которого находились театры, Комитет по делам кинематографии и т. д. В письме к матери от 30 ноября 1927 г. (№ 16814/19) ДДШ упоминает о том, что завтра познакомится с Ворошиловым.

² Очевидно, речь идет о поездке в Турцию, которая состоялась в апреле — мае 1935 г.

³ Об этом приезде ДДШ в Москву Атовмьян вспоминал: «Когда я пришел, он сказал: „А я разошелся с Ниной“ — и показал мне свидетельство о разводе. Примерно через неделю-другую он собрался обратно в Ленинград, якобы за своими пожитками. Я полусуто сказал ему: „Ну, вероятно, там ждет тебя женитьба?“ Так и случилось. Через день получаю телеграмму: „Остаюсь в Ленинграде. Нина беременна. Снова женат. Митя“» (Атовмьян Л. Т. Из воспоминаний // Муз. академия. 1997. № 4. С. 70). Согласно записям в актовых книгах отдела ЗАГС Куйбышевского района, брак ДДШ с Н. В. Варзар был расторгнут 3 февраля 1935 г. (актовая запись за № 224) и заключен вновь 23 марта 1935 г. (актовая запись за № 1508); на этот раз Нина Васильевна взяла фамилию мужа.

78

31 III 1935. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Написал я тебе как-то открытку. Получил ли ты ее или нет? Живу бурно.

Не хватает времени для посещения друзей и знакомых. В. Р. Домбровский чувствует себя плохо. Говорил я с доктором из больницы НКВД. Он сказал мне, что В. Р. безнадежен. (Об этом только никому не говори). Навещаю его почти каждый день. Завтра он едет за границу. Кое-какие надежды в смысле поправки здоровья возлагаются, но очень небольшие.

Габт хочет ставить мой балет¹, для чего выписал Лопухова. Сегодня демонстрировал. От музыки все в восторге, от либретто наоборот. Видимо повторится история с «Болтом». Впрочем будет видно. Спустить бы эти «причуды» с плеч долой и заняться делом. Литовский и Боярский возмущены запрещением симфонии Попова². Собираются создать какую-то комиссию. Я же предложил собрать жюри, премировавшее Попова, и либо высечь самое себя, либо не согласиться с действиями Репертокама. Есть надежда повидаться по этому делу со Стецким³.

В Турцию еду 8-го. Пока мне шьют 2 костюма (черный и светлый), фрак, смокинг, 2 пальто (демисезонное и летнее), 2 пары сапог и т. п. Все это безусловно увеличит мой гардероб. «Ехать так ехать» сказал попугай, когда его кошка тащила из клетки⁴. С таким же настроением я еду в Турцию, ибо слухи о тамошнем оркестре довольно плачевные. Соберись и напиши мне. Как твоё настроение, как дела? С нетерпением буду ждать от тебя письма. Привет Ирине Францевне.

Целую тебя.

Твой Д. Шостакович.

¹ Балет «Светлый ручей» на либретто Ф. В. Лопухова и А. И. Пиотровского. Премьера в Малеготе 4 июня 1935 г., балетмейстер Ф. В. Лопухов, художник М. П. Бобышов, дирижер П. Э. Фельдт.

² Речь идет о Первой симфонии Г. Н. Попова, исполнение которой после ее премьеры 22 марта 1935 г. в Большом зале ЛГФ под управлением Ф. Штидри запретил начальник Ленинградского управления по контролю за зрелищами и репертуаром Б. П. Обнорский. 29 марта 1935 г. в вечернем выпуске «Красной газеты» В. Е. Иохельсон выступил со статьей «С чужого голоса», где критиковал симфонию, так как она дает «субъективистически ограниченное отображение действительности и тем самым искажает ее». В конце апреля 1935 г. начальник Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром О. С. Литовский отменил распоряжение Обнорского. Судя по письму ДДШ, его поддерживал и председатель ЦК Рабис Я. О. Боярский. Однако симфония больше не исполнялась.

³ Стецкий Алексей Иванович (1896—1938), советский партийный деятель. В 1930—1938 гг. заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б).

⁴ «„Ехать так ехать“, — сказал попугай, когда кошка тащила его из клетки» — старая прибаутка. В разных вариантах встречается в художественной литературе, например в «Поединке» и «Штабс-капитане Рыбникове» А. И. Куприна.

79

7 IV 1935. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Так я и не получил от тебя ни одного письма. Жаль. Твои письма очень порадовали бы меня в моем чрезвычайно кислом настроении. Завтра в 8 часов вечера едем в Одессу. Из Одессы 11-го утром в Стамбул (б. Константинополь). Сейчас я вернулся с «рюмки коктейля» в турецком посольстве. Было очень скучно, хоть и рюмка коктейля мне понравилась. Иду сейчас есть шашлык.

Крепко тебя целую. Привет супруге. Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

80

9 IV 1935. [По дороге из Москвы в Одессу]

Дорогой Иван Иванович.

Уже свыше 12 часов, как вся наша компания¹ едет в поезде. Едем очень хорошо. Едет также Лёва Оборин, что меня очень радует. Надеюсь, что в Одессе получу от тебя письмо. Кланяйся Ирине Францевне. Лёва шлет привет. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Кроме ДДШ в группу артистов, участвовавших в гастрольной поездке в Турцию, входили пианист Л. Н. Оборин, скрипач Д. Ф. Ойстрах, певцы В. В. Барсова, М. П. Максакова, А. С. Пирогов, П. М. Норцов, артисты балета Н. М. Дудинская, А. М. Мессерер, дирижер Л. П. Штейнберг. По некоторым сведениям, в группу входил также концертмейстер А. Д. Макаров.

81

[11–13 IV 1935. По пути из Одессы в Стамбул]

П/Х Франц Меринг¹. Филармония

Привет с моря Оборин Шостакович

¹ Пароход «Франц Меринг», на котором группа советских артистов отбыла 11 апреля 1935 г. из Одессы в Стамбул.

82

13 IV 1935. Стамбул

Дорогой Иван Иванович.

Благополучнейшим образом прибыл в Стамбул. Самый «подплыв» я долго не забуду. Подобной красоты я еще ни разу не видел. Сегодня вечером едем в Анкару. Были с визитом у директора местной консерватории. Сейчас идем на обед, который устраивают здешние артисты. Потом с визитом к губернатору и наконец в 7.30 вечера едем в Анкару. Стамбул исключительно красивый город. Сейчас нахожусь в Советском консульстве. Нас здесь замечательно встречают. Очень ласковы и гостеприимны сотрудники консульства.

Крепко тебя целую.

Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

14 IV 1935. Анкара

Дорогой Иван Иванович.

Постараюсь вкратце описать тебе мое прибытие в Турцию. Вернее прибытие нашей бригады. Вчера, 13 IV, я встал в 5 ч. утра и пошел на палубу парохода «Франц Меринг». Пароход стоял на рейде в Босфоре. В 6 ч. взошло солнце. Должен сказать, что вид Стамбула с парохода буквально потряс меня своей красотой. Это совершенно невозможно себе представить. Нужно самому посмотреть. Из Стамбула я тебе написал письмо. Надеюсь, что ты его получил. День там сложился таким образом: с пристани мы приехали в наше посольство, где нас замечательно хорошо приняли. Затем мы пошли на обед, который дали в нашу честь стамбульские артисты. После этого немного погуляли и поехали на вокзал. В прекрасном международном вагоне приехали в Анкару. Здесь мы поселились в гостинице «Анкара-Палас». Номер у меня довольно приличный. Принял я ванну, смыл всю дорожную грязь. После этого направились в Полпредство к тов. Карахану. Тов. Карахан угостил нас завтраком. Очень было все вкусно и приятно. Сам Карахан произвел на меня прекрасное впечатление. Забыл написать, что он, вместе с группой товарищей из Полпредства, встречали нас на вокзале. После завтрака я и Лёва погуляли по городу, вернулись домой, отдохнули и снова пошли гулять. Вернулись домой и вот я пишу тебе. Впечатлений очень много, пока еще сумбурные. Анкара очень красивый город со множеством новых построек. Недостаток: страшная жара днем, ветер и пыль вечером. От пыли буквально не спастись. Вот пока и все. Завтра вечером состоится прием в нашу честь в полпредстве. А с послезавтрашнего дня ежедневные выступления. Очень я без тебя соскучился. Настроение у меня неважное в силу кислых семейных обстоятельств.

Но надо надеяться, что все рано или поздно утрясется. Числа 10-го мая надеюсь быть дома.

Крепко тебя целую. Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

Р. С. Здесь мне говорили, что находится в Анкаре Пауль Хиндемит¹. Завтра он будет на приеме в Полпредстве.

¹ В 1935—1937 гг. П. Хиндемит по приглашению президента Турецкой республики Мустафы Ататюрка возглавлял консерваторию в Стамбуле, реорганизовывал систему музыкального образования и концертную жизнь страны. Первая его поездка в Турцию проходила с 3 апреля по 16 мая 1935 г.

84

17 IV 1935. Анкара

Дорогой Иван Иванович.

Вот уже почти месяц, как я уехал из Ленинграда. Соскучился зверски. И видимо не так скоро вернусь, т. к. пока еще неизвестно, когда мы поедем домой. Жизнь идет довольно хлопотливо. Каждый день концерты, начиная с сегодняшнего дня. 19-го — будет мой с Обориным клавирабенд. А в больших концертах (сборных) играю ф. п. мелочи. Пока время проходит незаметно. Одно неприятно: в силу моей неврастении я страшно нервничаю перед каждым выступлением. Завидую Лёве и всем певцам, для которых выступления в концертах дело привычное и заурядное. Познакомился с Караханом. Обаятельнейший человек. Крепко тебя целую. Привет Ирине Францевне.

Д. Шостакович.

[Приписка сверху:] Скоро будем разъезжать по разным городам.

Письмо на почтовой карточке.

21 IV 1935. Анкара

Дорогой Иван Иванович.

Я сильно без тебя соскучился. Хочется поскорее с тобой встретиться и поболтать о том о сем. Настроение у меня кислое в силу семейных неприятностей. Если бы не эти неприятности, то все было бы хорошо. Почти каждый день выступаю в концертах. Наиболее удачно позавчера. Я играл 24 прелюдии¹ и концерт. Вместо оркестра играл Лёва Оборин и играл великолепно. 25-го буду играть виолончельную сонату², если ее успеет выучить виолончелист. Члены нашей бригады очень милые люди. Исключая Оборина, который безусловно хорош, очень приятное впечатление производит Ойстрах. Да и другие хороши. Живем дружно. Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Привет Ирине Францевне.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Двадцать четыре прелюдии для фортепиано, соч. 34 (1932–1933).

² Соната для виолончели и фортепиано ре минор, соч. 40 (1934), посвящена В. Л. Кубацкому.

23 IV 1935. Анкара

Дорогой Иван Иванович.

Поздравляю тебя с трехлетием исторического постановления ЦК о перестройке литературно-художественных организаций. Я живу благополучно, только немного беспокоюсь. Почти каждый день концертирую и бываю на разных приемах. Из всех приемов мне наиболее запомнилась «Кружка пива» у чехословацкого посла в Турции. Пили пиво, ели сосиски и танцевали.

Во время танцев радужный хозяин время от времени кричал на ломаном русском языке «ой жги, говори!». Смотрел сегодня в кино прескверный фильм французского производства. Прошлый раз видел очаровательную артистку Франческу Гала¹. Кланяйся Ирине Францевне. Числа 20—25 V я надеюсь быть дома. Целую.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Гала Франческа, правильно — Гааль Франческа (1904—1972), венгерская актриса, в кино с 1919 г.; пик ее популярности — 1930-е гг.

87

28 IV 1935. Анкара

Дорогой Иван Иванович. Поздравляю тебя с праздником 1 мая. Хотя письмо и не успеет к этому сроку, ну хоть задним числом прими поздравление. Посылаю тебе фотографию Лёвы Обороина и меня. Это мы снялись после 4-х партий в теннис в нашем полпредстве¹. Мне, признаюсь, не нравится эта фотография по той причине, что я вышел неважно. Наше пребывание в Анкаре подходит к концу. 1-го в 12 часов мы едем в Смирну, или, как здесь говорят, в Измир.

Меня сильно измотала непрерывная концертная деятельность и я мечтаю об отдыхе.

Только что вернулся от тов. Стокицкого (корреспондент ТАСС в Анкаре)². Он угостил нас шашлыком и пельменями. Т. к. ни того ни другого блюда я давно не ел, то получил огромное удовольствие. Сам тов. Стоклицкий и его супруга прекрасные и очаровательные люди. Впечатлений у меня масса. Пока все это сумбурно и неоформлено.

Вернусь, обо всем расскажу. В Смирне пробудем 4 дня. И 7 дней в Стамбуле. Затем на пароход и на родину. В Ленинграде буду числа 25 мая. Крепко тебя целую. Твой Д. Шостакович.

Р. С. Привет Ирине Францевне.

¹ На этой не поддающейся воспроизведению, маленькой и нечеткой фотографии (хранится в семейном архиве Д. И. Соллертинского) ДДШ и Оборин идут по дорожке среди деревьев.

² Стокицкий — правильно Стоклицкий Александр Вениаминович, журналист, работал в центральных газетах, в том числе в «Известиях», автор вышедших в 1920-х — начале 1930-х гг. книг о международной политике и партийно-государственном строительстве СССР.

88

1 V 1935. [По дороге из Анкары в Измир]

Дорогой Иван Иванович.

Поздравляю тебя с 1-м мая и желаю тебе всяких удач. Сегодня в 12 ч. дня выехали в Измир, где пробудем 6 дней. Едем в приличном международном вагоне. Еду в купе с Лёвой. На ближайшей станции брошу эту открытку. В Анкаре я дико устал. Сейчас страдаю от сильной жары. Вся надежда на ночь. Может быть посвежеет. Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

Р. С. Привет Ирине Францевне.

Лева шлет привет.

Письмо на почтовой карточке.

2 V 1935. Измир

Дорогой Иван Иванович.

Благополучно прибыли мы в Измир. Разместились в отеле «Эге». Прекрасное название. Побольше бы таких названий. У меня неважный номер с балконом, выходящим на море. Все-таки утешение. Приехали мы в 7 ч. вечера. Пока город еще я не посмотрел. Но первые впечатления хорошие. Пробудем здесь до 6-го. 6-го на пароходе в Стамбул, а оттуда 16-го в Одессу. Я очень без тебя скучаю. Числа 25-го мая надеюсь быть в Ленинграде. С дороги бросил тебе на какой-то станции открытку. Получил ли ты ее? Вообще я писал тебе часто. Надеюсь, что ты получал мои письма.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

P. S. Привет Ирине Францевне.

Письмо на почтовой карточке.

5 V 1935. Измир

Дорогой Иван Иванович.

Завтра мы едем в Стамбул. Это последняя точка наших гастролей в Турции. Можно подвести итог нашего пребывания в Измире. 3 концерта, из коих я участвовал в двух. Вчера замечательная поездка на раскопки древнего города, существовавшего 21 век тому назад, Пергама. Целый ряд прогулок по городу, очень интересному и красивому. Здешний губернатор очень

хорошо нас встретил. Позавчера угощал нас завтраком, сегодня чаем. Очень милый и радушный человек. Большой весельчак. Все мы основательно устали и жаждем отдыха. По получении сего напиши мне по адресу Одесса до востребования. Я надеюсь, что к моему приезду смогу прочитать твое письмо. Из Стамбула мы выезжаем 16-го. Целую тебя. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

91

7 V 1935. Дарданеллы
Дорогой Иван Иванович.

Едем на пароходе по Дарданеллам. Историческое место, вероятно известное тебе. Вспоминаем тебя. Передаю ручку Леве.

Дорогой Иван Иванович! Следует признаться, что поводом, послужившим для написания сей открытки, помимо желания сердечно поприветствовать тебя, является также желание похвастаться: дескать, вот откуда писать доводится. Дуют! Л. Оборин.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

92

8 V 1935. Стамбул
Дорогой Иван Иванович.

Сегодня мы благополучно прибыли в Стамбул. Когда проезжали Дарданеллы, то мы с Лёвой черкнули тебе открытку. Бросили мы ее в городе Чанаккале. Это еще не так примеча-

тельно, как то, что на расстоянии 40 километров от Чанаккале находится небезызвестный город Троя. Там производятся раскопки. Мы туда ездили и видели много интересного. 16-го выплываем в Одессу. Если ты прийдешь туда весточку, то я буду страшно рад. Остановились мы в Рена palas. Довольно хорошая гостиница. Устал я от поездки здорово. Тянет на родину. Хочется отдохнуть. Целую тебя.

Д. Шостакович.

Привет Ирине Францевне.

Письмо на почтовой карточке.

93

7 [VII] 1935. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Доехал я вполне благополучно. Сегодня выехал на машине и через каких-нибудь 5 часов был уже в Поленове. Живу я здесь в 4-м корпусе. При комнате есть балкон. Дивный вид на Оку. Одним словом, бездна удовольствий. Портит погода. Холодно, дуют и льют без перерыва. Поленово напоминает сейчас пчелиный улей, в котором завелось 2 матки, а именно Е. К. Малиновская и В. И. Мутных¹. Первая (Малиновская) лишний раз доказывает справедливость пословицы «гони природу <...>, она влетит в окно». Эксдиректриса с достоинством несет свое звание эксдиректрисы. Прелюбопытный психологический этюд. Прелестных Тамары Бах² и Наташи Чудсон³ здесь нету. Жаль. Зато вместо них имеется некая Нина Иванова⁴ (не экс-секретарь), пылкая поклонница автора «Именин». В смысле коммунальных удобств здесь стало хорошо. Водопровод, канализация и электричество бодро действуют, чего нельзя сказать о моем желудке, который третий день не действует. Запор-с.

Явление грозное. По-видимому 1-й результат лечения у д-ра Бадмаева. Здесь также находятся С. С. Прокофьев и многие другие. Кормили сегодня вкусно и сытно. Надо надеяться, что и впредь будет так же.

Заходит солнце. Видно из моего окна. Снизу доносятся звуки прелюдии с-moll Шопена. Полный арсенал поэзии, а главное ни с чем не сравнимое чувство одиночества. Из-за него я прощаю холод, дождь, сырость, примиряюсь с отъездом из Ленинграда, примиряюсь с тем, что мой чемодан в кладовой, а кладовщик выходной и ушел вместе с ключами, прощаю замок и многое другое. Роскошный вид из окон успокаивает мою больную душу. Два слова о деле. Во-первых, обязательно пиши. Во-вторых, затронь в письме вопрос о ванной⁵. Водопроводчику за работу я уплатил. Сделал это по той причине, что не считаю допустимым, чтобы за это дело платил ты. Уплатил я ему сущие пустяки и очень прошу тебя принять от меня этот подарок. Меня интересует вопрос, окончил ли он работу, или получивши деньги исчез. Желаю тебе от души хорошей жизни. Не пей много. Кланяйся Ирине Францевне и обязательно пиши.

Твой Д. Шостакович.

Город Тарусса Серпуховского района. Поленово. Дом отдыха Большого театра.

¹ Мутных В. И., директор ГАБТа в 1935—1937 гг. В 1937 г. репрессирован.

² Неустановленное лицо.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Неустановленное лицо (в п. 95 — Н. П. Иванова).

⁵ Помогая Соллертинскому устроиться на новой квартире, ДДШ купил огромную чугунную ванну на ножках в виде львиных лап и установил ее за свой счет.

10 VII 1935. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Вот уже 3-й день моего пребывания в Поленове заканчивается. Пока скучаю. Сегодня принимал ванну (sic!). Все-таки гигантское завоевание поленовского строительства. Ввиду этого вспомнил тебя. Действует ли уже ванна? Очень меня этот вопрос волнует.

Сегодня приехала из Москвы Н. А. Смолич, супруга нашего общего друга Н. В. Смолича. Последний вчера благополучно отбыл в гор. Париж. Тебе шлет привет В. В. Небольсин. Он не без задней мысли удивлялся составлению сезона в Ленфилармонии¹. Погода немножко улучшилась. Хотя еще пронзительно холодно, особенно по вечерам. Хоть шубу надевай. В остальном все благополучно, хотя и не совсем сытно. Обед достаточен, а ужин и завтрак не по моему аппетиту. В состоянии моего здоровья наступил относительный перелом. Желудок хоть и неохотно, но начал действовать. С нетерпением жду тех дней, когда я смогу сказать: «Ну, теперь я вполне здоров». Это касается, впрочем, не только желудка. С тревогой думаю о будущей моей жизни. Пиши обязательно.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Соллертинский принимал активное участие в формировании концертных планов филармонии, и Небольсин, по всей видимости, хотел быть включенным в концертный сезон.

17 VII 1935. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Спасибо тебе за письмо. Как и все твои письма читаю с удовольствием и восхищением. Лишний раз я порадовался совпадению наших вкусов. Великий Семячкин произвел в свое время на меня сильное впечатление. Я даже вырезал эту статью с тем, чтобы по возвращении в Ленинград почитать ее с тобой и оказывается ты уже читал и отнесся к ней с тем же восхищением, что и я¹.

Вчера я получил телеграмму от Василия Евгеньевича² о том, что дельце прекращено и за отсутствием состава преступления все оправданы. Должен сказать, что это меня чрезвычайно обрадовало. Во-первых: справедливость восторжествовала, и во-вторых: я в этом деле был совершенно прав и до конца считал, что дела никакого нету, а есть фук³... или сильное недоразумение. По понятным причинам чувство радости уже исчезло:

Чем же отравлен сей сладостный миг?

Именно тем, что он цели достиг.

(А. Н. Скрыбин)⁴

Я счастлив что дело прекращено и горд своей позицией⁵. Мне кажется, что теперь надо сделать так, чтобы порок был бы наказан.

Здесь все время холодно и дождливо. Только сегодня наступило некоторое просветление. Я веду очень тихий образ жизни. Самое большее, что я себе позволяю, это по вечерам посидеть на скамеечке с Н. П. Ивановой и побеседовать о плохой погоде, о балете и т. п. Руку, которая по «энергии» тянется для совершения ущупа, немедленно тяну назад и прячу в карман. А матерьял для ущупа есть и Н. П. Иванова энергично действует в смысле вызывания реакции на ущуп. Обидно, что водопро-

водчик исчез. Это меня сильно огорчило. Впрочем надо надеяться, что рано или поздно ванна будет установлена. Ты ничего не пишешь о телефоне. Как обстоят дела на этом фронте? Случай со Стеничем⁶ меня потряс. Если он довел жену до самоубийства, то ему место в тюрьме. Если она самоубивалась лишь только потому, что он ее разлюбил и бросил, то она дура и может быть сволочь. Говорил я с Мутных. Он настаивает на моем переезде в Москву. Я не знаю, стоит ли. Видимо, в силу семейных обстоятельств придется.

Пиши обстоятельно.

Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

Р. С. Если не трудно, то узнай, уехала ли моя супруга в Опочку или нет.

¹ Имеется в виду Дрейден Симон Давыдович (1906—1991), театральный критик. С большой долей уверенности можно сказать, что ДДШ подразумевает его статью «Флетчер и Шекспир. На спектаклях МХАТ II» (Вечерняя красная газета. 1935. 4 июня), отражающую впечатления от двух спектаклей: «Испанский священник» Дж. Флетчера (постановка С. Г. Бирман) и «Двенадцатая ночь» В. Шекспира (постановка С. Г. Гиацинтовой и В. В. Готовцева). Статья, написанная ярко и увлеченно, интересна важной особенностью: она свободна от идеологической заданности.

² В. Е. Рафалович.

³ Словечко из лексикона Собакевича («Мертвые души», т. 1, гл. 5), использованное также в опере «Нос» (к. 8, интермедия).

⁴ Приведенное ДДШ двустипие А. Н. Скрябина из литературной программы «Поэмы экстаза» выглядит в издании так: «Но чем омрачен / Этот радостный миг? / Именно тем, / Что он цели достиг» (Скрябин А. Н. Поэма экстаза // Русские пропилеи. М., 1919. Т. 6: Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. С. 195).

⁵ Четыре дня спустя, 21 июля, ДДШ, сообщая матери в письме (№ 16827/71) о прекращении дела В. Е. Рафаловича, с воодушевлением писал, что гордится своим убеждением в положительном исходе и рад,

что по мере сил помогал Рафаловичу. Однако в 1938 г. Рафалович, будучи уже заведующим литературно-репертуарной частью МХАТа, был все же репрессирован и вернулся к театральной деятельности только в 1955 г.

⁶ Стенич (наст. фам. Сметанич) Валентин Осипович (1898—1939), переводчик, критик. Дебютировал как поэт в 1921 г. С 1923 г. переводил немецких, английских, французских писателей, преимущественно современных. Автор нового либретто оперы «Пиковая дама» для постановки В. Э. Мейерхольда (Малегот, 1935).

96

22 VII 1935. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Сегодня получил твое письмо с грустными известиями как-то: водопроводчик, телефон, Друскин¹ и Елдоша². Что касается до постановления, то как ни старался, не мог вспомнить, о чем ты пишешь. Насчет телефона даю совет: поговори с Яшей Смирновым. Упоминания в его статье отсутствия оперы Моцарта в театре им. Кирова дает тебе на это полное право³. И насчет ванны даю совет: либо жди меня, в 1-х числах августа я буду дома, либо обратись к какому-нибудь водопроводчику из Крестовского жилмассива. Что касается до М. Друскина, то тут дело сложнее. Во всяком случае «даю совет: не унывай»⁴. По правде говоря сей молодой человек и меня очень огорчает из-за упорной невозможности «сделать карьеру»⁵. Но наверное желудок его работает исправно, <нрзб.> надо и т. п. и т. п. Насчет Елдоши не сочувствую: ревность и порок и большое свинство. Радуюсь бурному росту композиторских кадров в лице В. Адлера⁶. Насчет моих огорчений⁷ особенно распространяться не буду, принимая во внимание твои. Иохельсону передай при случае, что я обязательно поеду на Сиверскую⁸. Насчет «и моего мнения» дело обстоит хуже. Г. Попов, которого я встретил

в Москве перед отъездом в Поленово, обещал мне дать свою партитуру с тем, чтобы облегчить мне принятие «и моего мнения», но обещания не выполнил до сих пор. По памяти мне трудно сделать «анализ», а хотелось бы пройти восторженно-критическим оком именно по партитуре⁹.

Очень я без тебя соскучился. Надеюсь, что в Сиверской славно время проведешь.

Очень меня огорчила смерть Натана Зархи¹⁰. Я немного знал этого человека и мне его очень жаль.

Не унывай.

Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Р. С. Передай привет Ирине Францевне.

Получил письмо от Домбровского. Он здоров и рвется на работу.

¹ Друскин Михаил Семенович (1905–1991), музыковед, музыкально-общественный деятель. Близкий друг Соллертинского. В 1924 г. окончил ГИИИ по разряду «история музыки» у Б. В. Асафьева, в 1925 г. — ЛГК (класс фортепиано О. К. Калантаровой). В 1930–1932 гг. занимался у А. Шнабеля в Берлине. В 1925–1935 гг. концертировал как пианист в СССР и за рубежом. С 1935 г. преподаватель ЛГК (с 1947 г. профессор).

² «Елдоша» — одно из прозвищ, которое ДДШ дал другу юности В. М. Богданову-Березовскому. Происходит от диалектного «елдыжить», «елдыжничать» — вздорить, придирается, затевать ссоры. Елдыга, елдыжник — сварливый, корыстный человек; слово может иметь и бранное значение (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 518). В связи с чем в данном случае подразумевается Богданов-Березовский, установить не удалось.

³ Смирнов Яков Александрович, партийный деятель. Курировал музыкальные, театральные учреждения и киноискусство Ленинграда. В 1927 г. временно исполняющий должность председателя Ленинградского пролеткульта, в 1930-е гг. работник культпросветотдела Ленинградского горкома и обкома ВКП(б). Подводя итоги театрального сезона в статье «Ленинградский театр на подъеме», Смирнов весьма критично оценил работу ГАТОБа. Среди текста, выделенного жирным шрифтом, там есть фраза:

«Достаточно сказать, что мы не имеем в этом театре ни одного произведения Моцарта» (Вечерняя красная газета. 1935. 13 июля).

⁴ Источник цитаты установить не удалось.

⁵ В эти годы М. С. Друскин сменил характер деятельности: видный пианист, пропагандист современной музыки, он переходит к музыковедческой исследовательской и педагогической деятельности. Одной из причин его ухода с концертной эстрады было то, что современная зарубежная музыка шельмовалась как безыдейно реакционное и буржуазное формалистическое искусство.

⁶ Адлер Валериан Адольфович (1897—?) — соученик ДДШ в консерватории (где учился в 1918—1924 гг.). По-видимому, в данном случае речь идет о его вступлении в ЛССК.

⁷ Вероятно, подразумеваются семейные неурядицы.

⁸ Сиверская — дачное место в Ленинградской области.

⁹ Речь идет, очевидно, о партитуре Первой симфонии Г. Н. Попова, которая вызвала споры в ЛССК, проходившие в отсутствие ДДШ.

¹⁰ Зархи Натан Абрамович (1900—1935), филолог, новеллист, оставивший литературу ради кинематографии, сценарист. Погиб в автокатастрофе.

97

27 VII 1935. Поленово

Дорогой Иван Иванович.

Получил твое письмо, в котором описание Сиверской брызжет бодрым оптимизмом. Здесь стоит скверная погода, и из-за этого скучновато. Хотя у работников балетного цеха находят и тут развлечения. Некоторые я тебе опишу.

Однажды ночью А. А. Царман-младший¹ бежит по комнатам своих друзей и созывает всех в свою комнату, в которой он живет с А. А. Царманом-старшим², своим отцом. В чем дело? Оказывается, что у А. А. Цармана-старшего появилась эрекция, каковой у него не было уже 27 лет. Потрясенный этим, он послал своего сына за друзьями, чтобы таковым показать этот редкий феномен.

Однажды днем одна из коз <...>. Событие маловыдающе-
еся, но один работник балетного цеха решил и это скромное
событие обыграть. Он собрал козье говно в мешочек из-под
конфет (как известно, козье говно своим видом напоминает
круглые леденцы) и стал делать вид, что поедает таковые, вы-
нимая их из мешочка. Подходит другой работник:

«Что ты ешь?»

«Конфеты»

«Угости»

«Пожалуйста».

Другой берет шарик в рот и восклицает: «Да ведь это же
говно». Первый замечает: «Какой ты догадливый!» Хохот при-
сутствующих не поддается описанию. В общем развлекается
народ.

В первых числах августа приеду в Ленинград, и в Сиверс-
кую. В Москве задержусь дня на два. А может быть и боль-
ше, в зависимости от возможности достать ж.-д. билет.

Очень я без тебя соскучился. Приеду, потолкуем.

Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

¹ Царман Александр Александрович (1908–2000), артист балета, с
1926 г. более 30 лет был солистом балета ГАБТа.

² Царман Александр Александрович (1873–1939), артист балета, ба-
летмейстер, композитор, педагог. По окончании Московского театраль-
но училища с 1890 г. работал в ГАБТе.

[30–31 X 1935. Москва]

<...> В силу моих демократических наклонностей решил по-
звать к себе малых сих и угостить рюмкой водки. Все они про-
делали большую работу над «Св. ручьем»¹. Настроение у меня

кисловатое, т. к. боюсь все же, что «Светлый ручей» слетит в скором времени. Я не говорил с тобой на эту тему в Ленинграде, т. к. не хотел огорчать своих родных, которые меня очень любят и огорчатся моим «провалом». На сегодня дела обстоят так: сегодня была первая репетиция со сценой и оркестром. Прошла очень хорошо. Все в восторге. Но червь сомнения терзает мою душу, и я готов «принять» снятие балета, каковое, убежден, состоится на днях. Очень прошу тебя не ускорять событий и нигде и никому не говорить об этом. Во всяком случае для меня это очень хороший урок. Думаю, что ты отлично понимаешь мое настроение. Я думаю, что тебе ясно, что «Светлый ручей» это моя позорная неудача. И что я отношусь к этому с самого начала именно так. Мне хочется только, чтобы ты поверил в это мое отношение и поверив, понял, и поняв простил. То что я мог делать во время «Болта» нельзя делать сейчас. И я отлично это понимаю и ругаю себя нещадно. Очень был бы я счастлив, если бы ты немедленно мне ответил на это письмо и успокоил бы мою мятущуюся душу. Только обойдись без нотаций. Это мне будет неприятно. Хотя я думаю, что ты, давно зная меня, понимаешь мое отношение к упомянутому выше opus'у.

<...> случае я твердо рассчитываю, что ты не оставишь меня в минуту жизни чрезвычайно трудную для меня, ибо единственный человек, дружбой которого я дорожу как зеницей ока, это ты.

Итак напиши мне ради бога.

Целую тебя. Твой Д. Шостакович.

P. S. Привет Ирине Францевне.

P. S. P. S. О разводе с Ниной не может быть и речи². Я только сейчас понял и раскусил, какая это замечательная женщина и как она мне дорога. Д. Ш.

Мой адрес: Москва 51. Большой Каретный пер., д. 17, кв. 110 тел. К 3-34-63.

Письмо в конверте с надписью «спешное», на штемпеле дата: «30—31 X. 1935. Москва». От большого, приблизительно в формат машинописной страницы А4, листа оторвано сверху около 1/4. Сохранившийся текст начинается с полуслова и прерывается при переходе на обратную сторону. В обоих случаях пропуск в тексте нами обозначен многоточием в угловых скобках.

¹ Речь идет о постановке «Светлого ручья» в ГАБТе (балетмейстер Ф. В. Лопухов, режиссер Б. А. Мордвинов, художник В. В. Дмитриев, дирижер Ю. Ф. Файер), премьера которой должна была состояться 30 ноября 1935 г.

² Повторный брак, заключенный ДДШ и Ниной Васильевной 23 марта 1935 г., не принес успокоения в их семейную жизнь: в течение ближайшего полугодия она была на грани разрыва.

99

17 XI 1935. Москва

Дорогой мой друг Иван Иванович.

Надеюсь, что ты получил телеграмму о том, что Шекспировская конференция состоится 25 ноября¹. Надеюсь, что мы с тобой здесь встретимся и побеседуем о том о сем.

Пока что кратко о моих делах. Сегодня была почти полная репетиция «Светлого ручья». Я просидел половину 1-го акта и ушел. Причину ухода сообщу ниже. Вечером сегодня я звонил Файеру² и спрашивал: как дела? По его словам и тону мне стало ясно, что дела неважные. Единственно, что вызывает у всех энтузиазм, это моя музыка. В общем, он придет ко мне в 12 ч. ночи и расскажет подробно. Звонил я также и Лопухову. Последний бодрым голосом сообщил: «Было 36 рабочих с моск. заводов. Они в восторге. Арканов³ категорически против спектакля. Мутных категорически за». В общем в 10 ч. вечера я буду у него и он мне расскажет подробнее. Мое мнение обо всем ты знаешь. Думается, что линия Арканова возьмет верх, т. к. его поддерживают «обиженные». 21-го придет смотреть «Светлый

ручей» И. А. Акулов⁴ и ему придется решать, быть или не быть «Светлому ручью». Таким образом, 21-го будет все ясно. Я отношусь ко всему этому спокойно. Считаю, что никакой кампании в «Известиях» и других органах печати поднимать не следует. Единственно, что меня терзает, это Лопухов. Его мне будет мучительно жалко, если все это предприятие лопнет. Он очень хороший человек и я его искренне люблю. Очень прошу тебя обо всем этом никому не говорить.

В Большом театре еще одно событие: снят с работы засл. арт. республики В. Л. Кубацкий. Снят как директор студии и как дирижер. Вчера я был у него и старался утешить.

Грустная часть письма закончена.

Сегодня я имел огромное счастье посетить заключительное заседание съезда стахановцев. Видел в президиуме товарища Сталина, т. т. Молотова⁵, Кагановича⁶, Ворошилова, Орджоникидзе⁷, Калинина⁸, Коссиора⁹, Микояна¹⁰, Постышева¹¹, Чубаря¹², Андреева¹³ и Жданова¹⁴. Слушал выступления товарищей Сталина, Ворошилова и Шверника¹⁵. Речь Ворошилова я был пленен, но после прослушания Сталина я совершенно потерял всякое чувство меры и кричал со всем залом «Ура!» и без конца аплодировал. Его историческую речь ты прочтешь в газетах, так что излагать тебе ее не буду. Конечно, сегодняшний день является самым счастливым днем всей моей жизни: я видел и слышал Сталина.

Съезд начался сегодня в 13 ч. Ввиду этого я ушел с репетиции из ГАБТа.

Кланяйся Ирине Францевне.

Крепко тебя целую.

Твой Д. Шостакович.

Р. S. Буду счастлив, если ты ответишь мне на это письмо. Адрес тот же: Москва 51. Большой Каретный пер. 17 кв. 110.

¹ Всероссийская научно-теоретическая конференция по Шекспиру, организованная Наркомпросом РСФСР и секцией драматургов Союза писателей, состоялась 25–27 ноября 1935 г. В ней принял участие И. И. Соллертинский. Среди материалов конференции в «Литературной газете» была напечатана его статья, где представлены основные положения сделанного им доклада. В конце статьи говорится, что советскими композиторами по шекспировской теме сделано очень мало. «Есть одно произведение, очень талантливое и очень яркое,— это музыка Шостаковича к шекспировскому „Гамлету“. Она отличается серьезными музыкальными достоинствами, но, увы, изъять ее из всей акимовской концепции чрезвычайно трудно» (Соллертинский И. Шекспир и музыка // Лит. газета. 1935. 4 дек.). Здесь имеется в виду постановка «Гамлета» с музыкой ДДШ в Театре им. Вахтангова (режиссер и художник Н. П. Акимов), премьера которой состоялась 19 мая 1932 г.

² Ю. Ф. Файер.

³ Арканов Борис Самойлович (?–1948), театральный деятель. В 1930-е заместитель директора ГАБТа.

⁴ Акулов Иван Алексеевич (1888–1939), государственный и партийный деятель. В 1933–1935 гг. прокурор СССР, с 1934 г. член комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б). «Светлый ручей» был им разрешен к постановке.

⁵ Молотов (наст. фам. Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986), государственный и партийный деятель. В 1930–1941 гг. председатель Совнаркома СССР; с 1926 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

⁶ Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991), государственный и партийный деятель. В 1935–1944 гг. нарком путей сообщения; в 1928–1939 гг. секретарь ЦК ВКП(б).

⁷ Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886–1938), государственный и партийный деятель. С 1930 г. председатель Высшего совета народного хозяйства, затем нарком тяжелой промышленности; с 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

⁸ Калинин Михаил Иванович (1875–1946), государственный и партийный деятель, с 1922 г. председатель ЦИК СССР; с 1919 г. член ЦК ВКП(б), с 1926 г. член Политбюро ЦК.

⁹ Коссиор, правильно — Косиор Станислав Викентьевич (1889–1939), политический деятель. С 1930 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

¹⁰ Микоян Анастас Иванович (1895–1978), государственный и партийный деятель. В 1934–1938 гг. нарком пищевой промышленности СССР, с 1923 г. член ЦК ВКП(б), с 1935 г. член Политбюро ЦК.

¹¹ Постышев Павел Петрович (1887–1939), партийный деятель. С 1934 г. кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

¹² Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939), партийный деятель. С 1935 г. член Политбюро ЦК ВКП(б).

¹³ Андреев Андрей Андреевич (1895–1971), государственный и партийный деятель. С 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б).

¹⁴ Жданов Андрей Александрович (1896–1948), партийный деятель; в 1934–1948 гг. секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1934–1944 гг. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

¹⁵ Шверник Николай Михайлович (1888–1970), государственный и партийный деятель. В 1930–1944 гг. 1-й секретарь Всесоюзного центрального совета профсоюзов.

100

21 декабря 1935 года. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Собирался я тебе писать в день приезда в Москву, но, как видишь, пишу только сейчас. Когда я уезжал в Москву, то меня пришел провожать А. А. Ашкенази. Он сообщил мне, что ты на меня сильно обижен за то, что я не «дал тона» на заседании ЛССК, когда чествовали Самосуда. С одной стороны ты прав, с другой не прав. Заседание было в целом посвящено чествованию Самосуда. Носило оно до чрезвычайности мазохистический характер. Не было композиторов. Даже Портовых¹ и Пустыльников² собралось не больше 10 человек. Умный Самосуд это конечно почувствовал и поэтому я в своем первом и последнем слове дал большую порцию сиропа. Без этого нельзя было объявлять о премировании Самосуда 5000 рублями. Кроме того, накануне мы с тобой вели беседу о стучании кулаком и решили это дело временно отложить. И наконец: если я в чем-либо перед тобой виноват, то прости. Впредь буду умнее и энергичнее. Я тебя считаю единственным музыкантом и кроме того личным другом и при всех случаях жизни я всегда и во

всем буду тебя поддерживать. Тем более, что твою линию я считаю абсолютно правильной.

Еще раз прошу тебя: не сердись.

А сиропа все же необходимо было подпустить. В Москве все по-прежнему. Вчера я был на просмотре кинофильма «Подруги»³. Мое место оказалось как раз рядом с местом н. а. р. Мейерхольда. Последний здоров и завистлив по-прежнему. Его корчило от успеха его бывшего родственника Л. О. Арнштама⁴. Встреча со мной была сухой и злобной. Видимо я много болтал последнее время о своих чувствах к нему, и это до него дошло. Удивительно также и то, что при встрече с ним я почувствовал невероятную ненависть и презрение. С ним была также и его кобыла Райх.

Крепко тебя целую.

Твой Д. Шостакович.

Привет Ирине Францевне.

¹ Портов Леонид (Израиль) Абрамович (1899—1942), композитор, соученик ДДШ по консерватории.

² Пустыльник Иосиф (Жозеф) Яковлевич (1905—1991), композитор.

³ «Подруги» — кинофильм Л. О. Арнштама (автор сценария и режиссер) с музыкой ДДШ.

⁴ Л. О. Арнштам был первым мужем Ирины Всеволодовны Мейерхольд, дочери режиссера.

101

29 XII 1935. Москва

Дорогой Иван Иванович.

С Новым годом, с новым счастьем. Желаю тебе всяческих благ и удач.

26 XII состоялась премьера «Леди Макбет».

Сошло благополучно. Пресса ругает Смолича и Дмитриева.

В Москве я пробуду еще долго. Примерно до половины января.

Сегодня пришло письмо от Гликмана¹, в котором он писал о пришибеевском тоне разговоров Иохельсона о моей квартире. И от слепца² также получил письмо. Мой ответ на эти письма: протелеграфировал Иохельсону, что от квартиры на Кировском проспекте отказываюсь³. Меня это, конечно, огорчает. Но я надеюсь, что рано или поздно мои семейные и бытовые дела наладятся. Из-за хамства нашего друга Вл. Еф. я пришел в грустное настроение. Ввиду этого решил написать тебе об этом, чтобы слегка излить душу.

Еще раз с Новым годом. Привет Ирине Францевне.
Твой Д. Шостакович.

¹ Гликман Исаак Давидович (1911–2003), филолог, музыковед. Завязавшиеся в конце 1930-х гг. дружеские отношения его с ДДШ продолжались до конца жизни композитора.

² В. Е. Иохельсон был почти слепым.

³ В ожидании первенца ДДШ с женой в январе 1936 г. переехал в небольшую квартиру № 4 в доме 14 по Кировскому проспекту. Согласно записям в домовых книгах, Дмитрий Дмитриевич и Нина Васильевна Шостаковичи выписались с Дмитровского переулка 21 января 1936 г.; прописку на Кировском они оформили 26 февраля 1936 г. Мать композитора Софья Васильевна осталась в трехкомнатной квартире в Дмитровском переулке.

102

6 I 1936. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Давно тебе не писал я, да и от тебя не имел известий. Как ты живешь? Как твое здоровье, настроение? Как Ирина Францевна? И что вообще делается в Ленинграде? Я живу тихо.

Премьера «Леди Макбет» прошла хорошо. Прошли 3 спектакля и все 3 с некоторым успехом. Мелик-Пашаев сделал все очень хорошо. На днях кончил 2-ю часть симфонии. Она имеет характер интермеццо в темпе Allegretto¹. Идет 10 минут. Я доволен как вышло. Сейчас я эту часть, по меткому выражению покойного Верхотурского, оркестрирую. Приеду домой, покажу. Приехать думаю числа 19-го.

Вчера «Тихим Доном»² открылись гастролы Малегота. Спектакль прошел с большим успехом. В беседе с Городинским выяснил его мнение. В общем отрицательное. Слова «неуч», «эпигон» и прочие так и слетали с его языка. Целую серию фраз он произнес так, что не будь это Городинский, я бы подумал, что их произносишь ты. Тем не менее на успех театра я радуюсь, хотя думаю, что знаков не дадут³. Сегодня «Комаринский мужик». Вот за что я сильно боюсь. Мих. театр здесь в полном составе, вплоть до девушки, заведующей менструациями, и курьерши Августы Ивановны.

Так вот, Иван Иванович. Напиши мне обязательно.

Твой Д. Шостакович.

№ квартиры теперь другой. Не 110, а 61⁴.

¹ Речь идет о Четвертой симфонии, до минор, соч. 43. В окончательном варианте темп II части — Moderato con moto.

² «Тихий Дон», опера И. И. Дзержинского, либретто Л. И. Дзержинского по мотивам одноименного романа М. А. Шолохова, посвящена ДДШ. Премьера 22 октября 1935 г. в Малеготе. Дирижер С. А. Самосуд, постановщик М. А. Терешкович, режиссер З. В. Закусова, художник Г. П. Руди.

ДДШ имел непосредственное отношение к этой опере. М. О. Штейнберг писал: «Опера приведена в человеческий вид большими усилиями Шостаковича и Самосуда. Благодаря этому все звучит удовлетворительно» (Шостакович в дневниках М. О. Штейнберга / Публ. и коммент. О. Данскер // Шостакович: между мгновением и вечностью. С. 115). Гастролы Малегота открылись спектаклем «Тихого Дона» в помещении филиала ГАБТа.

³ В обычаях эпохи было после творческих отчетов в Москве удостоивать их участников правительственными наградами и почетными званиями.

⁴ Указанные номера квартир относятся к адресу: Большой Каретный пер., 17 (см. пл. 98 и 104).

103

9 I 1936. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Получил сегодня твое письмо полное нездорового пессимизма. В Ленинград я приеду 14-го января. Следовательно смогу побывать на траурном вечере памяти А. Берга¹. Его кончина меня огорчила не меньше, чем тебя. Покойник был гением. Я уверен, что его оценят рано или поздно.

Мало меня порадовало твое намерение менять профессию. Этого делать не надо.

Устал я сильно, но не от банкетов [в] честь Малегота и мою собственную. Таких пока что не наблюдалось, за исключением одного (в мою честь). Устал я от волнений и от успеха «Тихого Дона». Хорошо, что ты выругал № «Советской музыки», посвященный ленинградцам². Видимо я сильно отстал от жизни и смотрел на все сквозь розово-городинские очки. Судя по твоим описаниям выступлений Кремлева³ и Хубова⁴, все обстоит по-прежнему. Во всяком случае очень тебе советую не менять профессии. Не только не советую, но и убедительно прошу. «Лингвистов много на Руси»⁵, а вот музыковедов очень мало. И терять такого, как ты это катастрофа. Ты делаешь свое большое и в высшей степени полезное дело. Ты напрасно думаешь, что ругаешься зря, и что свет клином сошелся на Яше⁶. Во всяком случае убедительно прошу тебя не менять профессию до моего возвращения. Я вернусь и мы вместе с тобой будем работать над перестройкой муз. фронта в Ленинграде, хотя бы на основе моих разговоров с Городинским, Динамовым и некото-

рыми другими товарищами. Поговорим с Иохельсоном, с Яшей. Во всяком случае «даю совет не унывать» etc.

Гастроли проходят хорошо. В «Вечерней Москве» появилась рецензия на «Тихий Дон». Е. Канн⁷ находит влияние Чайковского, Бларамберга⁸, Серова и Шостаковича. Попутно заявляет, что самое слабое в спектакле — музыка. Есть правда в «Вечерней Москве». Сегодня та же Канн пишет, что «Леди Макбет» Малегота лучше, чем филиала. Имей в виду, что Е. Канн выражает мнение почти всех московских. Меня травят за то, что я написал похвальную статейку об этом произведении⁹. Итак не забывай, что свет клином не сошелся... А Городинский прямо заявляет: «Неужели же в наше время можно писать языком Чайковского, Н. Феопемитовича Соловьева¹⁰ и т. д.» Твои слова.

Итак, еще раз прошу тебя: плюй на Хубовых и Кремлевых и не бросай музыку.

Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

¹ Берг Альбан (1885—1935), австрийский композитор. Дату и место проведения вечера его памяти установить не удалось.

² Имеется в виду № 11 журнала «Советская музыка» за 1935 г. Вероятно, в письме подразумевается высказывание Соллертинского в переписке с ДДШ, так как его печатных выступлений в прессе с критикой этого номера не обнаружено.

³ Кремлев Юлий Анатольевич (1908—1971), музыковед и композитор.

⁴ Хубов Георгий Никитич (1902—1981), музыковед. В 1931—1939 гг. заместитель главного редактора журнала «Советская музыка», в 1941—1945 гг. заместитель главного редактора и главный редактор музыкального радиовещания.

⁵ «Лингвистов много на Руси» — строка неприличного двустипия из собрания Вольной русской азбуки и Антологии русского срамословия — в духе Ивана Баркова (1732—1768), стихотворца-озорника, известного своими непристойными стихами и поэмами.

⁶ Яша — Я. А. Смирнов.

⁷ Канн-Новикова (урожд. Коган, по мужу Новикова) Елизавета Исааковна (1902—1975), музыковед. В рецензии на оперный спектакль «Тихий

Дон», отмечая теплоту, с которой выписаны автором образы Аксиньи и кучера Сашки, эмоциональную взволнованность ряда эпизодов, Е. И. Канн писала: «Но при всей своей бесспорной одаренности молодой композитор еще не успел выбиться на самостоятельную дорогу». Указывая на эклектизм музыки, рецензент считает, что «гораздо более серьезный порок оперы — недостаток в ней композиторской техники» (Канн Е. Две советские оперы: [О «Тихом Доне» и «Комаринском мужике»] // Веч. Москва. 1936. 7 янв.).

⁸ Бларамберг Павел Иванович (1841—1907), композитор, профессор Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества.

⁹ 5 января 1936 г. в «Вечерней Москве» была опубликована статья ДДШ «О „Тихом Доне“ И. Дзержинского». ДДШ пишет, что познакомился с этой оперой три года назад. «Несмотря на эскизность и незаконченность материала, чувствовалось большое дарование автора, впервые подошедшего к опере. <...> Главное, что бросалось „в уши“, — это некоторая неопытность в оркестровке». О своей поддержке и помощи автору в написании оперы ДДШ не распространяется, подчеркивая роль театра, и в частности С. А. Самосуда. Есть в статье и слова о «радости и гордости за советский музыкальный театр, который обогатился новым выдающимся произведением». Статья почти дословно повторяет текст, опубликованный ДДШ 15 октября 1935 г. в «Ленинградской правде» под названием «О „Тихом Доне“». (К постановке в Малом оперном театре).

¹⁰ Соловьев Николай Феопемптович (1846—1916), композитор, музыкальный критик.

104

28 I 1936. Архангельск

Дорогой Иван Иванович.

26-го я приехал в Москву. Вечером пошел к Гисину¹. Новостей никаких не узнал. Но пока я у него сидел, позвонил зам. директора ГАБТа Леонтьев² и потребовал меня сейчас же в филиал. Шла «Леди Макбет». На спектакле присутствовали товарищ Сталин и т. т. Молотов, Микоян и Жданов. Спектакль прошел хорошо. После конца вызывали автора (публика вызыва-

ла), я выходил раскланиваться и жалел, что этого не сделал после 3 акта. Со скорбящей душой вновь зашел к Гисину, забрал портфель и поехал на вокзал. Поезд отходит в 0.20. Ехали мы в мягком вагоне³. Условия антисанитарные. Приехали в 8 ч. утра. Встретил нас какой-то Николай Андреевич⁴. Очень долго продержал нас на вокзале. Затем привез на квартиру местного дирижера Виктора Карповича Субашиева⁵. Кубацкий пошел репетировать, а я сижу здесь и жду, пока отыщут временную жилплощадь. Холодно здесь до невероятности. В комнате Субашиева тоже очень холодно. Я дрожу от холода. Ругаю себя, что поехал сюда. В ужасе от того, что пробуду до 3-го февраля, т. е. 7 дней. О скверных условиях поездки и нахождения в Архангельске никому не говори, а то я боюсь, что родственники мои будут волноваться. Я уже простудился и кашляю. Кроме того у меня неважное настроение. Как ты догадываешься, думаю о том, что было с твоим тезкой и чего не было со мной⁶. Кроме того я огорчен случаем с моим бывшим увлечением⁷. Очень хочу тебя скорее повидать, дабы потолковать на разнообразные темы.

Приветствуй Ирину Францевну.

Твой Д. Шостакович.

Если напишешь в Москву (Москва 51 Большой Каретный пер. 17 кв. 61), то буду очень рад. Тебе кланяется В. К. Субашиев.

¹ С 1936 г. С. Н. Гисин работал в администрации ГАБТа.

² Леонтьев Леонид Сергеевич (1885–1942), управляющий балетной труппой Мариинского театра в 1920-х гг., заместитель директора ГАБТа в 1930-х.

³ На гастроли в Архангельск ДДШ отправился с В. А. Кубацким.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ В. К. Субашиев, симфонический дирижер в Архангельске, позднее (в 1941 г.) дирижер симфонического оркестра Государственной филармонии на Южном берегу Крыма в Ялте.

⁶ Очевидно, имеется в виду приглашение И. И. Дзержинского в ложу Сталина после спектакля «Тихий Дон».

⁷ Вероятно, речь идет о Е. Е. Константиновской — о ее исключении из комсомола и аресте по доносу.

105

[30 I 1936]¹

[Из] Архангельска. Константиновский [пр., 30, корп. 10, кв. 67]

Ничего не предпринимай до моего приезда приеду пятого [оборван край телеграммы] Шостакович

¹ Датируется в соответствии с телеграммой Л. Т. Атовмьяну, посланной Шостаковичем из Архангельска: «Спасибо за привет. Приеду пятого Шостакович» (Дмитрий Шостакович в письмах и документах. С. 229). Видимо, это ответ на предложение Соллертинского предпринять какие-то шаги в связи со статьей «Сумбур вместо музыки».

106

29 II 1936. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Тихо живу в Москве. Безвыходно сижу дома. Ожидаю звонка¹. Надежды на то, что я буду принят, у меня немного. Но все-таки надеюсь. Почти никого не вижу. Изредка заходит Шеба-лин. В «Советском искусстве» в отчете о дискуссии в «Доме кино» сказано: «Продолжение дискуссии 3 марта. Записались гг. Эйзенштейн, Александров², Шостакович³. Для меня это сообщение неясно. Во всяком случае в «Доме кино» я ни разу в жизни не был, следовательно о «записаться» не может быть и речи⁴.

В лице засл. деят. искусств проф. Голованова⁵ я нажил величайшего врага. Дело в следующем: я случайно попал на очередную репетицию «Тихого Дона». После репетиции Комитет по делам искусств, дирекция и др. обсуждали. Присутствовал и я. Выступил с критикой, и жестокой, засл. деят. искусств проф. Голованова⁶. С ним, буквально, сделалась истерика. Не дождавшись конца истерики я ушел. Это единственное «происшествие» за время пребывания в Москве. А вообще все время сижу дома. Жду.

Ну, будь здоров и благополучен, мой дорогой и единственный друг.

Привет Ирине Францевне.

Д. Шостакович.

¹ ДДШ обратился с письмом к Сталину, прося об аудиенции в связи с ситуацией, сложившейся после появления статьи «Сумбур вместо музыки».

² По-видимому, Александров (наст. фам. Мормоненко) Григорий Васильевич (1903–1983), кинорежиссер.

³ ДДШ приводит цитату из статьи А. Кут «Дискуссия в Доме кино» (Советское искусство. 1936. 29 февр.).

⁴ В заметке «Дискуссия в Доме кино», опубликованной в газете «Советское искусство» 5 марта, в перечне выступавших на заседании нет ДДШ.

⁵ Голованов Николай Семенович (1891–1953), дирижер, пианист, композитор; в 1919–1936 гг. дирижер ГАБТа.

⁶ В чем состояла критика ДДШ в адрес Голованова, можно только предполагать. Известно, что Голованов любил мощно звучащий оркестр и нередко вписывал в партитуры дополнительные инструменты.

9 VII 1936. Мельничный Ручей

Дорогой Иван Иванович.

Сообщаю тебе мой адрес. Мельничный Ручей¹, Набережная улица, дом Корунец. Сообщаю в надежде, что Ирина Францевна

и ты навестите нас. Если бы вы протелеграфировали день и поезд, то я выйду вас встретить. Очень прошу: соберитесь.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Мельничный Ручей — дачное место под Ленинградом.

108

3 IX 1936. Москва

Дорогой Иван Иванович.

Только что от меня ушли т. т. Кубацкий¹ и В. А. Семенов². Последний сообщил мне, что его освободили от работы в техникуме Большого театра. Долго пережевывали этот вопрос. Кубацкий рассказал любопытный эпизод из жизни нашего друга А. В. Гаук. А. В. Гаук, перед отъездом на Дальний Восток решил устроить свой творческий самоотчет перед оркестром Радиокomiteта. Он много говорил о своих творческих: пути, методе, работе и проработке произведений. Оркестранты подавали обидные для его самолюбия реплики, в результате чего А. В. упал в... обморок. Столь неудачно закончился этот творческий самоотчет. На место Семенова назначается Е. П. Гердт.

Завтра в 16 ч. 10 мин. уезжаю в Одессу. Кроме упомянутых выше никого не видел. Из Одессы буду писать. Пиши и ты.

Д. Шостакович.

¹ В это время В. Л. Кубацкий был дирижером и солистом-виолончелистом МГФ.

² Семенов Виктор Александрович (1892—1944), артист балета. В 1931—1936 гг. репетитор балетной труппы ГАБТа и педагог Московского хореографического училища.

5 IX 1936. Одесса

Дорогой Иван Иванович.

Сегодня вечером приехал в Одессу. Погода здесь прекрасная. Доехал совершенно благополучно. Остановились мы с Траубергом в «Красной» гостинице. В «Лондонской» нет номеров. Мне все равно. Здесь у нас огромный номер. 2 комнаты и ванна. Подробный адрес на обороте. Завтра хочу сходить в здешнюю оперу послушать «Аиду». Кроме того пополню образование «Наталкой-Полтавкой»¹ и «Запорожцем за Дунаем»². Оба эти произведения стоят в репертуаре. Пиши обязательно.

Привет Ирине Францевне. Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке с адресом отправителя: «Одесса. Гостиница „Красная“, № 12а. Д. Шостакович».

¹ «Наталка-Полтавка» — опера Н. В. Лысенко на текст И. П. Котляревского (1889).

² «Запорожец за Дунаем» — опера С. С. Гулак-Артемовского на собственное либретто (1863).

110

10 IX 1936. Одесса

Дорогой Иван Иванович. Как твои дела? Что новенького?

Мои понемножку. Живу займами, т. к. имею только извещение о том, что 8-го сентября [(sic! (а сегодня 10-е)] мне переведена по телеграфу (!!) 1000 руб. Задолжал я уже Траубергу, Козинцеву¹ и мн. другим. В ресторане пользуюсь кредитом, но ухо мое нервно ждет услышать: «...только зав. буфетом сказал, что в последний раз»². Ну ничего. Как-нибудь. Я думаю, когда получу деньги, то напишу злую заметку

в «За социалистическую связь»³. До тех пор воздерживаюсь. Нравы в Одессе прелестные. Так напр. я вчера ехал в трамвае. Вдруг трамвай остановился, но не на остановке, а между таковыми. «Вагман, вагман» (так только в Одессе зовут вагоновожатых) — закричала кондуктрисса (тоже), «что встал». Вагман отвечает: «Да вот в этом доме пожар». «Так подвинь же вагон, чтобы и пассажирам было видно», — крикнула кондуктрисса.

Вчера виделся с Бабелем⁴. Он представляет собой разительный контраст со своим творчеством. Он обладает приятным громким голосом, раскатисто и сочно смеется, в общем бодрячок, но очень приятный. Из общих знакомых тут очень много. Главным образом представители славной кинематографии. Сегодня уезжает отсюда артист Георгий Алексеевич Бонди⁵. Если с ним встретишься, то попроси его почитать его сочинения. Это талантливо до чрезвычайности.

Так вот протекают мои дни.

Хотелось бы получить от тебя известице.

Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

¹ Козинцев Григорий Михайлович (1905—1973), кинорежиссер. Тесные творческие отношения связывали его с ДДШ на протяжении четырех десятилетий. ДДШ писал музыку почти ко всем его фильмам, начиная от совместного с Л. З. Траубергом «Нового Вавилона» (1929) до «Гамлета» (1964) и «Короля Лира» (1971).

² Парафраз на реплику слуги из «Ревизора»: «Хозяин в последний раз уж дает» (д. II, явл. 6).

³ Газета с похожим названием — «Социалистическая связь» — действительно существовала (орган Наркомсвязи СССР, 1935—1941).

⁴ Бабель Исаак Эммануилович (1894—1940), писатель.

⁵ Бонди Георгий Алексеевич, правильно — Бонди Алексей Михайлович (1892—1952), артист, драматург, музыкант, художник. В 1923—1925 гг. выступал в театре «Кривое зеркало», в 1927—1934 гг. в Москов-

ском театре сатиры, в 1935—1941 и 1943—1949 гг. в Ленинградском Театре комедии.

111

10 IX 1936. Одесса

Дорогой Иван Иванович.

В предыдущем письме я писал тебе, что советую познакомиться с сочинениями артиста Бонди. Так его зовут не Георгий Михайлович, как я тебе писал, а Алексей Михайлович. Вот и все, что я хотел тебе сообщить. Живу все так же.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

112

15 IX 1936. Одесса

Дорогой Иван Иванович.

Что же ты ничего мне до сих пор не написал. Я написал тебе два письма и примерно 3 открытки (не считая этой). Нехорошо, плохо. Собираюсь дней через 10—15 быть дома. Здесь у меня все хорошо: жив, здоров, сыт, одет, обут.

Соберись и напиши, хотя бы коротко. Твои письма всегда меня радуют и по причине бойкости пера и вообще.

Передай пламенный привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

20 IX 1936. Одесса

Дорогой Иван Иванович.

Это письмо наверное придет незадолго до моего приезда. Я выезжаю 22-го и еду прямо в Ленинград. Следовательно скоро увидимся. Пребыванием в Одессе я недоволен: не выполнен план. Хотел я проехаться по морю до Батума и обратно, но номер не прошел по самой вульгарной причине. Карты. Я два раза здесь сел за игру и проиграл 1000 рублей. Столь феноменального невезения у меня не было за всю свою практику. Сейчас я опять остался без денег и решил в связи с этим ехать домой. В отношении других дел план выполнен. В здешней опере посмотрел «Аиду», «Запорожец за Дунаем», «Наталку-Полтавку» и «Лебединое озеро». Стало грустно. Кроме того побывал у проф. Столярского¹. Прелестный старичок. По инерции 2 мамыши показали мне двух даровитых детей. Вновь убеждаюсь, что Козинцев и Трауберг, несмотря на некоторые недостатки, очень хорошие люди. И наконец еще одно развлечение: вместе с оператором Москвиным² я занимаюсь чревоугодием. Ходим мы в Лондонскую гостиницу и заказываем разные феноменальные блюда. Заказываем за один день, накануне. Попутно пьем «джин», «виски», «шерри-бренди» и т. п. роскошные напитки, каковые в Лондонской имеются в изобилии. Это занятие доставляет мне массу удовольствия. Обжираюсь до опупения. Но встаю из-за обеда сытым по горло и в то же время легким как сон. Не чувствуется так называемая нездосытость (нездоровая сытость: вспомни пельмени в пашлычной), а чувствуется здосытость.

Сегодняшнюю ночь почти совсем не спал. Причина: жестокий минус вчерашней игры. Размышлял на тему: в карты не везет, в любви не везет, в профессии не везет. Ну вот, Иван Иванович. Скоро увидимся. Пусть Ирина Францевна скорее по-

правляется, дабы в день моего тридцатилетия я бы имел возможность приветствовать ее в числе небольшого количества гостей.

Жму руку.

Д. Шостакович.

¹ Столярский Петр Соломонович (1871—1944), скрипач, педагог, с 1920 г. преподаватель Одесской консерватории (с 1923 г. профессор). Основатель скрипичной школы-десятилетки для одаренных детей в Одессе (1933).

² Москвин Андрей Николаевич (1901—1961). Много лет работал с режиссерами Г. М. Козинцевым и Л. Э. Траубергом. Снимал фильмы с музыкой ДДШ: «Новый Вавилон», «Одна», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», «Овод».

114

7 V 1937. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Вчера мы благополучно добрались до Гаспры. Здесь очень хорошо. Первый раз вижу Крым в цветущем состоянии. Ведь через месяц начнет жечь солнце и вся богатейшая растительность засохнет и пожелтеет. А сейчас здорово.

Видели «Анну Каренину». Это великолепный, но несколько скучноватый спектакль. На другой день виделся с Хачатуряном¹ и Шебалиным и обедал у Хренникова². 1-й и 2-й с большой похвалой отозвались о моей новой симфонии³. 3-й же ознакомился с ней еще в Ленинграде и тоже похвалил.

Настроение у меня неважное из-за беды, свалившейся на Нину⁴. Она наружно спокойна, но я чувствую, какую она сейчас переживает драму. Вокруг нас веселые люди, она тоже пытается быть веселой, но страдание ее неописуемо. Ты может

быть поймешь ее состояние. Ты тонкий психолог и тебе наверное ясно, чем она сейчас страдает. А от нее страдаю и я. Это очень тяжело переживать.

Надо надеяться, что все обойдется. Очень тебя прошу мне писать. Если возможно то почаще. Я здесь наверное буду скучать.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

Р. S. Привет Ирине Францевне.

¹ Хачатурян Арам Ильич (1903—1978), композитор, музыкально-общественный деятель.

² Хренников Тихон Николаевич (р. 1913), композитор, музыкально-общественный деятель. В 1936 г. окончил МГК по классу композиции В. Я. Шебалина, учился также в классе фортепиано у Г. Г. Нейгауза. В 1948—1956 гг. генеральный секретарь Союза композиторов СССР, в 1957—1989 гг. первый секретарь правления СК, в 1990—1991 гг. председатель СК.

³ Речь идет о Пятой симфонии, ре минор, соч. 47 (1937).

⁴ Мать Нины, София Михайловна Варзар (1878—1957), астроном, была 13 апреля 1937 г. арестована якобы за принадлежность к фашистско-террористической организации. Согласно материалам дела С. М. Варзар в Управлении ФСБ РФ, 25 июня 1937 г. она была оправдана Спецколлегией при Леноблсуде и освобождена, 7 октября 1937 г. снова арестована, осуждена по статье 58-10 и отправлена в Караганду, в лагерь НКВД. Дело ее неоднократно пересматривалось, и 29 февраля 1940 г. она была освобождена за недоказанностью преступления. Лишь 8 июня 1957 г. дело по обвинению С. М. Варзар было прекращено.

115

14 V 1937. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Жду от тебя письма, да признаться потерял надежду такое получить. Получил ли ты мое от 7-го мая. Я живу хоро-

шо. Здесь тихо, погода прекрасная, кормят отлично. Скучаю без тебя. Встретил я здесь А. Н. Должанского¹. Он живет в санатории Рабиса «Хаста-Ага». Он сообщил мне, что ты отказался ехать в Кисловодск и что туда поедет он. Новостей у меня никаких нет. Газеты читаю только «Правду» и «Известия». Пиши, не забывай.

Привет Ирине Францевне.

Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Должанский Александр Наумович (1908–1966), музыковед. Окончил ЛГК в 1936 г., позднее аспирантуру. В 1937–1948-м и с 1954 г. преподавал в ЛГК теоретические предметы (полифония). В центре его научных интересов было творчество ДДШ.

116

26 V 1937. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Письмо я твое получил. Признаться, я здорово волновался, не имея от тебя известий и даже двинул тебе телеграмму. О Гауке я читал в случайно попавшем номере «Советского искусства»¹. Так ему и надо. 2-го июня мы выезжаем в Москву. Там пробудем пару дней и домой. Целую тебя крепко.

Д. Шостакович.

Привет Ирине Францевне.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Очевидно, ДДШ прочел материал «Об оркестре Союза ССР. Письмо в редакцию». Авторы письма — группа артистов Госоркестра, подводя итоги восьми месяцев, прошедших со времени создания этого коллектива, высказывают мнение, что его исполнительский уровень неудовлетворителен, программы концертов случайны, бессистемны. «Основная причина,—

пишут музыканты, — кроется в художественном руководстве. Ни для кого не секрет, что ответственной функцией главного и почти единственного дирижера и художественного руководителя не по силам А. В. Гауку». Статья завершается фразой: «Нынешнее художественное руководство не соответствует своему назначению. Его необходимо сменить» (Сов. искусство. 1937. 5 мая). Через две недели, 17 мая, в заметке «Оркестр СССР будет лучшим в мире» редакция газеты сообщила о большом количестве полученных писем симфонических коллективов, музыкальных деятелей и слушателей. Все они солидарны с мнением оркестрантов.

117

6 II 1938. Тбилиси

Дорогой Иван Иванович.

В общем в Москве оба исполнения 5-й симфонии прошли с большим успехом. Концерт 2-го февраля прошел лучше чем 29 января. Гаук дирижировал очень хорошо. Оркестр играл прекрасно. Газеты тепло приветствовали это произведение. Откликнулись Известия, Рабочая Москва, Советское искусство, Вечерняя Москва. В Известиях писал Гольденвейзер¹, в Рабочей Москве Браудо², в Вечерней Флиер³ и Нейгауз⁴ (каждый по столбцу) и в Сов. искусстве С. Острецов⁵. Правда пока еще не писала. 3-го числа мы с Ниной благополучно отбыли и 6-го благополучно прибыли в Тбилиси. На вокзале мы были встречены Б. А. Араповым⁶, Н. С. Рабиновичем⁷, директором Гофилета, председателем ГрССК и еще кем-то. Председатель ГрССК оказался композитором-орденоносцем тов. Киладзе⁸. Остановились мы в гостинице Ореант, № 15. Пока что приходим в себя после в общем довольно утомительного путешествия. На улице встретили Андрея Баланчивадзе⁹. Он скоро едет в Ленинград на постановку своего балета¹⁰. В общем народ здесь очень симпатичный, а город Тбилиси великолепен. Я не был здесь с 1931 года. Город прямо нельзя узнать. Улицы залиты асфальтом, по улицам ходят автобусы, троллейбусы. Несмотря

на начало февраля здесь очень тепло. Хожу без пальто. Трудно представить, что где-то есть снег, мороз. Здесь удивительно тепло и хорошо.

Ну вот пока и все.

Завтра играю свой ф. п. концерт. 13-го Н. С. Рабинович исполняет симфонию.

Крепко тебя целую.

Привет Ирине Францевне.

Д. Шостакович.

Р. С. В Ленинград я вернусь 19 II.

¹ Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961), пианист, композитор. О Пятой симфонии ДДШ он писал: «Симфония с первых же звуков захватывает слушателя своей значительностью и богатством музыкального содержания» (*Гольденвейзер А. Пятая симфония Шостаковича: Вчера в Большом зале консерватории // Известия. 1938. 30 янв.*).

² Браудо Евгений Максимович (1882–1939), музыковед. В своей статье о Пятой симфонии он пишет: «Масштабы ее поистине грандиозны. Симфония увлекает и покоряет с первых же тактов. Огромное мастерство служит в ней для выражения больших чувств и мыслей. <...> Новая симфония Шостаковича носит ярко выраженный автобиографический характер». Самой важной для понимания симфонии Браудо считает третью часть, в которой автор местами «говорит языком настоящей трагедии» (*Браудо Е. М. Пятая симфония Шостаковича // Рабочая Москва. 1938. 1 февр.*).

³ Флиер Яков Владимирович (1912–1977), пианист. В кратком отзыве о Пятой симфонии он писал: «По значительности и силе воздействия это, несомненно, лучшее произведение Шостаковича и одно из интереснейших явлений в советской музыкальной литературе» (*Флиер Я. Пятая симфония // Веч. Москва. 1938. 31 янв.*).

⁴ Нейгауз Генрих Густавович (1888–1964), пианист. В его отзыве говорится: «Глубокая, значительная, захватывающая музыка, классическая по цельности концепции, совершенная по форме и мастерству оркестрового письма, музыка, поражающая своей новизной и оригинальностью и в то же время как будто давно знакомая, так она правдиво и искренно повествует о человеческих чувствах» (*Нейгауз Г. Пятая симфония // Веч. Москва. 1938. 31 янв.*).

⁵ В большой статье, посвященной Пятой симфонии, Острецов не соглашается с мнением Нейгауза. Оценивая симфонию как первую идейно значительную у ДДШ, он посвящает большую часть статьи разбору «недостатков», связанных с «грузом прошлого». Так, автор полагает, что здесь «пафос страдания в ряде мест доведен до натуралистического крика и вопля». В III части он находит «созерцание, доведенное до отрешенности, стоящей на грани мистического экстаза» и «экспрессионистические „зигзаги“». Отмечая жизнеутверждающий характер финала, рецензент заключает: «Повидимому, для композитора истинный герой его симфонии — человек — еще не стал носителем героического начала» (*Острецов А. 5-я симфония Шостаковича // Сов. искусство. 1938. 2 февр.*). Характерно, что во всех рецензиях присутствует тема благотворного воздействия на творчество ДДШ критики его произведений в статьях «Правды».

⁶ Арапов Борис Александрович (1905–1992), композитор. С 1930 г. преподаватель ЛГК (с 1940 г. профессор).

⁷ В 1938 г. Н. С. Рабинович стал дирижером ЛГФ.

⁸ Киладзе Григорий Варфоломеевич (1902–1962), в 1937–1938 гг. председатель Грузинского союза советских композиторов, в 1938–1941 и 1945–1952 гг. директор Тбилисской консерватории.

⁹ Баланчивадзе Андрей Мелитонович (1906–1992), композитор. Закончил композиторский (класс А. М. Житомирского) и фортепианный (класс М. В. Юдиной) факультеты ЛГК в 1931 г.

¹⁰ Балет А. М. Баланчивадзе «Сердце гор» во второй редакции был впервые поставлен в Театре оперы и балета им. Кирова. Премьера 28 июня 1938 г., балетмейстер В. М. Чабукиани.

118

26 VI 1938. Ленинград
Дорогой Иван Иванович.

Очень мы все огорчены твоей болезнью¹. Поправляйся пожалуйста скорее, а то без тебя очень скучно. Позавчера приехал с дачи, получив от Ирины Францевны телеграмму о твоей болезни. Буду сидеть здесь, чтобы быть в курсе движения твоей болезни.

Жизнь течет нормально. Правда я почти все время сижу дома и никого не вижу. Премьера «Мятежа» прошла без особого успеха. М. Друскин в «Лен. Правде» пишет, что к числу побед Малого оперного театра «Мятеж» причислить нельзя². Сегодня приехала из Москвы моя мама. Она шлет тебе привет и пожелание скорейшего выздоровления.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

¹ Соллертинский провел 4 месяца в больницах — сначала им. Боткина, затем им. Эрисмана; врачи диагностировали тяжелую форму ангины, потом — дифтерию. Болезнь протекала очень тяжело и через некоторое время дала грозное осложнение: начался паралич ног, затем рук и наконец челюсти. Врачи серьезно опасались за жизнь больного. Пока посещения Соллертинского были строго регламентированы, ДДШ писал подробные и бодрые письма, которые охватывают первые два месяца болезни. Когда состояние больного улучшилось и посещения были разрешены, письма прекратились.

² Премьера оперы Л. А. Ходжа-Эйнатова «Мятеж» (либретто В. Н. Волженина и Б. П. Петровых по повести Д. А. Фурманова) состоялась 19 июня 1938 г. (дирижер Б. Э. Хайкин, режиссер И. Ю. Шлепянов, художник А. Ф. Босулаев). В рецензии на эту постановку М. С. Друскин расценил ее как неудачу: несмотря на талантливую и тщательную работу постановщика (особенно в массовых сценах), прекрасное оформление спектакля и ряд исполнительских достижений, в опере обеднено содержание повести. Либретто представляет собой разорванные эпизоды, музыка оперы «главным образом иллюстрирует действие, но не раскрывает драматургического содержания, сущности происходящих на сцене событий, отсутствует национальный колорит» (*Друскин М. «Мятеж»: Новая постановка Малого оперного театра // Лен. правда. 1938. 23 июня*).

119

28 VI 1938. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

Мы без тебя жестоко скучаем и ждем твоего скорейшего выздоровления. Во всяком случае из больницы нам

сообщили, что твоя болезнь протекает нормально и без всяких осложнений.

Жизнь идет однообразно, без происшествий. Чувствуется конец сезона. Впрочем в театре им. Кирова сегодня будет премьера «Сердца гор». Я вряд ли пойду, т. к. апатия у меня очень велика и мой интерес главным образом возбуждают футбольные матчи. А их за последние 6 дней не было ни одного.

Написал я 2-ю часть своего квартета¹. Вышла тема с тремя вариациями. Сегодня ко мне звонил корреспондент «Вечерней Москвы» тов. Дрискин (какая странная фамилия)², который спрашивал меня, что я хочу сказать своим квартетом. Гликман захворал гриппом. Ввиду этого мы с ним не встречаемся. В ССК запустение. Все разъехались в отпуск. Дуня³ единодушно избран депутатом в Верховный Совет РСФСР.

У моей сестры Зои открылся голос. «Выдающееся драматическое сопрано», как говорит ее учитель, берущий с нее 5 (пять) рублей в час. Дешево и сердито. Сегодня в ЛССК будет прослушиваться опера Красного-Адмони «Гробовщик» по Пушкину⁴. Предвкушаю удовольствие послушать остроты вроде «композитор угробил гробовщика».

Вот и все новости.

Поправляйся.

Д. Шостакович.

Р. С. К сожалению вчера узнал, что ты не получил ни одного моего письма. Я пишу каждый день и это меня огорчает.

¹ Имеется в виду Первый струнный квартет, до мажор, соч. 49.

² «Какая странная фамилия» — слова чиновника из гоголевского «Носа». Найти сведения о Дрискине не удалось.

³ Дуня — Дунаевский Исаак Осипович (1900—1955), композитор, музыкально-общественный деятель. В 1937—1941 гг. председатель ЛССК.

⁴ Адмони (наст. фам. Адмони-Красный) Иоганн Григорьевич (1906—1979), композитор. Как и ДДШ, был учеником М. О. Штейнберга (1927—1930). Его опера «Гробовщик» датирована 1935 г.

29 VI 1938. Ленинград
Дорогой Иван Иванович.

Сегодня Ирина Францевна сообщила мне, что у тебя нормальная температура и что болезнь протекает нормально. Очень меня это радует, хотя я был бы больше рад, если бы ты вовсе не хворал. Очень без тебя скучно.

Вчера я был на премьере балета Баланчивадзе «Сердце гор». Должен сказать, что многое из этого балета мне очень понравилось. Особенно хорош Чабукиани¹ как постановщик и как танцор. Остальные тоже хороши и в своем танцевальном мастерстве стоят почти вровень с т. т. Каганером и Лепестковым². Очень хороша, правда не везде, музыка. Присутствующая на премьере публика чрезвычайно огорчилась твоей болезнью. Тебе просили кланяться очень многие. Все очень огорчены твоей болезнью.

2-го июля я еду на дачу. Буду тебе писать оттуда, но по видимому мои письма оттуда будут мало интересны, т. к. жизнь там течет абсолютно без происшествий.

Только что звонила Ирина Францевна и сообщила, что ты хандришь. Зря это. Не волнуйся и не хандри, хотя я отлично понимаю, что болеть такой тяжелой болезнью тяжело и неприятно.

Поправляйся и не хандри.

Д. Шостакович.

¹ Чабукиани Вахтанг Михайлович (1910–1992), артист балета, балетмейстер. В 1929–1941 гг. в труппе ГАТОБа. В балете «Сердце гор» танцевал главную мужскую партию.

² Похоже, что ДДШ пародирует фамилии известных артистов балета Мессерера и Лопухова.

2 VII 1938. Ленинград
Дорогой Иван Иванович.

Ольга Пантелеймоновна¹ совершенно здорова и благополучна. Так мне сообщил вчера Гликман. В настоящее время она живет на даче, и поэтому я не смог с ней поговорить по телефону. За нее ты пожалуйста не волнуйся, а больше думай о себе. Выполняй аккуратно все указания представителей медицины и ты скоро будешь здоров и сможешь наслаждаться всеми радостями жизни. Мы без тебя скучаем. Сегодня я еду на три дня на дачу. 5-го вернусь и надеюсь, что узнаю о резком улучшении твоего здоровья. Вчера я видел Арапова и Попова. Мы встретились вечером у Н. В. Толстой² (экс-супруги А. Н. Толстого). Оба эти композитора шлют тебе привет и пожелание скорейшего выздоровления. Вчера я заходил в бухгалтерию Малегота и вернул 1000 рублей, коя числилась за мной по договору за оперу «Как закалялась сталь»³. Так понемногу расплачиваюсь с долгами.

Квартет мой застрял. 2 части написал и остановился. Попов пишет оперу «Александр Невский»⁴. Кочуров пишет оперу «Кутузов»⁵.

Когда будешь выходить из больницы, то сохрани дня на три бороду. Очень любопытно взглянуть на тебя с бородой.

Поправляйся.

Д. Шостакович.

¹ Маркова Ольга Пантелеймоновна (в первом замужестве Демянская), третья жена Соллертинского. После его развода с Ириной Францевной новый брак был оформлен 29 октября 1938 г. Именно Ольга Пантелеймоновна ухаживала за Соллертинским, когда он в июне 1938 г. заболел тяжелой формой дифтерии и попал в больницу.

² Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна (1888–1963), поэтесса.

³ «Как закалялась сталь» — один из неосуществленных проектов ДДШ. В основу оперы должен был лечь одноименный роман Н. А. Островского, посвященный судьбе убежденного большевика, отдавшего все силы и здоровье ради торжества коммунистической идеи.

⁴ «Александр Невский» — опера, которую Г. Н. Попов начал писать на либретто П. А. Павленко в ноябре 1938 г., но так и не закончил. Сохранился завершённый I акт и эскизы ко II. «Героическая интермедия» из этой оперы (1942) неоднократно исполнялась в симфонических концертах.

⁵ Кочуров Юрий Владимирович (1907—1952), композитор. Опера «Кутузов», видимо, осталась неосуществленным замыслом: в книге Е. А. Ручьевской «Юрий Владимирович Кочуров. Критико-биографический очерк» (Л., 1958) она не упомянута.

122

11 VII 1938. Ленинград,

Дорогой друг.

Ужасно грустно, что ты до сих пор хвораешь и тем самым тратишь столь необходимый и драгоценный для тебя отпуск. Во всяком случае, когда ты поправишься, тебе обязательно надо будет как следует отдохнуть.

Последние 5 дней я провел на даче. Там сочинил 3-ю часть квартета. Осталась 4-я.

В очередном номере журнала «Советская музыка», который я читал в ЛССК, некто Мартынов¹ с большой теплотой пишет о твоих брошюрах о Глюке и Мейербере. Попутно справедливо негодует по поводу того, что издательство выпустило эти брошюры недостаточно роскошно. Так я понял его реляции по адресу издательства. Тебе ежедневно шлют много поклонов. Редакции «Известий» и «Комсомольской правды» скорбят, что ты не можешь написать для них о «Сердце гор».

Ввиду летнего времени жизнь более или менее заглохла. Театры закрылись, в ССК не слышен стук бильярдных шаров.

Все отдыхают. Один ты хвораешь. Поправляйся скорее и от-
дыхай.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

¹ Мартынов Иван Иванович (1908–2005), музыковед. Его рецензия «Брошюры И. Соллертинского» была опубликована в «Советской музыке» (1938. № 6). Стремясь ободрить больного друга, ДДШ преувеличил радужный тон рецензии. Начав «за здоровье» («книжки написаны живо, ярко, увлекательно»), Мартынов далее переходит к недостаткам брошюр и далек от похвал в оценке брошюры о Мейербере. Он пишет: «В своем настоящем виде брошюра является лишь эскизом, который может заинтересовать читателя яркой фигурой Мейербера».

123

18 VII 1938. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

С «Гоголем в жизни»¹ произошла следующая история. Эта книга была в свое время взята Женей Шнеерсон² и до сего времени не возвращена. Мои усиленные попытки заставить ее дома не увенчались успехом. Завтра приму энергичные меры и на днях эта книга будет у тебя.

Последние 4 дня я провел в Даймише³. Жара нестерпимая. Вчера вернулся в город. Завтра предстоит интересный футбол. Динамо (Ленинград) Торпедо (Москва). Ужасно мне грустно, что ты хвораешь, и радостно, что ты себя чувствуешь лучше. По последним известиям ты уже требуешь настойчиво пищи. Это признак быстрого выздоровления. Скоро увидимся. Целую тебя крепко.

Д. Шостакович.

Р. С. Я закончил квартет.

¹ Речь идет о книге: *Вересаев В. В. Гоголь в жизни: Систематический свод свидетельств современников.* М.; Л., 1933.

² Шнеерсон Евгения Владимировна, близкая подруга Н. В. Шостакович.

³ Даймище — старинная деревня в Гатчинском районе Ленинградской области на берегу реки Оредеж, в былые времена — старообрядческий центр Санкт-Петербургской губернии. В Даймище бывал в гостях Шаляпин, в разное время отдыхали на дачах поэт Игорь Северянин, художник Петров-Водкин, написавший здесь картину «Купание красного коня».

124

27 VII 1938. Ленинград

Дорогой Иван Иванович. Сожалею, что за последние дни ты не получал от меня писем. Теперь я придумал другой способ. Письма буду пересылать на твою квартиру, а Ирина Францевна будет передавать их тебе. Я очень счастлив, что твоя болезнь подходит к концу, что ты поправляешься и вновь будешь вместе с нами. Я живу на даче. Время от времени приезжаю в город. Томлюсь от жары и скуки. Очень скучаю без тебя. Гликман уехал в Гагры¹. Вообще в городе почти никого нет. Разве что Круц² сидит в Союзе и вершит делами. На днях получил корректуру 5-й симфонии. Напечатано довольно прилично. Ошибок сравнительно мало. Закончил я также свой квартет, начало коего я тебе играл. В процессе сочинения перестроился на ходу. 1-я часть стала последней, последняя первой. Всех частей 4. Вышло не ахти как. Но впрочем и трудно сочинять хорошо. Это надо уметь.

В остальном жизнь течет без перемен. Мучительно хочется дождя. Поди, и ты томишься от жары. Больному ведь это гораздо тяжелее.

Поправляйся. Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Все тебе шлют привет.

¹ Гагры (с 1936 г. Гагра) — город в Грузии, приморский климатический курорт на Черном море, в то время — центр Гагрского района Абхазской АССР.

² Круц Лев Моисеевич (1907—1950), композитор, в этот период помощник председателя ЛССК.

125

25 VIII 1938. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

Вчера ночью я приехал в город. Ир. Фр. читала мне в телефон твое письмо. Много свалилось на тебя болезней. Однако рад констатировать, что ты неуклонно поправляешься. Завтра я пойду в консерваторию и поговорю с Загурским о твоём заявлении¹. Не сердись на меня, что я так мало тебе писал. Увы, жизнь моя течет без происшествий и поэтому буквально нечего писать. Я надеюсь, что ты, лежа в больнице, все же имел возможность читать газеты и поэтому ты в курсе текущей жизни. Из неприятных событий: у меня заболела домработница Феня². Ей надо делать операцию, которая продлится 1½ месяца. Зато есть и приятные события. Абонентам АТС несколько скрашена жизнь: соединение с абонентами на АТС ускорилось и кроме того при соединении номеров, начинающихся на А0 (т. е. трех- и четырехзначных, с нулем или двумя в начале после буквы «А») дается не один гудок, а множество: как будто соединяешься с абонентом АТС. Эта крупная победа на фронте связи меня радует. Вот и все.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

С 1-го сентября я плотно обосновываюсь в городе. Надеюсь, что тебя можно будет навещать.

¹ Загурский Борис Иванович (1901—1968), музыкально-общественный деятель, музыковед. В 1936—1938 гг. директор ЛГК. Предполагавшееся посещение ДДШ консерватории было связано с его твердым убеждением, что Соллертинскому после выхода из больницы потребуется длительный восстановительный период. Именно об этом он собирался говорить с директором консерватории.

² Кожунова Федосья Федоровна (?—1965), с 1935 г. домработница Шостаковичей.

126

4 I 1939. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

Мы уже стали беспокоиться, что от тебя так долго не было известий. Но, слава богу, ты доехал и мы радуемся. Судя по данному тобой адресу, ты поселился не в «Колхиде», а в ЖЭКваре¹. Что это? Дом отдыха или гостиница? Я очень рад за тебя, что ты отдыхаешь. Хотя немного беспокоюсь, что ты не очень-то умеешь это делать. Тем более, что погода, судя по твоим письмам, для купания и солнечных ванн не очень подходит. Новый год я встретил в Доме писателей. Было весело. Много встречающих перепились. Перепился и наш общий друг композитор Соловьев-Седой²; ему была бита морда. Вообще мордобой, блевотина, срывание всех и всяческих одежд³ с лиц дамского пола наличествовали в изобилии. Славно время провели... В 6 ч. утра мы были дома. Новый год не принес нового счастья мастеру спорта боксеру Рыкунову⁴. Последний после встречи Нового года шел домой. У него выиграла душа и он пошел крошить всех встречных. Делал он это превосходно (все-таки мастер) и попал в милицию. В спортивных кругах с вполне понятным любопытством ждут суда над ним. По линии кино проведено финансовое мероприятие. Кино освобождается от авторского гонорара. Горе мое, Дунаевского и мн. др. не поддается

описанию. Зато опера, драма, балет, эстрада продолжают оплываться по-прежнему. Радость И. И. Дзержинского⁵, Л. И. Дзержинского⁶ и мн. др. не поддается описанию.

Сегодня я еду в Москву. 6-го буду играть свой ф. п. концерт вместе с лауреатом Всесоюзного конкурса дирижеров тов. Кондрашиным⁷. Вот, собственно говоря, и все.

Дети мои поправились. В остальном все по-прежнему.

Твой Д. Шостакович.

Пиши. Объезжай окрестности. Отдыхай.

Привет Ольге Пантелеймоновне.

Нина кланяется.

Письмо с адресом получателя: «Гагры, Жоэквар, комната 76. Ивану Ивановичу Соллертинскому».

¹ Жоэквар, правильно — Жоэкварра, речка в Абхазии. Впадает в Черное море у курорта Гагры; образует замечательное по красоте и грандиозности Гагринское ущелье среди скал и обрывов, заросших густым лесом.

² Соловьев-Седой (наст. фам. Соловьев) Василий Павлович (1907—1980), композитор, музыкально-общественный деятель.

³ «Срывание всех и всяческих одежд» — парафраз на имевшее широкое хождение высказывание В. И. Ленина о художественном методе Льва Толстого: «срывание всех и всяческих масок».

⁴ Рыкунов Константин, боксер, чемпион СССР 1935 г. в среднем весе, призер первенства Ленинграда.

⁵ Дзержинский Иван Иванович (1909—1978), композитор.

⁶ Дзержинский Леонид Иванович (1891—1974), брат композитора и его постоянный либреттист.

⁷ Кондрашин Кирилл Петрович (1914—1981), дирижер. С 1934 г. дирижер оперных театров в Москве, Ленинграде. С 1937 г. дирижер Малегота, позднее ГАБТа.

11 I 1939. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

Очень приятно получать от тебя открытки. Приятно, что ты не забываешь меня. Я живу хорошо, только потомство все еще похварывает; то насморк, то кашель, но слава богу, в легкой форме. В конце декабря я побывал на премьере «Отелло». После премьеры, почувствовав сильное отвращение к спектаклю, выразил это отвращение в письменном виде в «Советском искусстве»¹. Моя заметка вызвала некоторый бум. Так, например, я получил сегодня анонимку с угрозой набить морду... «Кто писал не знаю, а я... читаю».

Директором консерватории назначен Паша Серебряков². Получил твою телеграмму из Гудаут. Как-то ты там провел время. Жива ли изобретательница новой нотной системы?³ Уже старушкой она была. В общем без тебя скучно. Возвращайся скорее.

Привет супруге от всех нас.

Д. Шостакович.

¹ В газете «Советское искусство» от 4 января 1938 г. была опубликована статья ДДШ «Премьера „Отелло“» (впечатления от спектакля 29 декабря 1939 г. в ГАТОБе им. Кирова). ДДШ начинает ее словами: «Моя любовь к этой опере и ее великому автору столь велика, что я шел на премьеру, как на большой праздник». Услышанное вынудило композитора взяться за перо. «Отрадное впечатление, — пишет он, — оставляет лишь один Н. К. Печковский, создавший запоминающийся образ Отелло. <...> В исполнении артиста Ульянова Яго превратился в мелкого „карликового“ злодея. <...> Такой Яго не убеждает и не страшит. Из-за того, что вокальные и актерские данные Ульянова совсем не подходят для Яго, многие прекрасные страницы партитуры совсем не дошли до слушателя. <...> Артистка Розен, исполнявшая партию Дездемоны, плохо поняла замысел Верди». Кроме песни об иве и молитвы все остальное в ее исполнении было, по мнению ДДШ, банально. «Роли Кассио и Родриго, —

пишет он далее, — также не нашли достойных исполнителей. Итак, один Печковский оказался на должной высоте. <...> Мне кажется, что одним из главных виновников неудачи спектакля является дирижер С. В. Ельцин. Видимо, страстная, трагическая партитура Верди оказалась „не по плечу“ дирижеру. Печать нестерпимого равнодушия лежит на дирижерской интерпретации гениального создания Верди. <...> Оркестр играл без всякого воодушевления, особенно плохо звучала медь (трубы и тромбоны). Потрясающие форшлаги медных перед ля-минорным тутти в первом акте были смазаны совершенно. Отвратительно прозвучали солирующие контрабасы в четвертом акте. <...> Скука, равнодушие, старческая расслабленность недопустимы при исполнении музыки Верди». ДДШ считает, что прямолинейность и резкость его суждений оправданы его большой огорченностью. В постскрипуме сказано, что работа режиссера (Печковский) и художника (Мельников) «к сожалению, не превышает уровня музыкального истолкования оперы».

² Серебряков Павел Алексеевич (1909—1977), пианист. В 1938—1977 гг. (с перерывом) директор (ректор) ЛГК.

³ Неустановленное лицо.

128

3 V 1939. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Спешу описать тебе разговор, имевший место в поезде Москва — Севастополь. Зайдя в купе, в котором ехал академик Волгин¹ с супругой, я обнаружил в нем гражданина, по виду доцента-орденоносца. Происходит следующий разговор:

Волгин: Познакомьтесь.

Доцент-орденоносец: Ляжка.

Я (не расслышав): Конечно, попадаютсЯ превосходные, плотненькие такие, но не скажите: хорошо сложенный бюстик или упругий животик тоже имеет свои прелести...

Доцент-орденоносец: Вы меня не так поняли: это моя фамилия Ляшкó. В ответ на это я произнес нечто жевакинское о мичмане Дырке². Таким образом я познакомился с писателем-

орденоносцем тов. Н. Н. Ляшко³. Доехали мы благополучно. Здесь днем жарко, вечерами прохладно. Чрезвычайно широк круг отдыхающих. Тут можно встретить за дружеской беседой и академика, и лейтенанта государственной безопасности и машиниста-кривоносовца⁴. Сегодня я живу второй день и слегка скучаю. Говорят, что поскушать полезно. Извини, что пишу на таком обрывочке. Здесь трудно достать бумагу, а я захватил с собой очень мало. Сегодня ездили в Ялту. Встретили там поэта-орденоносца Н. Н. Асеева со своей законной супругой. Хорошо было бы, если бы ты мне писал. Я пробуду здесь до 22-го мая.

Кланяйся Ольге Пантелеймоновне.

Крепко тебя целую.

Д. Шостакович.

¹ Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962), историк и общественный деятель.

² В «Женитьбе» Н. В. Гоголя один из женихов, лейтенант в отставке Жевакин, по поводу другого персонажа, Ивана Павловича Яичницы, пускается в рассуждения о «престранных фамилиях» и среди таковых называет мичмана по фамилии Дырка.

³ Ляшко (наст. фам. Лященко) Николай Николаевич (1884—1953), писатель, бывший рабочий.

⁴ Среди героев труда в 1930-е годы был Кривонос Петр Федорович (1910—1980), паровозный машинист, который в 1935 г. первым на транспорте увеличил форсировку котла, повысив этим вдвое техническую скорость грузовых поездов.

129

17 V 1939. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Спасибо тебе за письмо. Очень приятно было его почитать. Понравилось мне известие о юбиларе Асафьеве¹. Безусловно

достойна великих похвал та старательность, с которой он отмечает свой праздник. Мы живем хорошо, только немного скучаем. Я поеду домой или 22-го или 31-го. Погода здесь установилась хорошая.

Привет Ольге Пантелеймоновне.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ В газете «Советское искусство» от 27 апреля 1939 г. в информационной заметке «Юбилей Б. В. Асафьева» сообщалось: «28 апреля в зале Ленинградской консерватории состоится чествование народного артиста РСФСР, профессора-орденоносца Б. В. Асафьева в связи с 25-летним юбилеем его творческой деятельности».

130

23 V 1939. Гаспра

Дорогой Иван Иванович. Жажда приключений у меня взяла свое: 4-го июня в 7 ч. мы вылетаем из Симферополя, а в 18 ч. прилетаем в Москву. Не говори об этом никому, т. к. если об этом узнает моя мама, то она безумно перепутается. Но меня чрезвычайно пленяет быстрота передвижения, и я соблазнился. Цена та же самая, что и международный вагон 1-й категории.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

131

29 IV 1940. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Доехали мы благополучно. Здесь холодно и по правде сказать скучновато. Много проплогодней публики. В том числе и драматургов (Ромашов¹) и композиторов (Зиновий Компанеец²).

Солнца нет. Тучи, ветер, дуют. Сыро.

Я сижу и инструментую «Бориса Годунова»³. Чем дольше я над этим работаю, тем больше сомневаюсь в житейской целесообразности этой работы. Все меня будут за это ругать. И приверженцы Мусоргского и приверженцы Римского-Корсакова. Первые за то, что «посягнул»; вторые за нахальство, с которым я себя «противопоставил». И те и другие найдут бездну недостатков. Первые что не «вздерзнул», вторые что «извратил» и т. п. Большая пища для умов Хубова⁴ и Заславского⁵.

Но все-таки делаю и очевидно завтра закончу «Грановитую палату». От скуки и холода я здесь работаю все время и за вчерашний и половину сегодняшнего дня написал 16 страниц партитуры, что довольно много.

Останется последняя сцена — «Кромы». Пожалуй самая трудная сцена. В ней нужно добиться чего-то похожего на «Пожарище Руси»⁶, но у Мусоргского этот образ «не дожат».

Собирался 26-го апреля, будучи проездом в Москве, посмотреть премьеру «Семена Котко» Сергея Прокофьева. Однако не удалось, т. к. репертком еще не дал разрешения на эту постановку, очевидно по причине механистической замены немцев австрийцами⁷. Так объяснил мне в разговоре по телефону автор этой оперы.

Мне интересно знать, едешь ли ты в Москву на декаду Ленинградского искусства⁸. Был бы очень благодарен, если бы ты вкратце меня информировал о ходе этой декады и вообще писал бы мне. Помни, что мне здесь скучно, а твои письма получать всегда очень приятно.

Кланяйся Ольге Пантелеймоновне и Дмитрию Ивановичу⁹.
Обязательно пиши.

Д. Шостакович.

¹ Ромашов Борис Сергеевич (1895—1958), драматург, журналист, театральный критик.

² Компанеец Зиновий Львович (1902—1987), композитор, пианист. В 1930—1940-е гг. писал массовые песни, марши.

³ Новую инструментовку «Бориса Годунова» Мусоргского предложил сделать С. А. Самосуд, намеревавшийся поставить оперу в ГАБТе. По словам его вдовы Т. И. Самосуд, в то время ДДШ очень нуждался материально и дирижер хотел этим заказом ему помочь. Письма ДДШ к Самосуду, связанные с этой работой, опубликованы в сборнике «С. А. Самосуд: Статьи. Воспоминания. Письма» (Л., 1984. С. 176–180). Подготовка постановки оперы в инструментовке ДДШ дошла до стадии сценических репетиций (см. фото в фонде С. А. Самосуда — КР РИИИ, ф. 72, оп. 1, № 99), но началась война, а в 1943 г. Самосуд был снят с должностей главного дирижера и художественного руководителя ГАБТа.

⁴ ДДШ еще в 1934 г. высказывал опасение в письме к Л. Т. Атовмьяну от 24 февраля, что, «обозвав Хубова и Челяпова дилетантами, нажил в лице обоих жестоких врагов». ДДШ считал, что они рассуждают об опере, «не имея никакого понятия, что такое опера» (Дмитрий Шостакович в письмах и документах. С. 218).

⁵ Заславский Семен (Самуил) Аронович (1910–1978), музыкальный критик.

⁶ Что имеется в виду, установить не удалось.

⁷ Сюжет оперы «Семен Котко» (по повести В. П. Катаева «Я сын трудового народа») основан на эпизоде Гражданской войны, в котором принимали участие немецкие части, оккупировавшие Украину. После заключения в Москве 24 августа 1939 г. пакта Молотова — Риббентропа всем средствам массовой информации было дано указание демонстрировать по отношению к Германии дружеские чувства. В результате в либретто оперы пришлось срочно вносить изменение.

⁸ Декада ленинградского искусства и литературы в Москве проходила в мае 1940 г. В назначении Соллертинского сразу после этой Декады художественным руководителем филармонии сыграл решающую роль выдающийся успех ленинградцев, который сделал очевидным значение деятельности Соллертинского в ЛГФ.

⁹ Первое упоминание о сыне Соллертинских, родившемся 1 сентября 1939 г. Вопреки традиции рода Соллертинских давать первенцу имя Иван, сын был назван в честь друга Дмитрием. В день его рождения И. И. писал в дневнике, что этот трагический день (начало Второй мировой войны) для него стал счастливым. Впоследствии Д. И. Соллертинский — филолог по образованию, многолетний сотрудник Ленинградской (Петербургской) филармонии.

25 IV 1941. Гаспра

Дорогой Иван Иванович.

Погода не веселит. А кроме погоды здесь трудно отыскать источник веселья; я не пою, не танцую, следовательно веселиться мне трудно. Поэтому прошу тебя: повесели меня своими письмами. Мой адрес имеется на обороте. Посетил меня сегодня дирижер (*generalmusicdirector*¹ ялтинской филармонии) тов. В. К. Сибашиев. Он тебе известен и поэтому описывать его не буду.

Кланяйся супруге и детям².

Твой Д. Шостакович.

Пиши.

Письмо на почтовой карточке. Адрес отправителя: «Крым. Кореиз. Санаторий Гаспра». Адрес получателя: «Ленинград, Морской пр., 37, кв. 67». В конце 1930-х гг. дом, в котором жили Соллертинские, стал числиться не как № 30 по Константиновскому пр., а № 37 по Морскому.

¹ *Generalmusicdirector* (правильно *Generalmusikdirektor*) — музыкальный руководитель, главный дирижер (нем.).

² Имеются в виду сын Соллертинских Дмитрий и вошедший в их семью сын Ольги Пантелеймоновны от первого брака Демянский Кирилл Александрович (1933 г. р.), впоследствии тренер по мотоспорту.

29 VIII 1941. Ленинград

Дорогой Иван Иванович.

Мы собираемся выехать в Алма-Ата дня через 2¹. Все мы здоровы. Очень скучаю без тебя. Закончил 1-ю часть симфонии², с которой я тебя знакомил перед твоим отъездом. Надеюсь, что сумею тебя ознакомить с этим сочинением, когда оно будет готово целиком. Пиши мне по адресу Алма-Ата, до востребования.

Кланяйся Ольге Пантелеймоновне и детям. Крепко тебя целую. Нина кланяется. Пиши, не забывай.

Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке. Адрес отправителя: «Ленинград-101. Б. Пушкарская д. 59, кв. 5». Адрес получателя: «Новосибирск. Главный почтамт. До востребования. И. И. Соллертинскому».

¹ Почтовая карточка была послана вдогонку уехавшему 22 августа с филармонией в Новосибирск Соллертинскому до востребования, так как ленинградский эшелон был еще в дороге и будущий адрес Соллертинского никому не был известен. В Алма-Ату ДДШ собирался эвакуироваться вместе с Ленфильмом. Однако в день, когда была отправлена эта открытка, немецкие войска перерезали последнюю дорогу, соединявшую Ленинград с Большой землей, и кольцо блокады замкнулось.

² Седьмая симфония, до мажор, соч. 60.

134

28 X [1941. Куйбышев]

Телеграфируй Куйбышев областной востребования со мной Нина дети привет Шостакович.

Телеграмма из Куйбышева. Адрес получателя: «Новосибирск, ул. Романова, 35, кв. 50».

135

29 XI 1941. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович.

Вот уже больше месяца, как я живу в городе Куйбышеве и очевидно обоснуюсь здесь насовсем. Живем мы прилично. Имеем комнату в 22 метра, теплую. Нина и дети здоровы. Пока работать очень трудно, т. к. дети шумят и мешают, а лишать

их веселого детства, невозможно. Послезавтра будет ровно 2 месяца, как мы вылетели из Ленинграда. В Москве прожили до 15 октября, а с 22-го октября живем в Куйбышеве. Из наших общих друзей, кроме М. Б. Храпченко¹, здесь находятся: Оборин, Шлифштейн², Рабинович Д. А.³, Самосуд и многие другие. Недавно местная муз. школа поставила мне в комнату рояль⁴. Играем с Лёвой⁵ в 4 руки. Шебалин находится в Свердловске. Если это письмо до тебя дойдет, то напиши мне. Напиши о возможности моего приезда дней на 5—6 в Новосибирск. Безумно по тебе скучаю. Если получу от тебя ответ, постараюсь тогда сесть на самолет и прилететь к тебе. После очень плохого настроения, которое было у меня по прибытии в гор. Куйбышев, таковое (настроение) исправилось и стало не очень плохим. Скучаю без музыки, без друзей. 30 IX я закончил в Ленинграде 3-ю часть 7-й симфонии. А 4-я и последняя не выходит. Если пойдет, то и настроение станет лучше. Очень хочется иметь от тебя весточку. Как Ольга Пантелеймоновна, как дети? Напиши обо всем.

Крепко тебя целую. Твой Д. Шостакович.

Мой адрес Куйбышев областной. Ул. Фрунзе, 140, кв. 13.

¹ Храпченко Михаил Борисович (1904—1986), литературовед. В 1939—1948 гг. председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР.

² Шлифштейн Семен Исаакович (1903—1975), музыковед.

³ Рабинович Давид Абрамович (1900—1978), музыковед. С 1930 г. по окончании МГК (класс фортепиано К. Н. Игумнова) занимал руководящие должности в музыкальных учреждениях. В 1938—1943 гг. заведовал отделом газеты «Советское искусство» (с 1942 г. «Литература и искусство»).

⁴ Первой городской детской музыкальной школе пришлось освободить занимаемый ею особняк под госпиталь. Музыкальные инструменты, принадлежавшие школе, нужно было где-то размещать. Таким образом рояль оказался у ДДШ.

⁵ Лёва — Л. Н. Оборин.

10 XII 1941. Куйбышев
Дорогой Иван Иванович.

Наконец-то я получил от тебя открытку. Рад, что у тебя все благополучно и что сезон нашей дорогой филармонии проходит хорошо. Кланяйся пожалуйста от меня всем филармонистам и особенно Е. А. Мравинскому¹.

Я окончательно обосновался в Куйбышеве. Вчера я переехал в отдельную квартиру. До сих пор я жил в комнате, а сейчас у меня квартира из двух комнат и я чувствую себя в ней прекрасно². Очень много мне помогли с устройством в Куйбышеве в смысле жилья и снабжения М. Б. Храпченко и особенно Р. С. Землячка³, которая в высшей степени внимательно отнеслась ко всем моим нуждам. Нина, Галина⁴ и Максим⁵ здоровы и чувствуют себя хорошо, особенно дети. Такой у них счастливый возраст. Животики не болят, сыты, обуты, им тепло, поэтому для них жизнь прекрасна. Завидую я им. Если бы мне ихний возраст. Приступил я к сочинению 4-й и последней части 7-й симфонии. Из Ленинграда я вылетел налегке. Взял с собой лишь партитуру Леди Макбет, 7-ю симфонию и симфонию Стравинского (мое переложение и партитуру)⁶. Иногда с Обориным (он здесь) играем ее в 4 руки и поражаемся красотам этого сочинения. На днях в Куйбышеве образовался Союз Советских композиторов. Было избрано правление в следующем составе. Я (председатель), Д. А. Рабинович (зам. председателя), А. С. Оголевец⁷ (ответственный секретарь), С. И. Шлифштейн и С. А. Чернецкий⁸ (члены правления). В Ревизионную комиссию были избраны следующие товарищи: Солодухо⁹, В. В. Небольсин и Цфасман¹⁰. Сегодня будет первое творческое собрание. На этом собрании я буду показывать три части моей 7-й симфонии. Твой привет Самосуду я передал. Шлю ответный привет от него и от превосходнейшего человека, которого

ты, вероятно, помнишь, В. К. Владимиров¹¹. Вчера Додик Рабинович сообщил мне грустное известие: в гор. Чкалове скончался В. Е. Иохельсон.

Живу я тихо. Сажу большей частью дома и работаю. Вечером, да и в течение дня заходят друзья: Оборин, Рабинович. Играем в 4 руки, хотя нот тут очень мало. Пьем чаек и вспоминаем друзей. Чаще всего тебя и Шебалина. Расходимся довольно рано. Иногда лишь засиживаемся до часу, до двух. Мечтаем о возвращении домой, в свои родные города. Мечтаем до одурения и часто до слез. И я верю, что мы с тобой скоро будем дома и будем жить так же как и до отъезда. А пока я очень скучаю и прошу тебя: не забывай обо мне и пиши почаще. И пусть твои письма будут не только ответами на мои, а пусть будут писаться не в зависимости от получения моих писем. И я обязуюсь писать чаще.

Не знаю, сообщал ли я тебе, что во время путешествия из Москвы в Куйбышев, я потерял, или у меня украли, два чемодана со всей нашей одеждой и со всем бельем. Потеря весьма ощутительная. Кое как восстановил статус кво. Не собираешься ли ты приехать в Куйбышев? Приезжай и погости у нас. Получил недавно письмо от Гликмана из Ташкента¹². Дважды разговаривал с А. Л. Островским¹³. Он звонил сюда из Ташкента. Совет ехать в Ташкент, но мне не хочется. Здесь я кое-как устроен. Даже зарабатываю деньги выступлениями на радио. Кроме того деньгами меня снабжает Большой театр за «Бориса Годунова». Они мне должны за него довольно много и кое-как выплачивают. Имею даже возможность посылать переводы в Ленинград, маме. Она, а так же сестра Маруся¹⁴, остались там. Р. С. Землячка обещала помочь мне вытащить их оттуда.

Кланяйся Ольге Пантелеймоновне, Кире и Мите¹⁵. Крепко тебя целую.

Шостакович.

Мой новый адрес: Куйбышев областной, ул. Фрунзе, 146, кв. 9.

¹ Мравинский Евгений Александрович (1903–1988), с 1938 г. главный дирижер симфонического оркестра ЛГФ, которая во время войны была эвакуирована в Новосибирск.

² По воспоминаниям Ф. П. Литвиновой, бывавшей у Шостаковичей, в одной из комнат находились рояль и письменный стол, а в другой спали. Там стояли «четыре железные, просто спартанские кровати» (Литвинова Ф. Вспоминая Шостаковича // Знамя. 1996. № 12. С. 159).

³ Землячка (наст. фам. Самойлова, урожд. Залкинд) Розалия Самойловна (1876–1947), государственный и партийный деятель. В 1939–1943 гг. заместитель председателя Совнаркома СССР.

⁴ Шостакович Галина Дмитриевна (р. 1936), дочь композитора, впоследствии биолог.

⁵ Шостакович Максим Дмитриевич (р. 1938), сын композитора, впоследствии дирижер.

⁶ Имеется в виду Симфония псалмов Стравинского (1930), переложение которой для фортепиано в 4 руки ДДШ сделал в конце 1930-х годов, чтобы ознакомить своих студентов с этим сочинением.

⁷ Оголевец Алексей Степанович (1891–1967), музыковед.

⁸ Чернецкий Семен Александрович (1881–1950), военный дирижер, композитор.

⁹ Солодухо Яков Семенович (1911–1987), композитор. В 1937–1939 гг. преподаватель и заместитель декана МГК, одновременно консультант по творческим вопросам Главного Управления музыкальных учреждений.

¹⁰ Цфасман Александр Наумович (1906–1971), композитор, дирижер, джазовый пианист-виртуоз.

¹¹ Владимиров Владимир Константинович — театральный деятель. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. директор Государственного академического Малого театра, в 1940-е гг. руководитель лаборатории-мастерской советской оперы при ГАБТе.

¹² В Ташкент была эвакуирована ЛГК, где преподавал И. Д. Гликман.

¹³ Островский Арон Львович (1905–1985), музыковед, преподаватель (профессор) ЛГК по классу сольфеджио. С конца 1930-х до середины 1940-х гг. заместитель директора (ректора) ЛГК.

¹⁴ Шостакович Мария Дмитриевна (1903–1973), старшая сестра композитора, пианистка.

¹⁵ Кирилл и Дмитрий, пасынок и сын Соллертинского.

25 XII 1941. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Получил вчера твою открытку от 9 XII. Большое тебе спасибо за то что пишешь, и за подробный отчет о новосибирской жизни. Д. М. Персон¹, очевидно, рассказал тебе о том, что я живу в неважных условиях и т. п. Сейчас мне значительно лучше. У меня квартира из двух комнат со всеми удобствами (кухня, ванная, уборная и т. п.). Сам я питаюсь в столовой Совнаркома и питаюсь превосходно. Кроме обеда я имею там т. н. «сухой паек», в который входят много необходимых продуктов питания (масло, сахар, колбаса, молоко). К сожалению несколько хуже приходится моим иждивенцам, которые питаются рынком. На рынке есть все, но за соответствующую и довольно дорогую мзду. Деньги я зарабатываю следующим образом. 1) Большой театр выплачивает мне свой долг за «Бориса Годунова». 2) Радиокomiteт, где я выступаю 6—8 раз в месяц, также оплачивает эти выступления. 3) Комитет по делам искусств заключил договор на 7-ю симфонию и выдал часть суммы. Кроме того Музфонд выслал эвакуационные в размере 1600 рублей. Таким образом я здесь обеспечен жильем и едой. Квартира у меня довольно приличная и в ней имеется рояль, который мне любезно предоставила местная музыкальная школа. Очевидно завтра, или послезавтра закончу партитуру симфонии. У меня имеется следующий проект. Хочу съездить дней на 10—12 в Новосибирск. Во-первых мне очень хочется повидать тебя, во-вторых послушать нашу филармонию и симфоническую музыку, каковая в Куйбышеве отсутствует. Тоска по музыке дошла до того, что я почти ежедневно бегаю к моим соседям Литвиновым (семья М. М. Литвинова²) и они любезно, уже в который раз, заводят патефон и ставят Es-dur-ную симфонию Гайдна. Больше у них ничего нет³.

День я провожу однообразно: встаю рано и работаю часов до 4-х. Затем иду обедать. По возвращении опять работаю. Вечером заходит кто-нибудь. Иногда с Лёвой Обориным играем в 4 руки. Писал я тебе довольно много и часто. Очень жалко, если ты не получаешь моих писем. Без тебя я очень скучаю.

Крепко целую. Д. Шостакович.

Все мои тебе и твоему семейству шлют привет.

¹ Персон Давид Михайлович (1893—1987), музыковед.

² Литвинов Максим Максимович (наст. фам. и имя Валлах Макс) (1876—1951), государственный и партийный деятель, дипломат. В 1941—1943 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР и одновременно посол СССР в США. Семья М. М. Литвинова — его дочь Татьяна Максимовна с мужем, скульптором И. Л. Слонимом, и невестка Флора Павловна Литвинова с сыном Павликом. Сам М. М. Литвинов с женой находился в США.

³ По словам Ф. П. Литвиновой, она привезла с собой в Куйбышев любимые пластинки мужа: симфонии Моцарта, Гайдна, Бранденбургские концерты Баха. Она вспоминала, как ДДШ, сидя на матрасике, на котором обычно играл ее сын Павлик, поставил 41-ю симфонию Моцарта, «Юпитер» (см.: *Литвинова Ф.* Вспоминая Шостаковича. С. 162).

138

4 I 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Сейчас 23 часа по московскому времени, 24 по местному. Только что зашла швейцариха из дома 140 по ул. Фрунзе, где я жил раньше, и зашла сюда, дабы передать мне письмо от тебя, прибывшее по старому адресу. О своем переезде на новую квартиру я уже тебе писал. Однако, если те письма до тебя не дошли, то сообщаю об этом вновь вместе с адресом: Куйбышев областной. Ул. Фрунзе, д. 146, кв. 9. О тебе и о филармонии недавно мне много рассказывал прибывший сюда А. В. Солодовников¹. Я живу здесь в прилич-

ных условиях. Квартира у меня отдельная, из двух комнат, со всеми удобствами. 27 XII 1941 года закончил 7-ю симфонию. 3 части вышли удачно. 4-я часть пока еще совсем свежа и поэтому достаточно критически отнестись к ней не могу, но как будто бы тоже удачно. Первые три части (особенно 1-я и 3-я) выдержали испытание временем и продолжают мне нравиться и сейчас.

Здесь музыканты высоко оценивают этотopus, хотя и считают, что в нем имеются некоторые недостатки, правда, не существенные. Напр. Самосуд считает, что в 4-й части не хватает хора и солистов и что из-за этого обстоятельства ее будет трудно слушать, принимая во внимание, что первые три части длятся 52 минуты. Возможно, что он прав. Некоторые организации (Комитет по делам искусств, Оргкомитет Союза Советских композиторов, Куйбышевский Союз Советских композиторов) выдвинули 7-ю симфонию на соискание Сталинской премии. Безумно хочется показать это сочинение тебе и послушать его под управлением Мравинского. Однако боюсь, что скоро это сделать не удастся. Комитет форсирует ее исполнение и уже приступил к переписке. Дирижировать будет Самосуд.

Все мои здоровы. У меня явно не в порядке нервная система. Частенько, ночью, страдая от бессонницы, начинаю плакать. Слезы текут обильно и сдерживать их не представляется никакой возможности. Нина с детьми спит в другой комнате и поэтому я им не мешаю. Очень часто думаю о тебе и твоего общества мне явно не хватает. Возможно, что соберусь с силами и приеду на несколько дней в Новосибирск. Без симфонической музыки безумно скучаю. Когда читаю твои письма, то прямо слюни текут от аппетита. В ближайшее время думаю полечить нервы, а то становится трудно. Очень заботит меня судьба мамы и Маруси, оставшихся в Ленинграде. Я много хлопочу о них, чтобы их привезли сюда, но пока безрезультатно. Известия от мамы приходят редко и неаккуратно. Я посылаю ей деньги

и пока не имею от нее подтверждений на сей счет. Судя по твоим письмам, ты живешь прилично и настроение у тебя хорошее. Дай тебе бог и впредь так чувствовать себя. Я же чувствую себя плохо, очевидно из-за волнений за своих, из-за некоторого переутомления (симфония) и по целому ряду причин. В целях пропитания подписал договор с местным театром муз. комедии на написание оперетты «Табачный капитан», текст некоего Николая Альфредовича Адуева², друга и сообладателя Энтелиса³ (Н. А. Адуев женат на Вере Исааковне⁴, коей в свое время имел счастье обладать Л. А. Энтелис, ныне находящийся на фронте). Сегодняшний вечер у меня проходит сравнительно тихо. Нина ушла в гости к Вильямсам (художник с супругой Аннусей)⁵. Ко мне заходил лишь Н. В. Федюшов⁶, очень милый человек, работающий в «Известиях», с которым я познакомился в Куйбышеве. Обычно же вечерами у нас всегда бывает много народу. Наиболее частые наши гости это Л. Н. Оборин, Додик Рабинович с супругой (вчера уехавшие в Москву), Н. Т. Канин⁷, Сосо Бегияшвили⁸ и Отар Канделаки⁹ (оборинские приятели, которых он привел с собой однажды на манер братьев Попова¹⁰ и оказавшихся очень славными людьми), П. В. и А. С. Вильямсы, несколько хористок из ГАБТа, скульптор И. Л. Слоним¹¹ с супругой Татьяной Максимовной Литвиновой и др. Так что мы не скучаем. Завелись и друзья и знакомства. Но все это не то. Много бы я отдал, чтобы посидеть с тобой вечеров за бутылкой кахетинского, или даже без бутылки... Однако приходится терпеть и ждать. Сегодня прошел слух, что С. И. Шлифштейн едет в Новосибирск. Если это так, то он повезет это письмо. Завтра выясню. Ну вот, дорогой друг, описание нашего житья-бытья. Пиши почаще. Кланяйся Ольге Пантелеймоновне и ребятишкам. Радуюсь, что мой тезка начинает разговаривать. Мои понемножку растут и к счастью здоровы и сыты. Кланяйся всем, особенно Мравинским. Кланяйся также и Свиридову¹². Сообщи ему мой адрес и попроси его мне написать.

Крепко тебя целую, твой Д. Шостакович.

¹ Солодовников Александр Васильевич (1904–1990), театральный критик, административный деятель. В 1938–1945 гг. начальник Главного управления театров Комитета по делам искусств при Совнарком, заместитель председателя этого комитета.

² ДДШ, не удовлетворенный началом работы над опереттой, попытался расторгнуть договор, чему всемерно противился автор текста, писатель Николай Альфредович Адуев (1895–1950). Спустя несколько месяцев, судя по письму ДДШ к М. Б. Храпченко от 4 июня 1942 г. (РГАЛИ, ф. 2894, оп. 1, ед. хр. 633, л. 5), ДДШ все еще вел борьбу за расторжение этого договора. В том же 1942 г. оперетта «Табачный капитан» с текстом Н. А. Адуева и музыкой В. В. Щербачева была поставлена Московским театром оперетты в Новокузнецке.

³ Энтелис Леонид Арнольдович (1903–1978), музыковед, лектор, критик.

⁴ Вера Исааковна — первая жена Л. А. Энтелиса, музыкант.

⁵ Вильямс Петр Владимирович (1902–1947), театральный художник. С 1937 г. художник, в 1947–1947 гг. главный художник ГАБТа. Вильямс Анна Семеновна — его жена.

⁶ Федюшов Николай В. (?–1966), журналист. Последние 15 лет жизни работал в газете «Красное знамя» во Владивостоке. Судя по хранящемуся в семейном фонде ДДШ письму Федюшова, написанному незадолго до смерти, его взаимоотношения с ДДШ в период жизни в Куйбышеве и в нечастые встречи более поздних годов были проникнуты взаимной искренней симпатией (об этом свидетельствует и письмо вдовы журналиста Н. Р. Федюшовой-Коварской от 19 декабря 1966 г., также хранящееся в фонде).

⁷ В августе 1942 — апреле 1945 г. Н. Т. Канин был директором Академического театра драмы им. А. С. Пушкина, находившегося в эвакуации в Новосибирске.

⁸ По свидетельству И. Д. Гликмана, Сосо Бегиашвили когда-то учился в ЛГК, перед войной занялся хозяйственной деятельностью, был человеком авантюрного склада (см.: Письма к другу: Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману / Сост. и коммент. И. Д. Гликмана. М.; СПб., 1993. С. 36).

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ Четыре брата композитора Г. Н. Попова — Сергей, Борис, Николай и Александр — были ему родными лишь по матери.

¹¹ Слоним Илья Львович (1906–1973), зять М. М. Литвинова. Автор скульптурного портрета ДДШ (1942), для которого тот ему позировал в Куйбышеве в 1942 г. «Один из авторских бронзовых портретов Шостаковича находится в Третьяковской галерее, другой в Ленинградской консерватории» (Литвинова Ф. Вспоминая Шостаковича. С. 159).

¹² Свиридов Георгий (Юрий) Васильевич (1915–1998), композитор, музыкально-общественный деятель. Поступил в ЛГК в 1936 г. (класс П. Б. Рязанова). С 1937 г. до окончания (1941) занимался у ДДШ.

139

18 II 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Почти полгода прошло с того дня, как я провожал тебя в Новосибирск. С вокзала, помнится мне, я пошел пешком. Идя домой, размышляя о том, что грустно мне было с тобой разлучаться, что вряд ли мы скоро увидимся. И вот вчера мы с тобой беседовали по телефону. Как ты, наверное, помнишь, слышимость была превосходная. Обязательно буду тебе опять звонить. Единственно мне неприятно то обстоятельство, что у тебя во время нашей беседы было почти три часа ночи, и я лишил тебя столь драгоценных в наши дни моментов (часов или минут?) сна. Уже днем 17 II мне было приятно узнать, что повестку с вызовом на станцию тебе уже вручили, что ты обо мне вспомнил. В 22 ч. 30 минут по моск. времени я пошел этажом выше, в квартиру Литвиновых, где есть телефон, и сел играть с Татьяной Максимовной и ее супругом Ильей Львовичем в пятьсот одно. Затем раздался телефонный звонок и после нескольких «алло» я услышал твой голос, который не слыхал с 21 (если не ошибаюсь) августа 1941 года...

Прежде всего о деле. Постановление СНК о квартирах эвакуированных граждан, касается тех граждан, предприятие коих выехало на новое постоянное место работы. Если же Лен. филармония выехала не навсегда из Ленинграда, а имеет быть

возвращенной обратно, то квартиры ее сотрудников сохраняются. Если же базой для филармонии стал Новосибирск на постоянное время, то советую тебе поступить с лично принадлежащим тебе имуществом по одному из трех указанных способов (продажа, передача родственникам или знакомым, доставка за гос. счет на место твоего нового постоянного жительства)¹. Такое мнение существует здесь в кругах ГАБТа (Самосуд, Леонтьев и др.) Упомянутые т. т. шлют тебе привет, равно как и превосходнейший, творчески горящий начальник творческой мастерской, В. К. Владимиров. Большой привет шлют тебе П. В. и А. С. Вильямсы. Вторая (Аннуса) вчера, во время нашего с тобой разговора, сидела в моей квартире и охраняла сон моих детей. Нина была на концерте Гилельса² и Ойстраха. Аннуса просила передать тебе свой привет, что я забыл проделать. Т. М. Литвинова просила узнать у тебя, не встречаешься ли ты с некоей Любой (фамилию позабыл)³ и если встречаешься, то попроси ее (Любу) написать ей (Тане) письмо. Забыл я тебя спросить, как ты и твоя семья питаетесь, как ты зарабатываешь? Мы стали кормиться несколько хуже. Но в общем сыты. Гликман, с которым я разговаривал несколько дней тому назад, сообщил, что он сидит на пище святого Антония. Дорогой Иван Иванович, крепко тебя целую. Пиши. Правда, письма ходят мучительно долго. Если вздумаешь звонить, то вызывай меня на междугородную, т. к. может быть Литвиновы уедут. А если они не уедут, то я всегда смогу перевести разговор к ним на квартиру. От междугородной я живу в трех минутах ходьбы. Привет Ольге Пантелеймоновне и детям. Д. Шостакович.

[Сверху страницы:] Здесь совсем нет конвертов и открыток. Из-за этого несколько затруднена возможность корреспонденции.

¹ Постановление СНК СССР «Об освобождении жилой площади местных Советов и предприятий, занимавшейся ранее рабочими и служащими,

эвакуированными на Восток» было опубликовано 17 февраля 1942 г. в «Правде». ДДШ не совсем точен, разъясняя Соллертинскому это постановление. Оно фактически трактовало эвакуацию на Восток как переезд на новое постоянное место жительства. Жилая площадь эвакуированных поступала в распоряжение исполкомов местных Советов трудящихся, а личное имущество, оставшееся в квартирах эвакуированных, по их желанию могло быть передано родственникам, проживающим в городе, либо продано через комиссионные магазины по их поручению, либо доставлено за счет государства по новому месту жительства.

² Гилельс Эмиль Григорьевич (1916–1985), пианист.

³ Неустановленное лицо.

140

8 III 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Вчера вечером я получил от твоей сестры Е. И. Соллертинской¹ письмо, адресованное на Большой театр. Она очень просила меня сообщить все, что я о тебе знаю. Я это немедленно проделал. Сообщаю также тебе ее адрес: Куйбышевская область, с. Шигоны, Райплан. Е. И. Соллертинской. Узнав твой адрес, она наверное сама тебе напишет о себе. О своей жизни она ничего не пишет. Спрашивает только о тебе. Живем мы хорошо. 5 III была исполнена моя 7-я симфония. Кроме симфонии ничего не исполнялось. После 1-й части, которая длится 32 минуты, был антракт. Затем исполнялись 2-я, 3-я и 4-я части. Успех был довольно большой. Великолепно играл оркестр. Самосуд был очень хорош в первых трех частях. К последней он немного устал. Как-никак, а ему 58 лет. Но во всяком случае и 4-я часть прозвучала достаточно убедительно. Надеюсь, что скоро приедут мои родные из Ленинграда. Недавно имел от мамы телеграмму по этому поводу. Возможно, что на днях побываю в Москве, где предполагено сыграть симфонию. Пиши, мой дорогой друг, очень

без тебя скучно. Крепко тебя целую, Ольгу Пантелеймоновну и детей тоже. Нина шлет привет. Д. Шостакович.

¹ Соллертинская Екатерина Ивановна (1904—1991), сестра И. И. Соллертинского, профессор политэкономии. Была эвакуирована из Москвы, где жила постоянно уже много лет, в село Шигоны Куйбышевской области. Узнав, что ДДШ находится в Куйбышеве, она решила обратиться к нему, так как с начала войны не имела известий от брата.

141

31 III 1942. Москва

Дорогой Иван Иванович. Вот уже почти 10 дней, как я живу в Москве. Числа 10-го апреля собираюсь обратно в Куйбышев. За сутки до моего отлета в Москву в Куйбышев приехали моя мама, сестра Маруся и ее сын Митя¹. Мама очень похудела и ее почти невозможно узнать. Маруся и Митя выглядят вполне прилично. Здесь в Москве, когда я сюда приехал, находились мои тесть и теща. Они также поехали в Куйбышев. Тесть выглядит необыкновенно страшно и мне кажется, что он слегка рехнулся. Все они собрались сейчас у меня в Куйбышеве. В связи с этим обстоятельством я переехал на новую квартиру². Теперь у меня квартира из 4-х комнат в очень хорошем доме³. Запиши мой новый адрес: Куйбышев областной, Вилоновская, 2а кв. 2. Есть телефон № 22-73. Будет возможность — позвони. В Москве время провожу хорошо, только очень суматошливо. Мотаюсь по делам и очень устаю. Времени не хватает. Вчера из ВОКСа⁴ мне прислали пластинки моей 6-й симфонии в исполнении Стоковского⁵. Должен сказать честно, что мне мало понравилось его исполнение. Выучено хорошо, точно, а вот характер трактовки меня совсем не устраивает. Особенно последняя часть. Он ее исполняет очень медленно и грузно. Нету легкости и веселья, которое пленяло у Мравинского⁶. Передай

ему мой большой привет. Во всех отношениях грустно, что не удалось мне послушать 7-ю в его исполнении. Как бы он это хорошо сделал. С. А. Самосуд проводит ее очень хорошо, но очень хочется послушать в ней Мравинского. Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке. Адрес отправителя: «Москва, гостиница Москва, № 413». Адрес получателя: «Новосибирск, ул. Романова, д. 35, кв. 50».

¹ Фредерикс Дмитрий Всеволодович (р. 1928), впоследствии физик.

² С. В. Шостакович с дочерью Марией и внуком Дмитрием остались жить в прежней квартире композитора, по ул. Фрунзе, а родители Нины Васильевны В. В. и С. М. Варзар поселились вместе с Шостаковичами на вновь предоставленной им квартире.

³ Дом 2а по ул. Вилоновской был построен незадолго до начала войны для ответственных работников города по высшим стандартам. Находился он в центре города, рядом с Драматическим театром, неподалеку от площади Куйбышева, где расположился ГАБТ. Из окон открывался великолепный вид на Волгу и завожские дали. От прежней квартиры ДДШ дом находился на расстоянии пяти минут ходьбы.

⁴ ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (1925–1958).

⁵ Шестая симфония, си минор, соч. 54 (1939). Стоковский Леопольд (1882–1977), американский дирижер.

⁶ Е. А. Мравинский был первым исполнителем Шестой симфонии ДДШ. По поводу даты этой премьеры есть расхождение: по одним сведениям, она состоялась 5 ноября, по данным программ ЛГФ — 21 ноября 1939 г.

142

21 IV 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Сегодня я прилетел из Москвы в Куйбышев и к своему величайшему удовольствию обнаружил две твоих открытки. В Москве я смертельно устал. Надеюсь,

что тут удастся немного отдохнуть. Надеюсь, что смогу приехать в Новосибирск. Очень без тебя скучаю и твое общество мне необходимо как воздух. Мечтаю о том, как Е. А. Мравинский исполнит мою 7-ю симфонию, если только она ему понравится. С. А. Самосуд исполнял ее очень хорошо, тем более мне хочется послушать ее в исполнении Е. А. Здесь живут моя мама, Маруся с сыном и Нинины родители. Мой тесть лежит в больнице и пока еще положение его тяжелое. У него сильнейшая степень дистрофии (истощение). Я уже сообщал тебе, что переехал на новую квартиру. Если эти письма ты не получил, то сообщаю еще раз новый адрес и новый телефон. Куйбышев областной. Вилоновская 2а кв. 2 тел. новая АТС 2-22-73. Пиши почаще. Кланяйся Ольге Пантелеймоновне и детям. Желаю тебе здоровья и всякого благополучия. На днях буду тебе звонить. Надеюсь, что в Новосибирске стало теплее и ты меньше страдаешь из-за холодов. Крепко тебя целую. Все мои тебе шлют привет. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

143

28 V 1942. Куйбышев
Дорогой Иван Иванович.

Каждый день мечтаю о том, что скоро поеду в Новосибирск и повидаться с тобой после, почти, годовой разлуки. Задерживает меня одно прозаическое обстоятельство: у меня совершенно нет денег. И уже я вынужден был два раза произвести заем. Но как только я получу деньги, я немедленно срываюсь с места и лечу или еду. В настоящее время мне живется трудно. Живу я сам-десять. Но это еще не все. Любвеобильное сердце моей супруги не знает предела в удовлетворении этого

благородного чувства. В скором времени в Куйбышев прибывает ее сестра Ирина Васильевна¹ с супругом Герасимом Григорьевичем² и дочкой Аллочкой³. В Ессентуках, где они сейчас находятся, им не нравится, и они направляются сюда, дабы «посоветоваться» с папой, мамой и сестрой насчет того, ехать ли им в Куйбышев или ехать еще куда-нибудь. На днях до моих ушей дошли слова «семейного совета» о том, что неплохо было бы выписать сюда и Мусю⁴ с супругом Юрой⁵ что[бы] «быть всем вместе». Я думаю, что следовало бы не забыть и Мишу⁶, мастера игры на барабане в ТЮЗе, не говоря уже о дяде Саше⁷, Паше⁸, Фросе⁹ и мн. др. Не отстают и моя сестра Маруся: она выписывает сестру Всеволода Константиновича¹⁰ Наталью Константиновну¹¹. Думая о своих дорогих родственниках, я постоянно вспоминаю дедушку Бориса Викторовича Михайлова¹². Означенный дедушка отличался, по словам покойного С. К. Безбородова¹³, в высшей степени любопытным свойством: если перед ним поставят тарелку, то сколько в нее ни накладывать пищи, дедушка все съест... Ну ладно. Рано или поздно выдам свою дочку замуж за влиятельного и обеспеченного человека и вместе с супругой, Максимом с женой и детьми, моим троюродным братом с женой и дочкой поеду к нему «на покое доживать свои дни в кругу семьи» по тонкому определению своей жизни, данному В. В. Варзаром¹⁴ (он склонен к идиллическим высказываниям). Сейчас я гадаю, что произойдет скорее: приезд ли Нелли¹⁵, Гдали¹⁶ и Аллочки или получение мной денег. Если деньги придут раньше, то я поеду в Новосибирск и некоторое время поскучаю без тестя, энергичной тещи и других. Если же раньше придут Нелли, Гдаля и Аллочка, то я повеселюсь в их обществе и потом поеду в Новосибирск. Дорогой друг! Не ругайся по моему адресу, читая эти строки. Я никого не обвиняю. Так поступать надо, но увы, все это я понимаю разумом. Сердце же мое не приемлет наличия у меня посторонних людей денно и нощно, плюс к тому же не спускающих за

собой воду в уборной. Ради бога не показывай никому этого письма и не излагай его содержания.

Увы, я люблю близких и дорогих мне людей и совершенно равнодушен к Г. Г. Эфросу, которого я почему-то обязан принимать у себя <...>. Нину я не обвиняю, т. к. она, очевидно, совсем иначе рассуждает, когда дело касается ее родни. Человек она хороший, но совершенно не понимает меня в этом вопросе. Когда я сказал ей, что если она считает возможным брать на себя заботу о таком колоссальном количестве людей, то не лучше ли было бы выписать из Ленинграда напр. Евлахова¹⁷ или Болдырева¹⁸, т. к. этим людям там очень тяжело. С этим она согласиться не может, т. к. Болдырев не является ни ее ни моим родственником, а вот Гдале мы помогать обязаны, т. к. он «родственник»!

Иван Иванович, здесь у меня нету друзей, с которыми я мог бы потолковать на эту тему. Вот я и пишу тебе; умоляю, никому не читай это письмо и не излагай его тезисов. Ну вот излил душу, и стало легче, как бывало говаривал Абр. Абр. Ашкенази. Где-то он? Из общих знакомых здесь находится Л. З. Трауберг. Он застрял здесь по пути из Москвы и никак не может вылететь. Гликман улетел и благополучно прибыл в Ташкент¹⁹.

Некоторое время тому назад я виделся с двумя своими учениками. Был здесь находящийся в рядах Красной Армии младший лейтенант Добрый²⁰. Он был неподалеку от Куйбышева и заезжал сюда попрощаться: он уже отбыл на фронт. Приезжал сюда также для согласования и увязывания ряда вопросов, связанных с детским лагерем Ленинградского Союза композиторов начальник лагеря А. М. Лобковский²¹. Я рад был с ним повидаться.

В заключение вывожу мораль: весь мой скулеж насчет личных неурядиц я презираю. В наше суровое время на такие вещи нельзя уделять столько внимания. Ужасно хочется тебя повидать. Хоть бы это осуществилось.

Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Кланяйся супруге и детям. Небось мой тезка изрядно вырос. Нина, мама, Маруся, Василий Васильевич, София Михайловна²² и Ольга Дмитриевна²³ шлют тебе привет. Не сомневаюсь, что таковой тебе послали бы и И. В. Варзар, Г. Г. Эфрос и Аллочка, но пока они еще не приехали сюда. Но едут. Ждем. Д. Ш.

Р. S. Если будешь мне писать, то не затрагивай той части моего письма, в которой говорится о родне.

¹ Варзар Ирина Васильевна (1904–1995), книжный график.

² Эфрос Герасим Григорьевич (1902–1979), художник-карикатурист.

³ Эфрос Алла Герасимовна (1938–2004), впоследствии архитектор.

⁴ Муся — вероятно, Муля, Варзар Людмила Васильевна, третья из сестер Варзар, архитектор.

⁵ Сведения не найдены.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Неустановленное лицо.

⁸ Паша — Демидова Прасковья Ивановна, няня Н. В. Варзар, ставшая няней детей ДДШ.

⁹ Неустановленное лицо.

¹⁰ Фредерикс Всеволод Константинович (1885–1944), муж сестры ДДШ Марии Дмитриевны. Физик, один из основателей физики жидких кристаллов. Был арестован 21 октября 1936 г. якобы как участник фашистско-террористической организации. В 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. Реабилитирован в 1956 г.

¹¹ Фредерикс Наталья Константиновна (1880-е — середина 1940-х), математик.

¹² Неустановленное лицо.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ Варзар Василий Васильевич (1871–1960), тесть ДДШ, юрист.

¹⁵ Нелли — домашнее имя Ирины Васильевны Варзар.

¹⁶ Галя — домашнее имя Герасима Григорьевича Эфроса.

¹⁷ Евлахов Орест Александрович (1912–1973), композитор, ученик ДДШ по классу композиции в ЛГК. Окончил консерваторию в 1941 г.

¹⁸ Болдырев Игорь Георгиевич (1912–1980), композитор, ученик ДДШ в ЛГК (1937–1941), заканчивал курс у ДДШ в МГК в 1945 г.

¹⁹ И. Д. Гликман прилетал в Куйбышев за партитурой Седьмой симфонии ДДШ, чтобы оркестр ЛГК мог исполнить ее в Ташкенте.

²⁰ Добрый Иосиф Павлович (1905–1973), пианист, композитор, учился в 1938–1941 гг. в ЛГК в классе композиции ДДШ.

²¹ Лобковский Абрам Михайлович (1912–1985), композитор, ученик ДДШ в ЛГК.

²² С. М. Варзар.

²³ Неустановленное лицо.

144

11 VIII 1942. Серноводск

Дорогой Иван Иванович. Ужасно без тебя скучаю. Спасибо, что написал открыточку. Я живу сейчас в Серноводске¹. Пробуду еще несколько дней и вернусь в Куйбышев. Симфонической жизни в Куйбышеве сейчас нет. До моего приезда из Новосибирска Самосуд дважды собирался поставить шестую симфонию, но это не состоялось. Во-первых, не было нотного матерьяла, во-вторых его вызвали в Москву. Так что когда я приехал, то симфония (6-я) не состоялась. Не будет играть также и 7-я симфония. Очевидно концерты состоятся осенью. Насчет моего переезда в Новосибирск: пока боюсь об этом думать, т. к. тащить столь многочисленную семью, как моя, довольно трудно. Но переехать страшно хочется. Хочется слушать музыку и встречаться с тобой и Свиридовым. Как Свиридов? Приехал ли он домой или же находится еще в деревне? Если он приехал, то передай ему большой привет. Мы все здоровы. Как обстоит дело со здоровьем у тебя? Уезжаете ли куда на гастроли и[ли] остаетесь в Новосибирске. Как Ольга Пантелеимоновна и дети. Здесь очень жарко. Иногда жара достигала 36°. Сегодня похолодало. В общем скучаю без тебя очень. Пиши, не забывай. Все мои тебе кланяются.

Крепко целую. Д. Шостакович.

Р. С. Кланяйся Мравинским и Пономаревым². А также А. Н. Файн<нрзб.>, Ю. Я. и С. Я. Вайнкопам³, К. И. Зандерлингу⁴ и другим.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Серноводск — курорт в Куйбышевской области с бальнеологическим и грязевым лечением.

² Пономаревы — семья Пономарева Афанасия Васильевича (1903—?), директора ЛГФ в 1938—1962 гг.

³ Вайнкоп Юлиан Яковлевич (1901—1974), музыковед, лектор (Ленинград). Вайнкоп С. Я. — по-видимому, брат Ю. Я. Вайнкопа.

⁴ Зандерлинг Курт Игнатьевич (р. 1912), немецкий дирижер. В 1933 г. эмигрировал из Германии, в 1936—1960 гг. жил в СССР. В 1941—1960 гг. дирижер ЛГФ.

145

24 IX 1942. Москва

Дорогой Иван Иванович. Завтра (25 IX) день моего рождения. Мне исполнится 36 лет. Так много прожито уже. Из-за этого обстоятельства я настроился на лирический лад. Живу сейчас в Москве. Недели через две поеду в Куйбышев, где буду решать все житейские вопросы. В частности буду думать о переезде в Новосибирск, т. к. мне без тебя и без музыки, а также без Свиридова ужасно скучно. Если кинокомитет в Новосибирске имеет кинофильм «Авраам Линкольн»¹, умоли комитетчиков показать его тебе. Я здесь смотрел его уже 3 раза и нахожусь в состоянии сверхъестественного восторга. Это великое произведение искусства. Здесь дважды очень плохо сыграл мою 7-ю симфонию дирижер К. Иванов². Поцелуй Ольгу Пантелеймоновну, детей и Свиридова. Крепко тебя целую. Пиши в Куйбышев. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке. Адрес отправителя: Москва. Гостиница Москва. № 430.

¹ «Авраам Линкольн» — американский кинофильм (1930) режиссера Д. У. Гриффита (сценарий Д. Ллойда и С. Беннета, оператор К. Струсс). В ролях У. Хьюстон, У. Торн, Э. Фримен. Кинопрокатом СССР не был куплен.

² Иванов Константин Константинович (1907—1984), с 1941 г. дирижер Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио.

146

[4 октября 1942. Из Москвы]

Наконец решили переезжать Новосибирск телеграфируя возможность получения отапливаемой отдельной квартиры три комнаты тчк Когда будет готово вышлите сопровождающего пробуду Москве до десятого жду ответа Шостакович

Телеграмма.

147

17 X 1942. Москва

Дорогой Иван Иванович. Как ты можешь догадаться, я сильно задержался в Москве. Никак не могу отсюда выехать. Все дела. Сегодня мне переслали из Куйбышева твою телеграмму, а также телеграмму секретаря Новосибирского горкома ВКП(б) тов. Яковлева¹. Обе эти телеграммы меня порадовали, т. к. я думаю все же осуществить свое желание о частичном переезде в Новосибирск. Говорю «частичном», т. к. очевидно часть моей семьи и Нининых родственников не будет переезжать в Новосибирск. Сюда прибыла тов. Б. Шварц². Я немного с ней беседовал и она считает, что в Новосибирске мне будет хорошо. Давно не имею от тебя известий и сильно без тебя скучаю. От Свиридова также ничего не имею. Впрочем, очевидно и у него и у тебя, а также и у меня нет особенного пристрастия к эпистолярной литературе. В Ташкенте 11 X скончался Л. В. Николаев. На днях в Тбилиси «после продолжительной и тяжелой

болезни» скончался П. Б. Рязанов. Передай об этом Ю. В. Свиридову. Рязанов был его учителем. Привет всем твоим.

Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке. Адрес отправителя: «Москва. Гостиница Москва. № 506».

¹ Яковлев Иван Дмитриевич.

² Шварц Бетти Иосифовна (р. 1922), литературовед, журналист. Познакомилась с ДДШ в Ленинграде в феврале 1941 г. С конца 1941 г. по март 1943-го первый секретарь райкома комсомола в Новосибирске.

148

27 X 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Вот почти после двухмесячного пребывания в Москве я вернулся в Куйбышев. Очень огорчился, что не было от тебя за это время никаких новостей. Дня три тому назад послал тебе телеграмму, но ответа до сих пор не имею. Что с тобой? Почему молчишь? Это меня беспокоит. Не поленись и дай знать о себе. Я сильно грущу по случаю кончины Л. В. Николаева и П. Б. Рязанова. После Рязанова осталась маленькая дочка и жена¹. В Москве встретился с Бетти Шварц. Она мне говорила, что в Новосибирске часто встречается с тобой и Свиридовым. Говорила, что вы благополучно открыли свой второй сезон в Новосибирске. Желаю тебе успеха в этих делах. Давно не имел известий от Гликмана. Впрочем находящийся в Куйбышеве Митя Толстой² говорит, что он (Гликман) живет более или менее благополучно. После длительного отсутствия приехал в Куйбышев Л. Н. Оборин. Он много рассказывал о А. В. Гауке и о его супруге. Мясковский, Шапорин и другие представители золотого фонда переехали из Тбилиси³ во Фрунзе. Ну вот сообщил тебе почти все новости. Крепко тебя целую. Кланяюсь Ольге Пантелеймоновне и детям.

Если встречаешь Свиридова, то кланяйся ему. Пиши, не забывай, мне очень скучно. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Дочь П. Б. Рязанова — Нина Петровна Рязанова (р. 1939), музыковед; вдова — Рязанова Тамара Зааловна (1909—1999), пианистка.

² Толстой Дмитрий Алексеевич (1923—2003), композитор, сын писателя А. Н. Толстого. В сентябре 1940 г. поступил в ЛГК; учился по фортепиано у А. Д. Каменского, по композиции — у П. Б. Рязанова, а также посещал класс ДДШ как вольнослушатель. В июле 1941 г. в связи с отъездом Рязанова из Ленинграда перешел в класс М. О. Штейнберга. Вместе с ЛГК в Ташкент не поехал, эвакуировался в марте 1942 г. Ехал вместе с С. В. Шостакович, ее дочерью Марией Дмитриевной и внуком и некоторое время жил в Куйбышеве у Шостаковичей. В мае 1942 г. начал заниматься в Ташкенте в классе М. О. Штейнберга, но приезжал в Куйбышев.

³ Некоторые известные московские и ленинградские композиторы эвакуировались во время войны в Тбилиси.

149

21 XI 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Сегодня, возвращаясь домой, я думал написать тебе письмо, в котором в прямых и резких выражениях хотел упрекать тебя за столь долгое молчание. Но, к счастью, обнаружил, что ты не совсем забыл меня и написал мне. Спасибо. Самое ценное в твоём письме это то, что ты жив и здоров. Длительное отсутствие известий от тебя волей-неволей наводит на печальные размышления. А их и без того много. Так что я убедительно прошу тебя: несмотря на отсутствие вкуса к эпистолярии, хоть через силу, пиши хоть два слова. Это неверно, что я после отъезда из Новосибирска написал тебе только два письма. Несмотря на мою нелюбовь к писанию писем, я их написал тебе гораздо больше. 23-го я еду на две недели

в Москву. Очевидно переезд в Новосибирск не состоится. Следовательно остаюсь в Куйбышеве. Здесь уже настала зима и жить поэтому стало лучше, т. к. чрезвычайно радует отсутствие пыли. Послезавтра А. Ш. Мелик-Пашаев исполняет мою 7-ю симфонию. Спасибо, что часто играете мою 7-ю симфонию в Новосибирске. Это мне очень приятно. Если ты знаешь адрес Друскина, то спроси его пожалуйста, не знает ли он чего-либо о судьбе И. В. Варзар и ее супруга Г. Г. Эфрос. До переезда в Томск он находился неподалеку от них. Кланяйся твоей семье, а также Ю. В. Свиридову. Твой Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

150

22 XI 1942. Куйбышев

Дорогой друг! Я, после долгого поста, выпил 200 грамм водки. Это, впрочем малозначительное обстоятельство. За перо я взялся по другой причине. Если ты не очень хорошо знаешь Гоголя, то я очень прошу тебя достать «Собрание сочинений» в шести томах под редакцией Н. С. Ашукина¹, В. Ф. Переверзева² (sic!) и М. Б. Храпченко (sic!)³. Достань том IV (Государственное издательство «Художественная литература». Москва 1937). В этом томе IV отыщи страницу 343. На ней имеется заголовок «Отрывок из утраченной драмы». Должен честно признаться, что от страницы 343 до страницы 348 включительно я никогда не читал. Сейчас прочитал и был совершенно потрясен великолепием этих страниц. Между прочим на странице 347 есть несколько строк, вошедших в оперу «Нос»⁴. В связи с этим вспомнил своих, ныне покойных, либреттистов (Г. Е. Юнина⁵, А. Г. Прейса⁶ и Евг. Замятина⁷). Боже! До чего хоро-

ши эти страницы (343—348). Я убежден, что ты, а возможно и Ю. В. Свиридов, сумеете оценить эти страницы. В этом же томе помещена комедия «Игроки». Это мною освоено до страницы 244 включительно⁸. Получается очень хорошо. Тут же инструментую. Боюсь, что не закончу, т. к. слишком восторженно отнoshусь к матерьялу, который очень труден. Написал 6 романсов. Из них пять посвящаю тебе, Свиридову, Гликману, Атовмьяну и Шебалину. 6-й не знаю кому посвятить⁹. Тебе я посвящаю романс на слова Шекспира (сонет 66 в переводе Пастернака)¹⁰. «Днями» вышлю тебе все шесть. Будет время, познакомься. Крепко тебя целую, друг мой. Д. Шостакович.

Открытое письмо, введенное в почтовую практику в военные годы: на внутренней стороне пишется текст корреспонденции, на внешней отпечатана адресная часть.

¹ Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972), литературовед, историк литературы.

² Переверзев Валерьян Федорович (1882—1968), литературовед, его труды посвящены главным образом русской прозе, в частности Гоголю. В 1938 г. репрессирован. По освобождении в 1948 г. был снова арестован; освобожден и реабилитирован в 1956 г.

³ Добавлением после фамилий Переверзева и Храпченко пометы «sic!» ДДШ, возможно, хотел обратить внимание друга на разительную несхожесть судеб этих литературоведов.

⁴ Имеется в виду анекдот, рассказываемый Ковалевым в к. 10: «Я знаю тоже одного: был он три года в отлучке» (и т. д.). Здесь использован, с некоторыми отклонениями от оригинала, фрагмент Отрывка из утраченной драмы Гоголя.

⁵ Ионин Георгий Евгеньевич (1910—1929), режиссер, автор III акта либретто оперы ДДШ «Нос». Один из героев книги Л. Пантелеева и Г. Белых «Республика Шкид» (Японец). Умер на двадцатом году жизни.

⁶ Прейс Александр Германович (1906—1942), драматург, либреттист, соавтор ДДШ в создании либретто опер «Нос» и «Леди Макбет Мценского уезда».

⁷ Замятин Евгений Иванович (1884—1937), писатель. С 1932 г. жил в Париже.

⁸ В письме к В. Я. Шебалину еще 10 июня 1942 г. ДДШ сообщал: «Я пишу оперу „Игроки“. Слова полные и неизменные Гоголя (sic!). Никому только этого не говори» («...Это был замечательный друг»: Из писем Д. Д. Шостаковича к В. Я. Шебалину / Публ., вступ. ст. и примеч. А. М. Шебалиной // Сов. музыка. 1982. № 7. С. 81). Соллертинский был в курсе этой работы ДДШ.

⁹ Романс «В полях под снегом и дождем» на слова Р. Бёрнса (перевод С. Я. Маршака) ДДШ посвятил жене Нине Васильевне.

¹⁰ Это пятый из шести романсов, посвященных друзьям. Текст романса — чрезвычайно смелый, — несомненно, был многозначительным посланием: «Измучась всем, я умереть хочу! / Тоска смотреть, как мается бедняк / И как шутя живет богачу, / И доверять, и попадать впросак, / И наблюдать, как наглость лезет в свет / И честь девичья катится ко дну, / И знать, что хода совершенствам нет, / И видеть мощь у немощи в плену, / И вспоминать, что мысли заткнут рот, / И разум сносит глупости хулу, / И прямодушье простотой слывет, / И доброта прислуживает злу. / Измучась всем, не стал бы жить и дня! / Да другу будет трудно без меня...»

151

6 XII 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Вчера я вернулся из Москвы, куда ездил для участия в антифашистском митинге работников искусств¹. Вернувшись, нашел твою открытку. Я думаю, что в Новосибирск переезжать я не буду. Это связано с большими трудностями. Здесь у меня кое-как налажена жизнь, и я буду продолжать жить по-прежнему в Куйбышеве. Должен сказать, что иногда бывает мучительно трудно без тебя и скучно без музыки. Это и являлось главным огнем, разжигающим мое желание переехать в Новосибирск. Но раз это не удастся, то не надо. Возможно ты уже знаешь, что Шебалин назначен директором Московской консерватории. Он уже приступил к исполнению своих обязанностей. Он написал очень хороший «Славянский квартет», который я всячески рекомендую выпи-

сать и исполнить силами квартета им. Глазунова в Новосибирске. Очень также рекомендую на тот же предмет квартет Прокофьева на кабардино-балкарские темы. Скоро я вышлю тебе и Свиридову по экземпляру моих новых романсов, из коих один посвящен тебе, другой Свиридову. Другие также посвящены моим друзьям, а именно Л. Т. Атовмьяну, Н. В. Шостакович (жене-другу), И. Д. Гликману и В. Я. Шебалину. Итого шесть. Тебе посвятил сонет Шекспира 66 в переводе Пастернака. Ну вот дорогой друг, пока все. Желаю тебе и твоей семье здоровья и счастья. Надеюсь, что рано или поздно увидимся. Д. Шостакович.

Ты, наверное, уже слышал, что скончался Б. Л. Яворский².

Письмо на почтовой карточке.

¹ Антифашистский митинг работников искусств и литературы состоялся в Москве 29 ноября 1942 г. в Колонном зале Дома Союзов. ДДШ в своем выступлении, в частности, сказал: «Много горя принес человечеству фашизм. Задачей всего человечества является полное его уничтожение и создание таких условий жизни, при которых фашизм ни при каких обстоятельствах не мог бы возродиться» (Антифашистский митинг работников искусств и литературы // Известия. 1942. 1 дек.).

² Яворский Болеслав Леопольдович (1877–1942), музыковед, пианист. Как указывается в литературе (см.: Дмитрий Шостакович в письмах и документах. С. 12), ДДШ познакомился с Яворским ранней весной 1925 г. в Москве, куда приехал ради своего первого авторского концерта, состоявшегося 20 марта 1925 г. в Малом зале консерватории (второе отделение концерта). Однако в письме к матери от 1 апреля 1924 г. (№ 16776/12) ДДШ сообщает, что намеревается завтра разговаривать с Яворским. В планах ДДШ по переезду в Москву (1924–1925) большую роль играло общение с Яворским, которое отражено во множестве писем второй половины 1920-х гг. В письме к Л. Оборину ДДШ писал: «Привлекает меня в Москве все-таки Яворский... <...> Меня все музыканты в Питере немного поругивают. А я терплю и думаю: скорее бы уехать в Москву, к Яворскому, который меня ругает, но за дело» (Козлова М. Г. «Мне исполнилось восемнадцать лет...» (Письма Д. Д. Шостаковича к Л. Н. Оборину) // Встречи с прошлым: Сб. материалов ЦГАЛИ. М., 1984. Вып. 5. С. 247).

23 XII 1942. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Поздравляю тебя с Новым годом. Спасибо, что не забываешь и хоть немного, но пишешь мне. Сегодня я вернулся из поездки в города Уфу и Белебей¹. На эту поездку я затратил восемь дней и восемь ночей. Вернувшись, нашел твою открытку. Это для меня была большая радость. Пиши мне и впредь. У меня уже разливается желчь от злости, что я не в Новосибирске и из-за этого не могу слушать ту прекрасную музыку, которая исполняется оркестром Ленинградской филармонии. Слушание хорошей музыки для меня органическая потребность, которой здесь, в Куйбышеве, я лишен почти совсем. О величии новой оперы Коваля я читал в «Известиях» статью тов. ... позабыл фамилию. В этой статье опера ставится рядом с «Борисом Годуновым» и «Хованщиной» Мусоргского². Я немного продвинул вперед свою, лишенную всякого смысла, оперу. Думаю, что скоро оставляю эту бессмысленную затею³. Ты наверное знаешь, что умер Б. Л. Яворский, что Шебалин директор консерватории. Вот пока и все новости. Кланяйся Ольге Пантелеймоновне и детям. Как они себя чувствуют. Пиши. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ В Уфе 17 и 18 декабря 1942 г. состоялись авторские вечера ДДШ. В Большом зале Совнаркома Башкирской АССР прозвучали Квнтет, соч. 57 (исполнители — Квартет Большого театра и автор), и Первая фортепианная соната (в исполнении автора). Белебей — город в Башкирии, конечная станция железнодорожной ветки Куйбышев — Уфа, центр нефтяного района. ДДШ приехал туда по инициативе военного дирижера и композитора И. В. Петрова, который пригласил его на премьеру своего переложения для духового оркестра Седьмой симфонии ДДШ, состоявшуюся 12 декабря 1942 г. в Военно-политической академии. ДДШ, приехавший с женой, по свидетельству очевидцев, не ожидал, что в исполнении духового оркестра его симфония может прозвучать «с такой тонкой и точной

передачей всех ее нюансов» (Андреева З. Шостакович в Белебее // И. В. Петров: Статьи, воспоминания, материалы. М., 1983. С. 115).

² ДДШ имеет в виду рецензию А. Иконникова «Новая опера „Емельян Пугачев“ в театре им. С. М. Кирова», опубликованную в «Известиях» 9 декабря 1942 г. Премьера оперы М. В. Ковалю на либретто В. В. Каменского состоялась 7 ноября 1942 г. в Молотове (Пермь), где работал в эвакуации этот ленинградский театр. Автор рецензии отметил как наиболее сильные черты дарования композитора «мелодизм и понимание природы хорового пения». Судя по тексту письма, ДДШ обратил внимание на хвалебную фразу: «По силе музыкальной выразительности и драматической напряженности „Казнь“ может идти в сравнение с народными сценами драм Мусоргского». Однако наряду с комплиментами в рецензии немало критики: «не всегда изобретателен гармонический язык оперы», «не хватает Ковалю полифонического мастерства и зрелости оркестрового мышления». А в конце оказывается, что инструментовал оперу не сам автор, а композитор Д. Р. Рогаль-Левицкий.

³ Речь идет об опере «Игроки». В письме к В. Я. Шебалину от 11 ноября 1942 г. ДДШ, называя эту оперу «нереальной», объяснял: «...уже написано музыки на 30 (sic!) минут, а это является примерно одной седьмой всей оперы. Слишком длинно. Однако занимаюсь этим делом не без увлечения и удовольствия» («...Это был замечательный друг». С. 82).

153

26 I 194[3]. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Когда ты получишь эту открытку, я уж буду совсем здоров. Сейчас я кончаю болеть брюшным тифом¹. С каждым часом чувствую себя лучше и лучше. Пока очень слаб и лежу в постели. Получил сегодня твою открытку, в которой ты выражаешь желание поработать под руководством В. Я. Шебалина². Я хорошо понимаю твоё желание и при случае поговорю с В. Я., хотя мне кажется, что твоё желание, в общем, лишено всякого смысла. Почему бы тебе не поработать под руководством других, не менее достойных людей? Впрочем это твоё дело. Крепко целую. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ По-видимому, ДДШ заразился брюшным тифом во время поездки в Уфу и Белебей.

² Отношения И. И. Соллертинского с директором филармонии А. В. Пономаревым оставляли желать лучшего, да и у Е. А. Мравинского был достаточно трудный характер. Работать в МГК под началом В. Я. Шебалина, человека высокой культуры и добропорядочности, Соллертинскому было бы гораздо спокойнее и приятнее (см. также коммент. 3 к п. 160).

154

6 II [1943] [Из] Куйбышева [телеграмма]¹

Митя понемногу поправляется надеюсь десятого пятнадцатого встанет привет Нина Шостакович

¹ Как следует из записных книжек Соллертинского (находящихся в семейном архиве Д. И. Соллертинского), телеграмма Н. В. Шостакович была послана в ответ на встревоженную открытку И. И. Соллертинского, посланную после получения письма от 26 января.

155

12 II 1943. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Со вчерашнего дня я стал вставать. Вчера провел вне постели часа 2. Сегодня 3. Завтра больше и т. д. Через полторы недели буду выходить на улицу и стану совсем здоровым. Я перенес брюшной тиф. Мой могучий организм отлично справился с этой болезнью, но не хотелось бы ее повторять. Болезнь тяжелая и в полном смысле оправдывает свое название: очень болит брюхо, а также голова и многие другие части тела. Будь осторожен: береги здоровье. В 1940 году я сделал прививку против брюшного тифа, и это обстоятельство

сильно облегчило мои страдания. Сделай себе и всей своей семье эту прививку. Вот мои планы на будущее: когда совсем поправлюсь, то поеду в Москву. Меня обещали устроить в Санаторий для восстановления сил. Что будет дальше, пока не знаю. Когда боли меня покинули, я начал обдумывать сонату для рояля. Обдумал и сейчас понемногу записываю. Некоторое время тому назад послал тебе и Свиридову мои романсы в роскошном издании Музфонда¹. Получил ли ты их? Сегодня послал тебе и Мравинскому партитуру 7-й симфонии². Дорогой друг, мучительно скучаю без тебя и верю, что скоро мы будем дома, будем захаживать друг к другу и толковать о том о сем за бутылкой доброго кахетинского № 8. Береги себя и свое здоровье. Помни: у тебя дети, за которых ты отвечаешь, и друзья, в числе которых и Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Романсы были отпечатаны на стеклографе на правах рукописи, на грубой серой бумаге.

² Партитура Седьмой симфонии ДДШ была издана в 1942 г. Музгизом.

156

19 II 1943. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Я поправился и с послезавтрашнего дня начну выходить на улицу. Очень скучаю без известий от тебя. Как ты живешь? Вчера имел беседу с Бетти Шварц, она звонила мне из Новосибирска. <...>

Вчера вечером у меня был Лёва Оборин. У него большое несчастье: на нервной почве у него отнялись пальцы на левой руке. Врачи говорят, что это временно. Очевидно долговременно, т. к. лечится он уже недели полторы и никакого улучшения. Случилось с ним это непосредственно перед концертом, который

он должен был давать в гор. Серноводске. За 20 минут до концерта. Затем, после первой беседы с доктором, он пролежал в обмороке 15 минут. Будем надеяться, что он все же поправится. За время болезни я сочинил первую часть сонаты для рояля¹. Приступаю ко второй. Как видишь, работаю. Лёва вчера первую часть похвалил и предложил вымарать лишнюю страницу, что я и сделал. Музыкант он блестящий и сразу же заметил и выправил недостаток, который терзал мою совесть. В остальном здесь все по-прежнему. Вероятно скоро поеду в санаторий под Москвой. Затем поживу в Москве. Попытайся как-нибудь позвонить мне. Впрочем, не звони, ведь я скоро уеду. Кланяйся Ольге Пантелеймоновне, Кириллу и Дмитрию. Крепко целую. Д. Шостакович.

Открытое письмо.

¹ Вторая соната для фортепиано, си минор, соч. 61, посвящена памяти Л. В. Николаева.

157

1 III 1943. Куйбышев

Дорогой Иван Иванович. Вчера звонила мне [Бетти Шв]арц¹ и сообщила о болезнях твоих жены и детей². Это ужасно неприятно и тяжело. Я надеюсь, что они все благополучно перенесут свои болезни и поправятся. Мне очень грустно, что я сейчас нахожусь так далеко от тебя и не могу тебе ничем помочь.

Завтра я уезжаю в Москву. Вернее под Москву, в санаторий. Там пробуду недели 2—3. Столько же пробуду и в Москве. Затем обратно в Куйбышев. Должен тебе сообщить, что буду делать попытки осесть в Москве на постоянное жительство, хотя представляю себе, что это связано с огромными трудностями. В общем в эту поездку все решу. Или переезжаю — или нет. Не знаю, известно ли тебе о несчастье, постигшем Лёву

Оборина? У него на нервной почве отнялись пальцы на левой руке. Он лечился в Куйбышеве целый месяц и вчера уехал в Москву. Результатов лечения я не заметил. Он переживает это несчастье весьма мужественно и надеется на излечение. Я совершенно поправился, хотя еще очень устаю от пешего хождения. Но с практикой и уставать перестану. Получил ли ты мои романсы и 7-ю симфонию? Пиши мне, если будет время и желание, на Куйбышевский адрес. В случае чего мне твои письма перешлют. Крепко тебя целую. Всем твоим желаю скорого и благополучного выздоровления.

Д. Шостакович.

Открытое письмо.

¹ Поврежденная часть письма восстановлена по смыслу.

² В этот же день ДДШ писал И. Д. Гликману о бедах Соллертинского: «У Ивана Ивановича супруга и старший сын больны воспалением легких, у младшего свинка. Трудно ему» (Письма к другу. С. 53).

158

14 III 1943. [Архангельское]

Дорогой мой друг Иван Иванович. Безумно болит мое сердце, когда я думаю о несчастьях, свалившихся на тебя. Как бы хотелось, чтобы все у тебя поправилось и чтобы жизнь твоя пошла благополучно. Я нахожусь в санатории¹, где поправляю свое здоровье. Здесь очень хорошо, но я не люблю санаторную жизнь и сильно скучаю. Нина в Москве. В Куйбышев возвращаться не буду, вернее не хочу. Сегодня Нина смотрела квартиру, которую мне предоставляли в Москве, и от таковой отказалась, т. к. по ее мнению она (квартира) совершенно не приспособлена для жилья. Это меня очень огорчает. Ну, авось, удастся получить получше. Я страдаю графоманией. Написал почти всю фортепианную сонату, соркестровал свои романсы,

которые, возможно, тебе известны, т. к. уже довольно давно я послал таковые тебе с трогательной надписью²; делаю клавир оперы «Игроки» далеко еще не законченной и вряд ли имеющей быть законченной; продолжаю работать над партитурой упомянутой оперы, и т. п.³ Вне работы, хотя бы чисто технической (напр. работа над клавиром) чувствую себя скверно и буквально не нахожу себе места, хотя причин этому очень мало (нервы, т. е. плохой характер). Хотел написать тебе веселое письмо, чтобы развеселить тебя хоть немного, но не сумел. Не Ираклий Андроников⁴ я и не засл. артист республики Образцов⁵. Не сердись. Крепко тебя целую и желаю всем твоим немедленно выздороветь. Д. Шостакович. Пиши мне по адресу: Москва, 47, 3-я Миусская 4/6, Оргкомитет Союза композиторов.

Открытое письмо. Адрес отправителя: «гор. Красногорск. Московской обл. Санаторий Красной Армии „Архангельское“».

¹ Санаторий находился в Архангельском — усадебном ансамбле в 20 километрах к западу от Москвы, бывшем имении князей Голицыных (1703—1810), а позже Юсуповых (1810—1917), в советское время ставшем музеем.

² На обложке романсов, посланных Соллертинскому, рукой ДДШ написано: «Дорогому Ивану Ивановичу Соллертинскому с лучшими пожеланиями. Д. Шостакович. 32. I. 1943. Куйбышев. Дорогой друг! Принимая скромные подарки, вспоминай великие слова: мне не дорог твой подарок, дорога любовь. Д. Шостакович».

³ Сочинение оперы «Игроки» было прекращено в предыдущем году. 27 декабря 1942 г. ДДШ писал В. Я. Шебалину: «Работу, которую я тебе показывал, будучи в Москве („Игроки“), прекратил, ввиду полной бессмысленности этого предприятия» («...Это был замечательный друг». С. 82).

⁴ Андроников Ираклий Луарсабович (1908—1990), писатель, литературовед. Выступал на эстраде с устными рассказами, прекрасно изображал разных лиц, в частности И. И. Соллертинского.

⁵ Образцов Сергей Владимирович (1901—1992), актер и режиссер театра кукол; театральный деятель. В 1931 г. возглавил Государственный центральный театр кукол. С конца 1920-х гг. выступал на эстраде с кукольными лирическими, сатирическими и пародийными номерами.

29 III 1943. Архангельское

Дорогой Иван Иванович. Сообщаю тебе некоторые новости из моей жизни. По возвращении в Москву, я приступаю к занятиям в Московской консерватории, куда зачислен профессором. Будет у меня 1 (один) аспирант¹. Закончил здесь трехчастную сонату для рояля. Квартиры в Москве пока нет, но обещают. Живу в гостинице «Москва» № 430. Из Москвы уезжать не хочу. Если решится квартирный вопрос, то тогда перевезу из Куйбышева детей. Нина сейчас в Москве, хлопочет по разным бытовым и квартирным делам и пока довольно безрезультатно. Спасибо тебе за весточку, которую привез Н. Т. Канин. Н. Т. Канин находится сейчас в Москве вместе с Л. С. Вивьеном². Он приехал доложить творческие планы театра им. А. С. Пушкина. Будь здоров и благополучен. Д. Шостакович.

Пиши на консерваторию (ул. Герцена 13).

Письмо на почтовой карточке.

¹ Имеется в виду Бунин Револь Самуилович (1924–1976), композитор.

² Вивьен Леонид Сергеевич (1887–1966), режиссер, драматический актер, педагог; с 1937 г. главный режиссер Академического театра им. А. С. Пушкина.

20 IV 1943. Москва

Дорогой Иван Иванович. Вчера я получил ордер, а сегодня «въехал» в новую квартиру (ул. Кирова, 21, кв. 48). Пока настроение неважное, т. к. полное отсутствие мебели меня огорчает. Очевидно долгое время буду жить в четырех стенах и без

вещей. М. Б. Храпченко обещал с этим помочь, но вряд ли скоро выполнит свое обещание. Квартира довольно приличная, и если у меня будет кое-какое барахло, то смогу жить пристойно¹. Надеюсь, что к твоему приезду в Москву (Канин мне говорил, что ты скоро приедешь) я смогу оказать тебе, скромное впрочем, гостеприимство. Некоторая неприятность в моем новоселье та, что частенько заходят разные люди из разных организаций, которые убеждают меня в том, что скоро выселят меня из этой квартиры, но тов. Гусев² (зав. Мосжилотделом) рекомендует на это не обращать внимания. Я слышал, что с тобой безобразно поступили в вопросах твоей жизни и снабжения³. Надеюсь, что все это наладится и у тебя снова все будет хорошо. Пиши мне пока на консерваторию (ул. Герцена 13). Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Открытое письмо с адресом отправителя: «Москва. Центр. Ул. Кирова, 21, кв. 48».

¹ Председатель Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко гарантировал ДДШ доставку мебели из его ленинградской квартиры, но прозойти это могло только после снятия блокады и налаживания постоянного железнодорожного сообщения с Ленинградом.

² Сведения не найдены.

³ Вследствие интриг руководства филармонии И. И. Соллертинского лишили права посещения закрытой столовой, к которой он — наряду с директором и главным дирижером филармонии — был прикреплен и откуда мог приносить еду своей семье. Это обстоятельство сильно отразилось на материальном положении Соллертинского: на его иждивении находились жена, сын и пасынок, а также няня, приехавшая вместе с семьей из Ленинграда; все они получали продовольственные карточки по минимуму. Это, как и напряженные отношения с руководством филармонии, сыграло роль в ухудшении здоровья Соллертинского. В сложности своего бытия он не хотел посвящать ДДШ, чтобы не огорчать друга и дабы он заступничеством не испортил отношения с Мравинским — тогда и на долгие годы лучшим исполнителем симфонических произведений композитора. По-видимому, Н. Т. Канин посвятил ДДШ в подробности неприятностей Соллертинского.

29 IV 1943. Москва

Дорогой Иван Иванович. Это будет деловое письмо. Вчера я прослушал концерт гос. оркестра СССР под управлением Рахлина¹. Слушаю я эти концерты уже не раз. Убедился, что Рахлин неважный дирижер. После концерта беседовал с С. И. Шлифштейном². Он хочет поднять перед Храпченко вопрос о назначении тебя худ. руководителем гос. оркестра, а Мравинского главным дирижером. Я прошу тебя написать мне, устраивает ли тебя такая комбинация. Если да, то я со своей стороны буду беседовать на эту тему с Храпченко. Мне очень хотелось бы, чтобы ты был в Москве, хотя с другой стороны жалко лен. филармонию: ее оркестр, при всех его недостатках, гораздо лучше оркестра СССР. Подумай и напиши мне, или протелеграфируй одно слово: согласен. Тогда я буду действовать. Между прочим: прошу об этом письме никому не говорить, в том числе и Мравинскому. Впрочем, это на твое усмотрение. Я остаюсь в Москве. Получил квартиру. Адрес на обороте. Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Привет всем твоим.

Открытое письмо.

¹ Рахлин Натан Григорьевич (1905—1979), дирижер. В 1941—1945 гг. главный дирижер Государственного симфонического оркестра СССР.

² С. И. Шлифштейн в 1940—1944 гг. был консультантом по вопросам музыки в Комитете по делам искусств при СНК СССР.

30 IV 1943. Москва

Дорогой Иван Иванович. Получил сегодня твое письмо, адресованное тобою на Союз Сов. композиторов. Вчера послал

тебе письмо, а сейчас пишу еще одно. Мне стало очень грустно от твоего письма. Грустно, что Ольга Пантелеймоновна больна, что ты болен и оказывается Свиридов тоже болен. Что с ним? Я здоров, но боюсь некоторого отсутствия сытости в ближайшие дни. Паспортистка из моего домоуправления еще не удосужилась нас прописать и таким образом на май еще не получили карточки. Ну авось как-нибудь перетерпим, тем более, что дети пока еще в Куйбышеве. С Роней¹ я говорил, и он очень хочет включить тебя в штат. Мне бы хотелось, чтобы ты переехал в Москву. Но право советовать в этом деле я не берусь. Очень трудно получить квартиру, а жить в гостинице нехорошо. Я прожил около двух месяцев и сейчас, переехав на квартиру, испытываю весьма большое удовольствие. Если тебе здесь устроят квартиру, ты тогда обязательно переезжай. Канин говорил, что собирается тебя послать в Москву². Как это было бы хорошо. Остановись у меня, хотя еще жизнь моя очень не налажена. Крепко тебя целую. Д. Шостакович.

Открытое письмо.

¹ Роня — уменьшительное имя В. Я. Шебалина.

² И. И. Соллертинский в Новосибирске служил также консультантом находившегося там в эвакуации Государственного Академического театра драмы им. А. С. Пушкина.

163

4 V 1943. Москва

Дорогой Иван Иванович. Письма твои получаю. И адресованное на консерваторию и на ССК. Адресуй теперь на квартиру (Москва центр, ул. Кирова 21 кв. 48 тел. К5-98-72). Твои последние письма меня очень мало радуют¹. Очень прошу тебя приехать в Москву. Канин говорил, что он собирается тебя

командировать по делам своего театра. Вчера говорил с Шеба-
линым. Он хочет использовать тебя в научно-исследовательском
институте. Советую: пока никаких решений не принимай, а при-
езжай, посмотри и уж тогда решай. Я уже писал тебе о про-
екте привлечь тебя на работу в гос. оркестре СССР. Вместе
с Мравинским. Ты худ. руководитель, он главный дирижер. Се-
годня буду об этом говорить с Храпченко. Узнаю его мнение
и напишу тебе. А самое главное — приезжай. Ты зажился в
Новосибирске. Надо, как говорится, людей посмотреть, себя по-
казать. Приглашаю тебя остановиться у меня. Квартира у меня
хорошая, но совершенно пустая. К твоему приезду как-нибудь
обставлюсь, и будет на чем спать, сидеть и т. п. Может быть
созвонимся по телефону, хотя сделать это трудно, и неловко
тащить тебя ночью на междугородную. Крепко тебя целую.
Привет Оле и детям. Д. Шостакович.

Открытое письмо.

¹ По всей видимости, в письмах Соллертинского проскальзывали нот-
ки усталости, горечь от филармонических интриг, следы постоянного пло-
хого самочувствия: сердечная болезнь, которая через несколько месяцев
сведет его в могилу, зашла далеко.

164

9 IX 1943. Москва

Дорогой Иван Иванович. Получил твою открытку и обрадо-
вался ей несколько меньше, чем это следовало: я все время
ожидал твоего приезда. Из твоей открытки узнал, что тебе не
был послан вызов. Завтра же выясню, почему так случилось,
и надеюсь на то, что ты посетишь Москву¹. За последнее время

(несколько месяцев) я не имел от тебя ничего, в том числе никаких телеграмм, о которых ты пишешь. Встретился я с Мравинским. Говорили о тебе. Я без тебя скучаю и сильно за тебя беспокоюсь. Мне говорили, что ты очень плохо себя чувствуешь и плохо питаешься. По этому поводу я посылал тов. Кулагину² телеграмму. Интересно знать, не сыграла ли она какую-нибудь роль. От тов. Кулагина я не имел ответа. О себе писать особенно нечего. Здоров. Только что (буквально) закончил 8-ю симфонию. На душе некоторая пустота, которая всегда бывает по окончании большой работы. Симфония состоит из пяти частей: 1) Adagio; 2) Марш; 3) Марш; 4) Скорбный марш; 5) Пастораль³. Срочно переписывается партитура. Мравинский везет ее в Новосибирск. Я ему ее проигрывал в не вполне законченном виде. Он решил ее исполнить. Дорогой мой друг. Иногда мучительно трудно бывает без тебя. Надеюсь на скорую встречу. Был проект назначить тебя директором Моск. филармонии, но пока назначили и. о. директора Власова (Фере и Власов⁴). Крепко тебя целую. Очень хочется, чтобы у тебя жизнь твоя шла хорошо. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Соллертинский должен был приехать в Москву в августе 1943 г.: его вызывали в Комитет по делам искусств. Но в связи с началом сезона в Пушкинском театре поездка была отложена. Повторный вызов в Москву пришел 1 сентября. На оформление документов и получение пропуска понадобилось полмесяца. Из Новосибирска Соллертинский выехал 16 сентября, 21-го прибыл в Москву и остановился у ДДШ. Поездка была очень удачной: Шебалин предоставлял профессию в консерватории, МГФ просила провести цикл лекций, Институт истории искусств Академии наук СССР приглашал в штат; к концу года была обещана квартира. В Новосибирск Соллертинский возвращается 11 октября, а в первых числах ноября снова едет в Москву — ему поручен основной доклад на торжествах по случаю 50-летия смерти П. И. Чайковского. И в этот приезд окончательно решен вопрос о переезде в Москву. В Новосибирск Соллертинский возвращается 11 декабря 1943 г.

² Кулагин Михаил Васильевич (1900—1956), в это время 1-й секретарь Новосибирского обкома ВКП(б).

³ В издании Восьмой симфонии, до-минор, соч. 65, названия частей отсутствуют.

⁴ Власов Владимир Александрович (1902—1986), композитор; ряд опер и балетов написал вместе с В. Г. Фере.

165

4 I 1944. Москва

Дорогой Иван Иванович. Поздравляю тебя с Новым годом. Уверен, что Новый год принесет всем нам радость победы и воцарит справедливый и долгий мир во всем мире. Недавно я получил письмо от Тамары Ивановны Брянской¹. Она сообщает, что ее муж, наш друг, Юрий Григорьевич Брянский² погиб смертью героя, сражаясь за нашу Советскую Родину. Это печальное известие. Я любил Ю. Г. Брянского и он оправдал мою любовь: он с честью погиб, отдав свою молодую, прекрасную жизнь за нашу Советскую Родину³. Собирался я приехать в Новосибирск, но вор украл у меня бумажник со всеми документами. Сейчас занимаюсь восстановлением таковых. Крепко тебя целую. Желаю тебе здоровья и счастья. Д. Шостакович.

Письмо на почтовой карточке.

¹ Самознаева (Брянская) Тамара Ивановна — «впоследствии работала на „Ленфильме“ в качестве директора картин» (Письма к другу. С. 64).

² Брянский Юрий Григорьевич — «знакомый Дмитрия Дмитриевича. До войны работал в Ленинградском Репертуарном комитете (Реперткоме)» (Письма к другу. С. 64. Комментарий. 4).

³ Текст этого письма в сообщении, касающемся Т. И. Брянской и ее мужа, почти дословно повторяет текст письма ДДШ к И. Д. Гликману, написанного накануне, 3 января 1944 г. (Письма к другу. С. 63).

ПОЧТОВЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ
С НЕУСТАНОВЛЕННЫМИ ДАТАМИ

166

Дорогой Иван Иванович. Ко мне звонил С. В. Сидоров¹ и просил меня и тебя написать на листке бумаги «свежие впечатления» от сеанса. Сделай это поскорее и занеси завтра ко мне, т. к. он хочет зайти и взять перед отъездом в Новгород. По возвращении он проектирует сеанс «Творческой мелодекламации». Нужно приготовить 2—3 люб. стихотворений, а он делает на них мелодекламацию. Д. Шостакович.

Обязательно приготовь свежее впечатление!!!

Письмо на визитной карточке.

¹ Неустановленное лицо.

167

[До 11 II 1935]

[Из] Москвы Пушкинская [12, кв. 2]

Живу Метрополь номер 223 жду приезда и звонка Шостакович

Телеграмма.

168

[После 11 II 1935]

[Из] Москвы Константиновский [пр., 30, корп. 10, кв. 67]

Приеду 24 постарайся быть вечером дома или позвони Шостакович

Телеграмма.

169

[Из] Куйбышева

Дорогой Иван Иванович. Прости, что до сих пор я тебе не телеграфировал. Я немного хворал. Просидел на стадионе 1,5 часа и простудился. Твое поручение выполнил, но кажется безуспешно, т. к. Комитет и Союз настаивают на твоём приезде в Москву. Поцелуй Ольгу Пантелеймоновну Киру и Митю. Пиши не забывай. Д. Шостакович.

Фототелеграмма.

170

[Из] Куйбышева

Беспокоюсь отсутствием известий телеграфируй Куйбышев Шостакович

Телеграмма.

171

[Из] Москвы

Советую приехать и тогда решить вопрос о выезде самое трудное это квартира Шостакович

Телеграмма.

172

[Из] Москвы

Очень жалею приехать не могу привет всему коллективу Шостакович

Телеграмма; по-видимому, одно из последних посланий 1943 г.

ПИСЬМО Д. Д. ШОСТАКОВИЧА
О. П. СОЛЛЕРТИНСКОЙ

173

15 II 1944. Москва

Дорогая Ольга Пантелеймоновна! Невозможно словами выразить все то горе, которое охватило меня при известии о смерти Ивана Ивановича¹. Иван Иванович был моим самым близким и дорогим другом. Всем своим развитием я обязан ему. И жить без него мне будет невыносимо трудно. Время разлучило нас. За последние годы мы мало с ним виделись и мало общались. Но всегда мне радостно было сознание, что на свете живет Иван Иванович с его замечательным умом, ясным кругозором и неисчерпаемой энергией. Кончина его — это жестокий удар для меня.

Мы с Иваном Ивановичем много говорили обо всем. Говорили и о неизбежном, что нас ожидает в конце жизни, т. е. о смерти. Мы оба боялись ее и не желали. Мы любили жизнь. Но знали, что рано или поздно с ней придется расстаться. Иван Иванович ужасно рано ушел от нас. Смерть вырвала его у жизни. Он умер, а я остался. Говоря о смерти, мы всегда вспоминали наших близких и родных людей. Мы с волнением думали о наших детях, женах, родителях и всегда давали друг другу торжественное обещание в случае смерти одного из нас всеми возможными средствами помогать осиротевшим нашим родным. Дорогая Ольга Пантелеймоновна, если Вам будет трудно, если Вам будет тяжело, умоляю Вас, во имя священной для меня памяти об Иване Ивановиче, сообщайте мне об этом, и если я смогу чем-нибудь помочь, то приложу все усилия к этому².

Если Вам не будет очень трудно, то напишите мне, отчего скончался Иван Иванович. Телеграмма о его смерти была

в высшей степени краткой. А мне так важно знать, что с ним случилось. Крепко жму Вашу руку. Целую осиротевших детей. Ваш Д. Шостакович.

¹ И. И. Соллертинский скончался в Новосибирске 11 февраля 1944 г.

² Одновременно с этим письмом композитор отправил на филармонию телеграмму следующего содержания: «Примите меры сохранности рукописей Соллертинского срочно сообщите адрес Свиридова». К сожалению, рукописи Соллертинского, относящиеся к новосибирскому периоду, не сохранились. В последующие годы ДДШ регулярно писал вдове друга: прислал партитуру Трио для скрипки, виолончели и фортепиано № 2, ми минор, соч. 67, посвященное памяти Соллертинского, с дарственной надписью, поздравляя с праздниками, выяснял обстоятельства жизни и нужды семьи, оказывал помощь.

Именной указатель¹

- А. К. 51к
Августа Ивановна 102
Адлер В. А. 96
Адмони И. Г. 119
Адуев Н. А. 138
Айсберг И. И. 34к
Акимов Н. П. 5к, 33к, 99к
Акулов И. А. 99
Александр Яковлевич 52
Александров А. Н. 17к, 31
Александров Г. В. 106
Алексеев А. И. 45, 46
Альтман Н. И. 23к
Аманулла-хан 6
Андреев А. А. 99
Андреев Л. Н. 50к
Андреева З. 152к
Андроников И. Л. 69к, 158
Ансерме Э. 53
Апетян З. А. 66к
Арапов Б. А. 117, 121
Аренский А. С. 23к
Арканов Б. С. 99
Армашевская К. Н. 28, 29
Арнольд 34, 39
Арнштам Л. О. 10, 28к, 34к, 36, 100
Арнштамы 34
Асафьев Б. В. 19, 42, 51к, 70к, 96к, 129
Асеев Н. Н. 42, 128
Ататюрк М. К. 83к
Атовмьян Л. Т. 31, 45, 61–63, 66, 73к, 77, 105к, 131к, 150, 151
Афиногенов А. Н. 18, 73
Ашкенази А. А. 52, 59, 68, 73–75, 100, 143
Ашукин Н. С. 56к, 150
Ашукина М. Г. 56к
Бабанова М. И. 22к
Бабель И. Э. 110
Бадмаев Н. Н. 52, 93
Бакулин Т. 13
Балакирев М. А. 71к
Баланчивадзе А. М. 117, 120
Бальзак О. де 63
Бандровска-Турска Е. 61к
Баратова М. В. 43к
Баратынский Е. А. 59к
Барков И. С. 103к
Барсова В. В. 80к
Барышев Н. М. 9к
Баумштейн Р. М. 26
Бах И. С. 137к
Бах Т. 93
Бегиашвили Сосо 138
Безбородов С. К. 143
Белый В. А. 18к, 34к, 37
Белых Г. Г. 150к
Беннет С. 145к
Берг А. 68к, 103
Берггрюн (Бергрюн) В. А. 18, 29
Берлиоз Г. 73к
Бёрнс Р. 150к
Биндлер И. Г. 70
Бирман С. Г. 95к
Бларамберг П. И. 103
Блейман М. Ю. 21, 23, 24

---

¹ Цифрами обозначены номера писем. Буква «к» означает упоминание лишь в комментариях к письму.

Блюм В. И. 34к, 37к
Блюхер В. К. 52к
Бобыкина И. А. 31к
Бобышов М. П. 46к, 78к
Богданов П. А. 64
Богданов-Березовский В. М. 66к, 75, 96
Богословский Н. В. 34, 73к
Боготурьянц 70
Болдырев И. Г. 143
Бонди А. М. 110, 111
Борис Александрович 39
Босулаев А. Ф. 118к
Боярский Я. О. 78
Брамс Й. 18
Браудо Е. М. 117
Брик О. М. 61, 67к
Бродский И. И. 13
Бруни Т. Г. 30к
Брусиловский Е. Г. 35
Брянская Т. И. см. Самознаева Т. И.
Брянский Ю. Г. 165
Булгаков М. А. 5к
Бунин Р. С. 159
Бурлак И. П. 9к
Бухштейн В. С. 46
Бэнкс М. 40

В. Д. 42к

Ваганова А. Я. 34к
Вайнкоп С. Я. 144
Вайнкоп Ю. Я. 144
Вайнонен В. И. 19, 28, 51к
Вайнонен Н. В. 28к
Варзар В. В. 141–143
Варзар И. В. 143, 149
Варзар Л. В. 143
Варзар Н. В. см. Шостакович
(Варзар) Нина Васильевна

Варзар С. М. 114к, 141–143
Варзары 5
Варламов А. С. 5к
Васильковский 18
Вейс П. Ф. 49
Вера, первая жена И. И. Соллертинского 19, 20, 22, 23
Вера Исаковна, первая жена Л. А. Энтелиса 138
Верди Дж. 43к, 127к
Вересаев В. В. 123к
Верхотурский А. Г. 35, 37, 102
Вивьен Л. С. 159
Вигилев Е. Д. 24, 30к
Вильбушевич Е. Б. 53
Вильямс А. С. 138, 139
Вильямс П. В. 138, 139
Вильямсы 138
Владимиров М. В. 12
Владимиров В. К. 136, 139
Власов В. А. 164
Воеводин В. П. 33к
Волгин В. П. 128
Волженин В. Н. 118к
Волков Н. Д. 51к
Волоцкий М. 73к
Вольф-Феррари Э. 51к
Ворошилов К. Е. 52к, 77, 99
Вускович Л. О. 26, 28
Вырлан Л. А. 15к

Гааль Ф. 86

Габар И. Ф. см. Соллертинская И. Ф.
Гайдн Й. 137
Ганди М. К. 34
Ганковский 62
Гаук А. В. 15, 18к, 19, 23–27, 30к, 34, 39, 52, 54, 57, 58, 60, 71, 75к, 108, 116, 117, 148

- Гауки 18
 Гедике А. Ф. 42к
 Гейне Г. 3
 Генрих IV 56к
 Гердт Е. П. 18к, 19, 24, 39, 108, 148
 Геркен Е. Г. 59
 Герман П. Д. 40к
 Гершензон М. О. 95к
 Гершов С. М. 15к
 Гёте И. В. 3к
 Гиацинтова С. Г. 95к
 Гилельс Э. Г. 139
 Гинзбург С. Л. 67к, 70
 Гисин С. Н. 46, 57, 104
 Гладковский А. П. 73к
 Глазунов А. К. 5к, 19к
 Глан Н. А. 5к, 33к
 Гликман И. Д. 101, 119, 121, 124, 136, 138к, 139, 143, 148, 150, 151, 157к, 165к
 Глинка М. И. 5к
 Глюк К. В. 122
 Гнесин М. Ф. 5к, 42
 Гоголь Н. В. 2к, 5к, 6к, 15к, 16к, 34к, 45к, 46к, 52к, 119к, 123, 128к, 150
 Голицыны, князя 158к
 Голованов Н. С. 106
 Головин Д. Д. 43к
 Гольденвейзер А. Б. 117
 Гольдони К. 51к
 Горбачев Г. Е. 14
 Городинский В. М. 62, 67, 68, 102, 103
 Горский А. С. 3к
 Горький А. М. 9к, 50к, 52к
 Готовцев В. В. 95к
 Гофман Э. Т. А. 3к
 Гра Ф. 51к
 Гринберг М. М. 5к
 Гриффит У. 145к
 Грубер Р. И. 6
 Губе-Шебалина А. М. см. Шебалина А. М.
 Гулак-Артемовский С. С. 109к
 Гурилев Л. С. 5к
 Гусев, зав. Мосжилотделом 160
 Гусев, нач. станции Тихорецк 16
 Давиденко А. А. 18, 34к
 Даль В. И. 96к
 Данкман А. М. 23
 Данскер О. Л. 102к
 Данькевич К. Ф. 23
 Даргомыжский А. С. 5к
 Дарский Е. П. 70
 Дворицов Н. С. 50к
 Дека 61к
 Демидова П. И. 143
 Демянская О. П. см. Соллертинская О. П.
 Демянский К. А. 132, 133, 135—140, 142—145, 148, 152, 155—158, 160к, 163, 169, 173
 Держановский В. В. 37к, 45
 Дзержинский И. И. 102к—104к, 126
 Дзержинский Л. И. 102к, 126
 Димитров Г. М. 69
 Динамов С. С. 67, 103
 Дмитриев В. В. 15, 33к, 39, 51к, 53к, 98к, 101
 Дмитриев В. П. 64
 Добрый И. П. 143
 Должанский А. Н. 115
 Домбровская Г. Д. 62к
 Домбровские 62, 63
 Домбровский В. Р. 62, 63, 72, 77, 78, 96

Достоевский Ф. М. 42к
Дранишников В. А. 51к
Древин А. Д. 67к
Дрейден С. Д. (Семячкин) 95
Дрискин 119
Друскин М. С. 96, 118, 149
Дудинская Н. М. 80к
Дунаевский И. О. 33к, 119, 126

Евлахов О. А. 143
Ельцин С. В. 127к
Еней Е. Е. 28к
Ермолаев А. Н. 26
Есенин С. А. 3, 15
Есенин К. С. 3, 15
Есенина Т. С. 3, 5к, 15
Есипова Л. В. 31к

Жданов А. А. 99, 104
Желобинский В. В. 61, 67к, 70,
72, 93
Жирянов Митька 15
Житомирский А. М. 117к
Житомирский Д. В. 42к
Жуковская Г. В. 43к

Завалишин А. И. 33
Загурский Б. И. 125
Задорский 52
Закусова Э. В. 102к
Замятин Е. И. 150
Зандерлинг К. И. 144
Зархи Н. А. 96
Заславский С. А. 131
Захаров Р. Б. 51к
Землячка Р. С. 136
Зинаида Ефимовна 26
Златовратский Н. Н. 23к
Зоценко М. М. 40, 56, 57

Иванов В. В. 5к
Иванов К. К. 145
Иванова Н. П. 93, 95
Иванчиков К. 34к, 37
Игумнов К. Н. 135к
Изралеvский Б. Л. 5к
Иконников А. 152к
Ильиш Б. А. 23
Ильф И. А. 51
Ионин Г. Е. 150
Иохельсон В. Е. 52, 57, 67, 68,
73–75, 78к, 96, 101, 103, 136

Кабалевский Д. Б. 42, 62
Каганер 120
Каганович Л. М. 99
Казико О. Г. 44, 45
Калантарова О. К. 96к
Калинин М. И. 99
Каменский А. Д. 148к
Каменский В. В. 152к
Канделаки О. 138
Канин Н. Т. 43, 46, 138, 159,
160, 162, 163
Канн-Новикова Е. И. 103
Каплан Э. О. 18, 19
Кара-Мурза 19
Карахан Л. М. 70, 83, 84
Картози (Картозия) И. И. 36к,
37, 38, 41
Катаев В. П. 131к
Катерли Е. И. 46к
Кассерн Т. 61к
Катунский Ю. К. 15
Качалов В. И. 5
Квадри М. В. 3
Кекс 33
Келдыш Г. (Ю.) В. 18
Керженцев П. М. 3
Керженцевы 3

- Керубини Л. 51к
 Киладзе Г. В. 117
 Кильчевский В. И. 35, 39
 Кирсанов С. И. 15к
 Киршон В. М. 23
 Киселев В. П. 5к
 Климов М. Г. 64
 Клиндворт К. 49к
 Книппер Л. К. 5, 62
 Коваль М. В. 18к, 40, 152
 Ковач 35
 Ковнацкая Л. Г. 2к, 15к, 40к
 Кожунова Ф. Ф. 125
 Козинцев Г. М. 11к, 12к, 23к,
 28к, 110, 113
 Козлова М. Г. 151к
 Козловский А. Д. 63к
 Кокин Б. М. 15
 Компанеец Э. Л. 131
 Кон Ф. Я. 37
 Кондратов Ф. 50к
 Кондрашин К. П. 126
 Константиновская Е. Е. 65к, 104
 Копытова Г. В. 2к
 Коренев М. М. 5к
 Корещенко А. Н. 43к
 Корунец 107
 Коршиков Г. Н. 30к
 Косиор С. В. 99
 Костомолоцкий А. И. 22
 Котляревский И. П. 109к
 Кочуров Ю. В. 121
 Крандиевская-Толстая Н. В. 121
 Красин Б. Б. 43
 Крафт-Эбинг Р. 15
 Кремлев Ю. А. 103
 Кривень П. В. 51к
 Кривонос П. Ф. 128к
 Крохмаль М. П. 35, 40
 Круц Л. М. 124
 Крылов И. А. 3к
 Крылова С. А. 40
 Кубацкий В. Л. 67, 85к, 99, 104,
 108
 Кузмин М. А. 51к
 Куйбышев В. В. 37
 Кулагин М. В. 164
 Кун Б. 69
 Куприн А. И. 78к
 Курилко М. И. 38
 Куртис 34к
 Кут А. 106к
 Лавренев Б. А. 5к
 Ламм П. А. 42к
 Ланде-Трауберг В. Н. 23, 24
 Лебединский Л. Н. 37к
 Левина Э. А. 18к, 34
 Легар Ф. 46к
 Легран О. В. 75
 Ледогоров И. И. 34
 Лекок Ш. 5к
 Ленин В. И. 126к
 Ленин М. Ф. 46
 Леонтьев Л. С. 104, 139
 Лепестков 120
 Липатов В. Н. 33–35, 37, 57
 Литвинов М. М. 137, 138к, 139к
 Литвинов П. М. 137к
 Литвинова Т. М. 137к, 138, 139
 Литвинова Ф. П. 136к–138к
 Литвиновы 137, 139
 Литовский О. С. 78
 Ллойд Д. 145к
 Лобковский А. М. 143
 Ломоносов М. В. 59к
 Лопухов Ф. В. 30к, 33к, 34, 78,
 98к, 99, 120к
 Лосский В. А. 51, 52
 Луговской В. А. 33к

- Лукашевский И. О. 51к
 Луначарский А. В. 5
 Лысенко Н. В. 109к
 Люба 139
 Любинский Э. И. 18, 28, 29, 46, 66
 Люце В. В. 33к
 Лятошинский Б. Н. 23
 Ляшко Н. Н. 128
- Майер К.** 14к
 Макаров А. Д. 80к
 Макасова М. П. 80к
 Максименков Л. В. 3к
 Максимович, профессор 73
 Малиновская Е. К. 67, 93
 Малков Н. П. 28
 Малько Н. А. 2, 3, 5, 9, 16, 22, 33к, 75к
 Марвич С. М. 19к
 Мариенгоф А. Б. 45
 Марков П. А. 43—45, 50—52
 Маркова О. П. см. Соллертинская О. П.
 Мартынов И. И. 122
 Маршак С. Я. 150к
 Масс В. Э. 5к
 Межерауп Е. К. 43к
 Мейербер Дж. 122
 Мейерхольд В. Э. 2к, 3, 4, 5к, 14, 15, 18, 22, 45к, 95к, 100
 Мейерхольд И. В. 100к
 Мейерхольды 5
 Мейсельман А. Д. 5
 Мелик-Пашаев А. Ш. 43, 102, 149
 Мелких Д. М. 31, 45
 Мельников Н. Э. 127к
 Мессерер А. М. 73, 80к, 120к
 Метнер А. К. 5к
 Мигай С. И. 18
- Микоян А. И. 99, 104
 Минкин 29
 Минский Н. Э. 37к
 Милов Л. Б. 70к
 Михайлов Б. В. 143
 Михайловский А. П. 36к
 Михеева Л. В. 2к
 Миша, извозчик 51
 Миша, «мастер игры на барабане в ТЮЗе» 143
 Могилевский Д. Я. 51к
 Моисеев М. Ф. 21к
 Молотов В. М. 52к, 77к, 99, 104, 131к
 Моозер Р.-А. 71
 Мориц 70
 Мордвинов Б. А. 53к, 98к
 Моро Э. 35к
 Мороз 16
 Москвин А. Н. 28к, 113
 Мосолов А. В. 37, 45
 Моцарт В. А. 96, 137к
 Мравинские 138, 144
 Мравинский Е. А. 136, 138, 141, 142, 153к, 155, 160к, 161, 163, 164
 Мурнау Ф. В. 14к
 Мусоргский М. П. 131, 152
 Мутных В. И. 93, 95, 99
 Мухина В. И. 77к
 Мясин Л. Ф. 18к
 Мясковский Н. Я. 37к, 40, 42, 148
- Небольсин В. В.** 31, 94, 136
 Недоброво В. В. 36к
 Нейгауз Г. Г. 114к, 117
 Нейман 34
 Нестеров А. Е. 15
 Никифоров Н. Н. 51к
 Николаев Л. В. 47, 50, 147, 148, 156к

- Николай II 15к
 Николай Андреевич 104
 Никольский Ю. С. 24, 31к
 Новикова П. 13
 Норцов П. М. 80к

Обнорский Б. П. 18, 78к
Оболонкин В. Г. 13, 14, 19, 34, 38, 39
Оболонкина (Кара-Мурза-Оболонкина) М. Н. 19, 21к, 23к, 24к, 27, 34, 35, 39, 40
Оболонкины 34, 35, 39, 41, 44
Оборин Л. Н. 31, 42, 61, 66к, 80, 81, 83–85, 87, 88, 91, 92, 135–138, 148, 151к, 156, 157
Образцов С. В. 158
Объедков (Объектов) 31
Оглодков см. *Динамов* С. С.
Оголевец А. С. 136
Озеров Н. Н. 43к
Ойстрах Д. Ф. 80к, 85, 139
Окороков Е. И. 33к
Олеша Ю. К. 33
Ольга Дмитриевна 143
Орджоникидзе Г. К. 99
Освальд, извозчик 16
Освальд О. 16
Оссовский А. В. 60, 75
Острецов А. А. 45, 117
Островский А. Л. 136
Островский Н. А. 121к

Павленко П. А. 121к
Павловская-Боровик В. И. 50к
Пазовский А. М. 51, 52
Палестер Р. 61к
Панина С. В. 44к
Пантелеев Л. 150к

Парнах В. Я. 22к
Парфенов В. М. 60
Пастернак Б. Л. 150, 151
Пащенко А. Ф. 17
Переверзев В. Ф. 150
Персианинов (Персиянинов) 23, 34
Персон Д. М. 137
Петри Э. 5к
Петрицкий А. Г. 30к
Петров Е. П. 51
Петров И. В. 152к
Петров Н. В. 33к, 50
Петров-Водкин К. С. 15к, 123к
Петровых Б. П. 118к
Печковский Н. К. 127к
Печников А. Д. 51
Пиккель (Пикель) Р. В. 45
Пиотровский А. И. 28, 52, 67к, 78к
Пирогов А. С. 80к
Пиццолато Дж. 51к
Плешаков В. С. 58
Подольский С. С. 28
Покровский Н. Д. 21к
Поленов В. Д. 66к, 67
Политковский В. М. 43к
Половинкин Л. А. 57к, 59
Половинкины 57
Полуянов 37к
Пономарев А. В. 144, 153к
Пономаревы 144
Попов А. А. 138к
Попов А. Д. 5к
Попов Б. А. 138к
Попов Г. Н. 34, 37, 66, 78, 96, 121, 138
Попов Н. А. 138к
Попов С. А. 138к
Попов С. С. 42к

- Портов Л. А. 100
 Постышев П. П. 99
 Прейс А. Г. 150
 Прищемихин см. Зоценко М. М.
 Прокофьев С. С. 5к, 17к, 18, 45,
 93, 131, 151
 Пустыльник И. Я. 100
 Пушкин А. С. 119
 Пушков В. В. 59, 67к
- Рабинович А. С.** 70, 75к
 Рабинович Д. А. 37к, 135, 136,
 138
 Рабинович И. М. 63к
 Рабинович Н. С. 75, 117
 Радзиевский М. 30к
 Радлов Н. Э. 56, 57
 Радлов С. Э. 23, 44, 45, 51к
 Радлова А. Д. 44, 45
 Радомский С. М. (Радамский С. ?)
 54
 Райх Э. Н. 3, 5, 15, 100
 Раскольников Ф. Ф. 3
 Рафалович В. Е. 66, 70, 75, 95
 Рахлин Н. Г. 161
 Рахманова М. П. 31к
 Рейнгерц К. И. 45
 Репин И. Е. 77к
 Риббентроп И. 131к
 Римский-Корсаков Н. А. 19к, 51к,
 71к, 131
 Рихтер Н. И. 33к
 Рогаль-Левицкий Д. Р. 152к
 Розен Ф. М. 127к
 Ромашов Б. С. 131
 Рохлин Н. Я. 57
 Рубо Ф. А. 13к
 Руди Г. П. 102к
 Рудницкий К. Л. 3к
 Ручьевская Е. А. 121к
- Рывкин А. М. 51
 Рыкунов К. 126
 Рысс Е. С. 33к
 Рязанов П. Б. 138к, 147, 148
 Рязанова Н. П. 148
 Рязанова Т. Э. 148
- Савенко С. И. 40к
 Савойский, герцог 56к
 Сажин В. Н. 42к
 Салтыков-Щедрин М. Е. 56к, 58
 Самарина А. Н. 27
 Самознаева (Брянская) Т. И. 165
 Самосуд С. А. 9, 46к, 57, 71к,
 100, 102к, 103к, 131к, 135,
 136, 138–142, 144
 Самосуд Т. И. 131к
 Сарду В. 35к
 Саша, дядя 143
 Саянов В. М. 50к
 Свердлин Л. Н. 22к
 Свиридов Г. (Ю.) В. 138, 144,
 145, 147–151, 155, 162, 173к
 Свой 34к, 37
 Северянин И. 123к
 Сельвинский И. Л. 22
 Семенов В. А. 108
 Семенова М. Т. 70
 Сергеев К. М. 52к
 Сергеев С. Н. 51к
 Сердечков В. М. 47
 Серебряков П. А. 127
 Серебрякова Г. И. 15к, 51, 54
 Серов А. Н. 103
 Сидоров С. В. 166
 Симов В. А. 5к
 Симонов Р. Н. 62
 Скоморовский Я. Б. 22
 Скрябин А. Н. 5к, 23к, 95
 Славянинов Р. А. 44, 45

- Слоним И. Л. 137к, 138, 139
 Слонов Ю. М. 45к
 Смирнов В. Ф. 18, 30к, 50
 Смирнов Н. И. 34к, 37
 Смирнов Я. А. 96, 103
 Смолич Н. А. 94
 Смолич Н. В. 43, 46к, 94, 101
 Снопков П. П. 33к
 Собинов Л. В. 70к
 Соков А. О. 50
 Соколов П. И. 43к
 Соколовский М. В. 24к
 Сокольников Г. Я. 9, 51, 54к
 Соллертинская Екатерина Иванов-
   на 19к, 140
 Соллертинская Ирина Францевна
   51, 52, 54, 57–60, 62, 63,
   65–67, 70–75, 77–80, 82–
   89, 92, 93, 95–102, 104,
   106, 107, 109, 110, 112–118,
   120, 121к, 124, 125
 Соллертинская Ольга Пантелеймо-
   новна 121, 126–129, 131–133,
   135–140, 142–145, 148, 152,
   156–158, 160к, 162, 163, 169,
   173
 Соллертинские 47к, 149, 151
 Соллертинский Дмитрий Иванович
   19к, 87к, 131–133, 135–140,
   142–145, 148, 152, 154к, 155–
   158, 160к, 163, 169, 173
 Соловьев Н. Ф. 103
 Соловьев-Седой В. П. 126
 Солодовников А. В. 138
 Солодухо Я. С. 136
 Спиноза Б. 19, 24, 42, 52
 Сталин И. В. 77к, 99, 104, 106к
 Старокадомский М. Л. 31к, 43
 Стенберг В. А. 5к
 Стенберг Г. А. 5к
 Стенич В. О. 95
 Стецкий А. И. 78
 Стоклицкий А. В. 87
 Стоковский Л. 34к, 141
 Столяров Г. А. 53к
 Столярский П. С. 113
 Стравинский И. Ф. 53, 136
 Струсс К. 145к
 Субашиев В. К. 104, 132
 Судакевич А. А. 73
 Судаков И. Я. 5к
 Сухотин П. С. 63
 Таиров А. Я. 5к
 Тверской К. К. 44, 45
 Терешкович М. А. 102к
 Терцет 34к
 Толстая Н. В. см. Крандиевская-
   Толстая Н. В.
 Толстой А. Н. 37к, 121, 148к
 Толстой Д. А. 148
 Толстой Л. Н. 50к, 126к
 Торн У. 145к
 Трамбицкий В. Н. 52
 Трауберг В. Н. см. Ланде-Трау-
   берг В. Н.
 Трауберг Л. З. 11к, 23, 24, 28к,
   109, 110, 113, 143
 Трауберги 24
 Туля 15
 Туровская В. Ф. 50к
 Тухачевский М. Н. 52к
 Тышлер А. Г. 67к
 Тюрикова Н. 73к
 Угаров А. И. 75
 Уксусов И. И. 69
 Ульянов А. Н. 127к
 Ульянов Н. П. 5к, 18
 Утесов Л. О. 21–23, 33к

Уткин И. П. 42к
Учитель К. А. 15к
Ущемихин с.м. Радлов Н. Э.

Файер Ю. Ф. 23, 26, 98к, 99
Федюшов Н. В. 138
Федюшова-Коварская Н. Р. 138к
Фелициант Б. Н. 5
Фельдт П. Э. 78к
Фемиледи В. А. 23, 51к
Фере В. Г. 34, 164
Фительберг Г. 61к
Фительберг Е. (Ю.) 61к
Флетчер Дж. 95к
Флиер Я. В. 117
Флорестан 34к, 37
Фредерикс В. К. 143
Фредерикс Д. В. 141, 142, 148к
Фредерикс Н. К. 143
Фрейд Э. 15
Фрейдков Б. М. 66
Фримен Э. 145к
Фролов М. П. 52
Фрося 143
Фурманов Д. А. 118к

Хаджи-Мурат, борец 63
Хайкин Б. Э. 118к
Хайт Ю. А. 40
Ханаев Н. С. 43к
Харламов Ю. Н. 51к
Хачатурян А. И. 114
Хентова С. М. 65к, 71к
Хераскова А. Н. 3к
Хесин 51
Хиндемит П. 49к, 83
Ходес 51, 52
Ходжа-Эйнатова Л. А. 118к
Хорошко Н. В. 57
Храпченко М. Б. 135, 136, 138к,
150, 160, 161, 163

Хренников Т. Н. 114
Хубов Г. Н. 103, 131
Хьюстон У. 145к

Царман А. А., младший 97
Царман А. А., старший 97
Цехановский М. М. 58
Циклоп А. 63
Цурмилен А. А. 73, 74
Цфасман А. Н. 136
Цыганов Д. М. 45, 46, 50

Чабукиани В. М. 117к, 120
Чайванов В. Н. 43
Чайковский П. И. 5, 17к, 63к,
68к, 103, 164к
Чарноцкая И. А. 18
Чекрыгин А. И. 43к, 46к
Челяпов Н. И. 62, 131к
Чемберджи Н. К. 18к, 40
Чемберлен О. 2
Черепнин Н. Н. 23к
Чернецкий С. А. 136
Чернов М. М. 73к
Чехов А. П. 14, 18
Чехова М. П. 14
Чубарь В. Я. 99
Чудсон Н. 93

Шаляпин Ф. И. 123к
Шапиро Р. А. 50, 57
Шапорин Ю. А. 34, 37, 38, 67к,
148
Шарвенка К. 49к
Шварц Б. И. 147, 148, 156, 157
Шверник Н. М. 99
Шебакин В. Я. 31, 42, 61, 66,
106, 114, 135, 136, 150–153,
158к, 162, 163, 164к
Шебакина А. М. 42к, 66, 150к

- Шейдлер Г. Г. 42к
Шекспир В. 95к, 99к, 150, 151
Шер В. И. 23
Шехтер Б. С. 18к
Шимановский К. 61к
Ширинский В. П. 42
Шишигин Ф. Е. 15
Школьников М. Ю. 62
Школьников Т. М. 62к
Шкраб 35
Шлепянов И. Ю. 118к
Шлифштейн С. И. 135, 136, 138, 161
Шнабель А. 96к
Шнеерсон Е. В. 123
Шолохов М. А. 102к
Шопен Ф. 57, 93
Шостакович Галина Дмитриевна 134–136, 138, 143, 159
Шостакович Зоя Дмитриевна 17, 119
Шостакович Максим Дмитриевич 73к, 134–136, 138, 143, 159
Шостакович Мария Дмитриевна 136, 138, 141–143, 148к
Шостакович (Варзар) Нина Васильевна 5к, 44–52, 54, 56–58, 60, 62, 63, 65к, 66, 67, 70, 72–74, 77, 95, 98, 101к, 114, 117, 126, 133–136, 138–140, 141к, 142, 143, 147, 150к, 151, 154, 158, 159
Шостакович София Васильевна 3к, 5, 9к, 13, 15–18, 23, 29к, 33, 35, 43к, 52к, 54к, 63к, 65к, 73к, 77, 95к, 101к, 118, 130, 136, 138, 140–142, 148к, 151к
Штейн А. П. 46, 47
Штейнберг Л. П. 80к
Штейнберг М. О. 19к, 33к, 35к, 102к, 119к, 148к
Штейнман (Штейман) Зел. 14
Штеренберг Д. П. 67к
Штидри Ф. 60, 78к
Штраус Р. 73к
Шубин А. В. 45
Шульженко К. И. 22к
Шумяцкий Б. З. 37к
Щеголев П. Е. 37к
Щеголева-Альтман И. В. 23
Щербачев В. В. 66к, 67к, 138к
Щукин Б. В. 63к
Эйзенштейн С. М. 3, 106
Экскузович И. В. 23
Энтелис Л. А. 138
Эрбштейн Б. М. 15, 18, 29, 34
Эренбург И. Г. 23
Эфрос А. Г. 143
Эфрос Г. Г. 143, 149
Юдина М. В. 117к
Юманс В. 33к
Юра, муж Л. В. Варзар 143
Юрмас Я. 30к
Юрьев Ю. М. 50
Юсуповы, князья 158к
Юткевич С. И. 31к, 36к
Яворский Б. Л. 31к, 151, 152
Якобсон Г. И. 17к, 18
Якобсон Л. В. 18, 44, 45
Якобсон П. М. 15
Яковлев И. Д. 147
Якубов М. А. 15к
Якулов Г. Б. 18к
Ясенский (Ясеньский) Б. 23

Д. Д. Шостакович
(1920-е гг.)

И. И. Соллертинский
(1920-е гг.)

В фортепианном классе Л. В. Николаева (начало 1920-х гг.).
 Слева направо стоят: Н. Н. Загорный, Д. Д. Шостакович, М. В. Юдина,
 А. Д. Каменский, И. З. Шварц; сидят: С. И. Савшинский, М. К. Юшкова,
 И. М. Рензин, Л. В. Николаев, К. Г. Шмидт, Г. Л. Бик, В. В. Софроницкий

В композиторском классе М. О. Штейнберга (1920-е гг.).
 Слева направо стоят: Д. Д. Шостакович, И. М. Рензин, М. К. Михайлов,
 Е. А. Дубовской; сидят: А. А. Гевиксман, С. А. Заранек, О. М. Штейн-
 берг, Н. Х. Боголюбова, Ю. А. Зандер

И. И. Соллертинский.
Рисунок неизвестного автора
(1922)

РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ.
РАЗРЯД ИСТОРИИ ТЕАТРА.
В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 марта, в помещении Института (площадь
Воровского (быв. Исаакиевская) 5, Таянторизл) состоится I ОТКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ
КОМИТЕТА ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ
ТАНЦА.
На повестке дня - доклад И. И. СОЛЛЕРТИНСКОГО на тему:
„Сценический танец современной Германии и его
ТЕОРЕТИКИ.”
Доклад сопровождается световыми картинками.
Начало ровно в 2 ч. дня.
Вход свободный.

Объявление о докладе И. И. Соллертинского (1924).
Публикуется впервые

1928 г.

1928 г.

1930-е гг.

1933 г.
Фото Н. В. Варзар

Выпускной класс Хореографического училища со своими педагогами (1931).

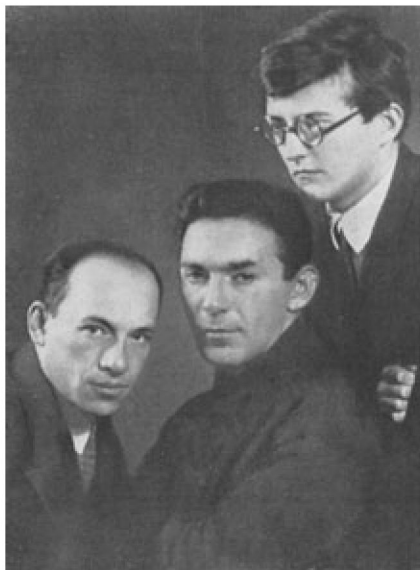
В первом ряду: 4-й слева — Л. В. Якобсон, 9-я — Н. М. Дулинская; во втором ряду: 5-я слева — Ф. И. Балабина, 8-я — Г. Д. Кремневская, 12-й — И. И. Соллертинский

Д. Д. Шостакович
и В. Э. Мейерхольд
(1929)

Г. М. Козинцев и Л. З. Трауберг

И. О. Дунаевский,
Л. О. Утесов
и Д. Д. Шостакович
(1931)

И. И. Соллертинский, Д. Д. Шостакович и В. Талих (1933)

Д. Д. Шостакович
и Н. В. Варзар
(середина 1930-х гг.)

Д. Д. Шостакович, Н. В. Варзар и И. И. Соллертинский (20 июля 1932 г.)

Л. Н. Оборин (1926)

В. Я. Шебалин (1935)

Б. В. Шавров и И. И. Соллертинский (1930-е гг.)

В Сиверской,
под Ленинградом
(1933)

И. И. Соллертинский и Н. П. Акимов (1930-е гг.)

С. А. Самосуд, А. Коутс и Д. Д. Шостакович (1935)

А. В. Гаук, А. А. Половинкин, Д. Д. Шостакович,
Н. В. Шостакович, И. И. Соллертинский (1930-е гг.)

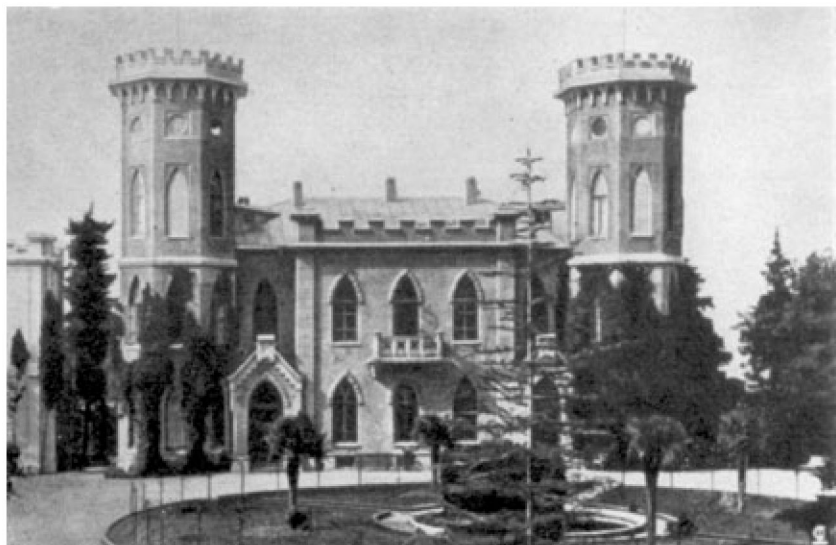
Д. Д. Шостакович с учениками (конец 1930-х гг.).
 Слева направо: Г. В. Свиридов, Ю. А. Левитин, Д. Д. Шостакович,
 В. И. Флейшман, О. А. Евлахов

Группа педагогов и студентов ЛГК (1939).
 Во втором ряду слева направо: В. В. Волошинов, С. А. Павлюченко,
 Д. С. Шуппер, Б. Я. Шнитке, М. А. Мокульская, И. И. Соллертинский,
 О. П. Соллертинская

И. И. и О. П. Соллертинские.
Сочи (29 декабря 1938 г.).
Публикуется впервые

Санаторий в Гаспре, где неоднократно отдыхал
Д. Д. Шостакович

Начало 1940-х гг.

Начало 1940-х гг.

1940 г.

Премьера Фортепианного квинтета в исполнении
Квартета имени Глазунова и автора.
Ленинград (1940)

Новосибирск (1942)

Е. А. Мравинский, И. И. Соллертинский и Д. Д. Шостакович с партитурой Седьмой симфонии в Новосибирске (1942)

Афиша концертов, на которых И. И. Соллертинский последний раз произнес вступительное слово (Новосибирск, 1944)

Д. Д. и Н. В. Шостакович
(1943)

Д. Д. Шостакович в Иваново (1943)

Выступление И. И. Соллертинского на заседании, посвященном

50-летию со дня смерти П. И. Чайковского (14 ноября 1943 г.). Из архива МГФ.

В президиуме слева направо, первый ряд: М. И. Рейзен, И. С. Козловский, ?, М. С. Храпченко,

В. А. Давыдова, А. В. Нежданова, Г. К. Держинская, А. Б. Гольденвейзер, В. Я. Шебалин;

второй ряд: С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, В. А. Власов, в конце ряда — К. Н. Игумнов, Л. Н. Оборин;

третий ряд: Ю. А. Шапорин, А. Н. Александров, Н. П. Аносов

Автограф Фортепианного трио Д. Д. Шостаковича
памяти И. И. Соллертинского (1944)

Мемориальная доска на доме в Новосибирске

На могиле И. И. Соллертинского. Новосибирск (1961).
Слева направо: А. П. Новиков, М. Д. Сабинаина, Д. Д. Шостакович,
А. Н. Котляревский, В. С. Левашов, Г. А. Щипалин

Вечер памяти Соллертинского на Ленинградском телевидении (1966).
 Вверху (слева направо): Д. Д. Шостакович, Ю. Я. Вайнкоп,
 П. А. Серебряков, М. С. Друскин; внизу: П. А. Серебряков,
 И. Л. Андроников, И. Д. Гликман

Содержание

Предисловие	3
От редколлегии	17
Аббревиатуры и сокращения, не раскрытые в комментариях	19
Письма	21
Именной указатель	264

Шостакович Дмитрий Дмитриевич
Ш79 Письма И. И. Соллертинскому / Публ. и подгот. ил.
Д. И. Соллертинского; Предисл. Л. Г. Ковнацкой; Подгот.
текста Д. И. Соллертинского, Л. В. Михеевой, Г. В. Копыто-
вой и О. Л. Данскер; Коммент. и указ. О. Л. Данскер,
Л. Г. Ковнацкой, Г. В. Копытовой, Н. В. Лившиц, Л. В. Михе-
евой и Л. О. Адэр. — СПб.: Композитор • Санкт-Петербург,
2006. — 276 с., ил.
ISBN 5-7379-0304-4

Первая полная публикация писем Д. Д. Шостаковича к его самому близкому другу — замечательному музыковеду, литера-
туроведу, театроведу и критику И. И. Соллертинскому (1902–
1944). Ярко рисует личность великого композитора, события его
жизни и творческой судьбы.

ББК 85.313(2)

Д. Д. ШОСТАКОВИЧ
Письма И. И. Соллертинскому

Редактор *А. В. Вульфсон*. Оформление *Т. И. Кий*. Корректор *Т. В. Львова*.
Компьютерная верстка *Т. Ю. Фадеевой*.
Формат 60х90/16. Бум. офс. Гарн. Academia, Times. Печ. л. 17,25.
Уч.-изд. л. 19. Тираж 1000 экз.

Издательство «Композитор • Санкт-Петербург».

190000, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., 45

Телефон: (812) 314-50-54, 312-04-97.

Факс (812) 571-58-11

E-mail: sales@compozitor.spb.ru

Internet: <http://www.compozitor.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ОАО «Правда 1906»